Иван ЕГОРЧЕВ

«ЗАГАДКИ» ДЕРСУ УЗАЛА

Владивосток - 2014

63.3(255.35)
Е 30

ПРИМОРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА –
ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА
НАНАЙСКОГО РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Иван ЕГОРЧЕВ

«ЗАГАДКИ» ДЕРСУ УЗАЛА

12.03.76
29.11.184
29.01.18
30.02-199

Городская
библиотека-музей

Дальневосточный федеральный университет
2014

ЦБС
г. Находка

УДК 910.4
ББК 63.3
Е30

В книге использованы фотографии И.Н. Егорчева, А.Л. Мезенцева,
репродукции картин И.И. Дункая
и фотографии из архива Общества изучения Амурского края

Егорчев, И.Н.

Е30 «Загадки» Дерсу Узала / И.Н. Егорчев ; Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края ; Общественная организация народов Севера Нанайского района Хабаровского края ; [иллюстрации И.Н. Егорчева, И.И. Дункая, из архива Общества изучения Амурского края]. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2014. – 180 с. : ил.

ISBN 978-5-7444-3442-7

Книга рассказывает о гольде (нанайце) Дерсу Узала, популярном герое книг В.К. Арсеньева, как реальном человеке и литературном персонаже. Приведены многочисленные документы и воспоминания, касающиеся его личности; различные варианты развития событий, происходивших с ним и вокруг него; рассмотрены литературные версии, научные исследования и надуманные факты. Имеется перечень географических наименований, различных объектов, отдельных товаров, организаций и компаний, названных его именем. В целом книга представляет собой своеобразный многосторонний «портрет» Дерсу Узала, который является обобщённым образом многих проводников разных экспедиций В.К. Арсеньева.

Для широкого круга читателей.

УДК 910.4
ББК 63.3

© Егорчев И.Н., 2014
© Егорчев И.Н., иллюстрации, 2014
© Мезенцев А.Л., иллюстрации, 2014
© Дункай И.И., иллюстрации, 2014
© Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края, иллюстрации, 2014
© Общественная организация народов Севера Нанайского района Хабаровского края, 2014
© Оформление. ФГАОУ ВПО «ДВФУ», 2014

ISBN 978-5-7444-3442-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Всякий, кто читал Арсеньева, надолго, если не навсегда, проникся живым образом «таёжного человека» – Дерсу Узала. В ряду довольно многочисленных персонажей арсеньевских повестей, очерков и рассказов именно он выписан наиболее детально, психологически тонко и любовно, тем самым составляя некий контраст с иными проводниками, казаками, солдатами, офицерами, местными жителями, исследователями и другими людьми, встреченными В.К. Арсеньевым в таёжных экспедициях. Владимиру Клавдиевичу удалось настолько достоверно донести до читателя образ мыслей, поведения, разговорные особенности, всю живописную фигуру гольда-охотника, что трудно сомневаться в реальном существовании этого человека. Вышедшие впоследствии фильмы под названием «Дерсу Узала» 1961-го (режиссёр Агаси Бабаян, в роли Узала – Касым Жакибаев) и 1975 годов (режиссёр Акира Куросава, Дерсу – Максим Мунзук) окончательно утвердили в глазах читателя-зрителя хорошо узнаваемый, почти хрестоматийный образ мудрого, малообразованного с точки зрения европейца, но при этом всезнающего аборигена таёжных дальневосточных мест. К слову, кинематографический облик Дерсу Узала был детально скопирован с фотоснимков, сделанных В.К. Арсеньевым в экспедициях 1906–1907 годов и сохранившихся в архиве Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края во Владивостоке.

А между тем вопросы о том, где и как жил (и жил ли вообще) такой человек, как и где он погиб, как его звали «на самом деле», ставятся до сих пор. Более того, многие профессиональные исследователи и просто дотошные читатели В.К. Арсеньева даже выражают сомнения в том, был ли он гольдом (то есть нанайцем). По крайней мере, в Приморье его со всей убеждённостью считают удэгейцем, относя условную (определим её пока так) фамилию Дерсу к известному роду Уза (хотя, по разъяснениям специалистов, род этот был нанайским). По-прежнему продолжаются споры о месте первой встречи В.К. Арсеньева со своим проводником, чему, конечно, способствовал и сам Владимир Клавдиевич, внося элемент вымысла в свои ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ произведения. Именно яркий эмоциональный аспект восприятия замечательной арсеньевской прозы мешает читателю отделить писательский вымысел от реальных событий; впрочем, порой это нелегко сделать и специалисту. Наверное, Владимир Клавдиевич даже не мог предположить, что его повести будут восприняты как документальные отчёты об экспедициях (хотя писались они, о чём будет сказано ниже, именно на основе дневниковых записей).

Разумеется, многие современные авторы умышленно «заинтриговывают» читателя, рассуждая о некоей «тайне» жизни и смерти Дерсу Узала. Более того, некоторые из них попросту занимаются пустыми измышлениями, игнорируя имеющиеся факты и документы, давно известные серьёзным исследователям. Автору этих строк как человеку, занимающемуся изучением жизни и творчества В.К. Арсеньева более 15 лет, многое в отчасти надуманной «проблеме Дерсу» понятно; есть и статьи иных авторов, в разное время досконально разбиравшихся в нагромождении всех фактов и домыслов, касающихся Дерсу реального и, как модно сейчас говорить, «виртуального».

Случайная (или всё-таки нет?) встреча в селе Троицком на Амуре с Любовью Александровной Одзял, председателем правления общественной организации народов Севера Нанайского района Хабаровского края, подтолкнула меня к систематизации всех собранных ранее сведений, к попытке критического разбора отдельных версий и некоему подведению итогов в рассмотрении искусственно созданных «загадок Дерсу». Пора, наконец, внести ясность в этот вопрос и собрать в одном издании все факты, касающиеся этой почти легендарной фигуры. Сразу замечу, что «литературный» образ Дерсу Узала, хорошо знакомый всем нам по произведениям В.К. Арсеньева, заметно отличается от того, который вырисовывается из весьма (к большому сожалению) немногочисленных документальных сведений. В этом нет ничего удивительного или странного, поскольку проводник-гольд, которого звали Дерсу/Дерчу/Оджал/Одзял, был лишь ПРОТОТИПОМ героя повестей Владимира Клавдиевича, известного под «псевдонимом» Дерсу Узала. Именно это главное, что следует постоянно помнить при чтении книг В.К. Арсеньева, отнюдь не отождествляя две эти во многом разные фигуры. Образ гольда-проводника с течением времени стал, если можно так выразиться, «основным мифом» арсеньевской прозы. Отчасти негативную – как это ни странно на первый взгляд – роль сыграли записанные и опубликованные в разное время воспоминания родственников В.К. Арсеньева: первой супруги Анны Константиновны Арсеньевой (Кадашевич), сына Владимира, младшего брата Александра. Попробуем объяснить, почему. Во-первых, мемуары, основой которых является избирательная по сути своей человеческая память, всегда страдают вполне понятной неполнотой, неточностью и обусловленным этими обстоятельствами понятным желанием «заполнить» пробелы придуманными или где-то заимствованными событиями и фактами. А во-вторых... Известный петербургский поэт Евгений Рейн как-то ска-

зал: «Любые мемуары, воспоминания – это всё отчасти мифы. Некоторые истории входят в разряд «наигранных пластинок», которые повторяются из раза в раз». К сожалению, таких «наигранных пластинок» в истории отношений Арсеньева и Дерсу более чем достаточно; к тому же многие из них повторяются всё в новых и новых публикациях современных авторов, вдруг «открывающих» для себя давно известное.

Отделить реального Дерсу от «виртуального», созданного писательским талантом Арсеньева и нашим воображением, достаточно сложно. Эта книга – попытка справиться с такой задачей, опираясь на то немногое, что сохранили архивы и библиотеки. Как получилось – судить читателям…

Искренне благодарю за деятельную помощь в поиске нужных материалов сотрудников Российской государственной библиотеки (г. Москва), Библиотеки Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток); работников архива и библиотеки Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края (г. Владивосток), Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), Центральной библиотеки имени А.П. Чехова ВЦБС (г. Владивосток).

Особая благодарность – Марии Николаевне Быстровой, начальнику отдела хранения фондов на материальных носителях Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина (г. Санкт-Петербург) и Любови Александровне Одзял (село Троицкое Нанайского района Хабаровского края).

Иван ЕГОРЧЕВ,
член Союза журналистов России,
действительный член Русского географического общества –
Общества изучения Амурского края (РГО-ОИАК),
лауреат премии имени В.К. Арсеньева 2005 года,
редактор журнала «Записки ОИАК»,
г. Владивосток

Любовь ОДЗЯЛ

О НАНАЙЦАХ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ

С любовью, уважением и благодарностью
к В.К. Арсеньеву

Нанайцы – один из пятидесяти коренных малочисленных народов нашей страны, включённых в специальный перечень. Представители этих народов имеют в РФ особый правовой статус, который позволяет им вести традиционный образ жизни, сохранять свои язык и культуру.

Нанайцы – самый крупный народ южной ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы Амурского бассейна. Они расселены по обоим берегам Амура, вниз от устья Уссури и до с. Карги, а также по притокам и озёрам системы Амура, главнейшие из которых – Тунгуска с её притоками, озеро Болонь, реки Горин, Хунгари (устье), Анюй, Уссури и её правый приток Бикин. Нанайцы встречаются также за пределами указанной основной территории, например, в местах расселения ульчей и нивхов. Административные границы: Хабаровский край, река Амур; небольшие группы имеются на Сахалине и в Приморском крае, всего ориентировочно в 30 населённых пунктах.

Нанайцы за рубежом живут в Северо-Восточном Китае, населяют правый берег Амура (от устья Сунгари до устья Уссури), левый берег Уссури и его левые притоки: Нор, Доман, Мурэн, отчасти реку Белую. В Китае нанайцы проживают в провинции Хэйлунцзян, в городском округе Цзямусы в городском уезде Тунцзян в сёлах Боаца и Цзецзянькоу, а также в городском округе Шуанъяшань в уезде Жаохэ в селе Сыпай.

По данным переписи 2010 года, численность нанайцев в РФ составляет чуть менее 12 тысяч человек. В КНР их насчитывается более 4 тысяч человек. Учитывая, что по данным Всесоюзной переписи населения 1926–1927 годов нанайцев насчитывалось на советской территории 5757 человек, а по литературным данным 1928 года зарубежных нанайцев – 1500 человек, можно констатировать, что численность нанайского народа возросла за 80 лет более чем в два раза.

В основе современного литературного языка нанайцев лежит найхинский говор среднеамурского наречия. На его основе в 1931 году была создана нанайская письменность на латинской графике. В 1963 году она переведена на русский алфавит.

По поводу самоназвания имеется множество версий. В большинстве научных источников пишется, что «основное самоназвание нанайцев – нанай – «местный человек» (на – «место», «земля», най – «человек»)».

Однако это далеко не самоназвание, ведь так же себя называют братские народы нанайцев, ульчи и орочи. Слово «нанай» – это универсальный термин, связанный с понятием принадлежности к родной земле, но никак не самоназвание. Также общеизвестен термин «гольды», который вошёл в литературу в середине XIX века как общее название для нанайцев. Данный термин появился с подачи соседнего народа ульчей, которые, по утверждению нанайских информантов, в массе своей также являются нанайцами, угнетенными и униженными в силу своего низкого происхождения от смешанных браков нанайцев с рабами-китайцами и военнопленными, и вынужденными из-за этого бежать как можно дальше от маньчжурского владычества. Ульчи охотно шли на сотрудничество с русскими исследователями, которые в результате позаимствовали у них термин «гольды».

Точное самоназвание нанайского народа очень древнее: «хэдзэни», которое переводится, как «люди чёрной реки». Данный вопрос подробно раскрыт И. Лопатиным; кроме того, старейшины нанайского народа подтверждают этот факт. Люди, владеющие нанайским языком, вобравшие его от прадедов, знающие правду о своём происхождении, твёрдо называют себя «мы – хэдзэни».

Вместе с тем в 20-е годы прошлого века, когда малочисленные народы Приамурья вступили в фазу бурного роста в своём национальном развитии, самоназвание «нанайцы» было выдвинуто лучшими представителями только что зародившейся национальной интеллигенции и поддержано в народной среде. Сейчас нанайцы впитывают своё новое самоназвание с ранних лет, буквально с молоком матери.

По языку нанайцы относятся, как указывалось, к маньчжурской подгруппе тунгусо-маньчжурской языковой группы. Язык нанайцев включил многое из языков племён, вошедших в состав этого народа, а именно: элементы маньчжурского языка, значительное количество элементов эвенкийского языка и, наконец, ряд элементов более древних языков, отложившихся во всех тунгусо-маньчжурских языках нижнего Приамурья и Приморья.

Основные две группы в лексике – общетунгусская и маньчжурская, незначительный процент составляют китайская и какая-то более древняя лексика. Как и всякий язык народов Советского Союза, нанайский язык имеет значительное количество русских слов. Он объединяет две группы говоров: верховскую (вверх по р. Амуру от с. Найхин) и низовскую (вниз от с. Найхин).

Проблема происхождения современных нанайцев крайне сложна. Наиболее распространена теория их маньчжурского происхождения. Пред-

ставители этой концепции: академик Л. Шренк, И. Лопатин и другие, полагали, что родина нанайцев находилась по соседству с маньчжурами, у подножия хребта Шан-Алиня (Чан-бай-шана), откуда маньчжуры распространились по бассейну Сунгари, а нанайцы спустились в долину Уссури и достигли нижнего Амура. Между тем фактический материал свидетельствует о несравненно более сложной истории образования нанайцев. Другую точку зрения на происхождение нанайцев развивал Л. Штернберг, который считал, что нанайцы «по составу и истории своих родов представляют конгломерат родов самого различного происхождения».

На Нижний Амур в разное время приходили группы тунгусов, тюрок, монголов, маньчжуров, которые, смешиваясь с автохтонным населением, формировались в различные этнические общности. Одной из них и являются современные нанайцы. Несомненно, например, что нанайские роды Киле, Самар, Дигор, Гайер, Хайтанин имеют эвенкийское (тунгусское) происхождение. В составе рода Бельды имеются айнские подразделения, члены которых, как и айны, именуют себя куями, а своим исконным местообитанием считают острова, откуда они и переселились на материк. В состав других нанайских родов вошли китайцы, маньчжуры, солоны и многие другие народы.

Хозяйство и быт нанайцев

Первостепенное значение в жизни нанайцев имело рыболовство. В их хозяйственном календаре целых пять месяцев наименованы по названиям рыб, что свидетельствует о важности рыбного промысла. Характерная черта нанайского рыболовства – высокая специализация орудий промысла. Широко использовались крючковые снасти-перемёты, различные типы острог и сетей. Из ловушечных орудий наибольшее распространение имела ловушка типа вентеря. Запорное рыболовство представлено заездками нескольких типов.

Важную роль в жизни нанайцев играла охота. В многочисленных фольклорных произведениях герои занимаются в основном именно ей. Охотничий промысел также нашёл свое отражение в хозяйственном календаре нанайцев; о важности этой отрасли свидетельствует и весьма развитая охотничья терминология. Охотились нанайцы как на пушных зверей, так и ради мяса. Копытных добывали с помощью ловчих ям и засек, самострелами, медведей – петлями из толстой лосиной шкуры, а также копьём «гида».

Поселения нанайцев были двух типов: постоянные и сезонные. Определяющим при размещении построек был свободный выход к реке или

озеру. Наиболее древней формой жилищ были землянка «серома» и полуземлянка «хурбу». Землянка располагалась в откосе берега, в обрывах террас. Из наземных построек наиболее распространенным был однокамерный дом «хагдун». Стены его изготавливали из плетёных камышовых фашин, жердей, тальника, которые затем обмазывались глиной, перемешанной с травой или шерстью. Главной конструкцией дома, которая определяла его размеры, являлась отопительная система «накан» (отопительная лежанка). Наканы были основным местом обитания человека: здесь он спал, принимал пищу, работал.

Важнейшую роль в питании нанайцев играла рыба. Во время массового хода кеты её заготавливали в больших количествах. Разделанную рыбу вялили, получая разнообразные виды юколы, зимой рыбу замораживали. Аналогичным способом консервировали продукцию охотничьего промысла. Мясная пища имела более широкое распространение на притоках Амура. Самым любимым блюдом была и есть тала из свежей сырой рыбы, мелко порезанная с добавлением соли, черемши, дикого лука.

Утверждается, что религиозные верования нанайцев основывались на анимизме. Небо, земля, вода, тайга населялись в их воображении всевозможными духами, влиявшими на жизнь и судьбы людей. Для облегчения сношений с духами нанайцы делали их изображения в виде зооморфных и антропоморфных фигур, игравших главную роль в религиозных обрядах. Важное место в традиционном мировоззрении занимали промысловые культы: тигра, медведя, а также погребальные и поминальные культы и вера в бессмертную душу. Посредником между миром духов и людьми служил шаман. Основными его функциями были лечение больных, предсказание будущего и доставка душ умерших в буни (мир мёртвых). Вместе с тем система верований нанайцев, несомненно, более сложная, чем представляется на первый взгляд. Вера в Бога (по-нанайски Эндури), в бессмертную душу, реинкарнацию, Вселенское древо, Мировое древо, девять небесных сфер, мир духов, мир людей, божества Гор, Земли, Огня, Водной стихии – всё это требует отдельного исследования и серьёзного подхода.

Декоративное искусство нанайцев по цветовой гамме и орнаменту несёт на себе отпечаток необычайно яркой природы Нижнего Амура. Нанайские мастерицы умело использовали различные приёмы обработки рыбьей кожи, бересты, меха, других материалов. Существовало три основных способа нанесения орнамента: тиснение, резьба и аппликация. Орнаментика нанайских изделий представлена четырьмя типами: зоомор-

фным, растительным, облаковидным и геометрическим. Широкое распространение получила резьба по дереву. Резьбой покрывались окна и двери домов, выступающие концы фронтонных досок, деревянная утварь.

Предки нанайцев оставили богатое фольклорное наследие, в котором аккумулировались их древние верования, нормы морали, принципы народной педагогики, историческая память. Основные фольклорные жанры: тэлунгу (мифы, мифологические рассказы, предания, легенды), нингман (сказки-мифы и собственно сказки), сиохор (заимствованные сказки), а также шаманские песнопения, песни, плачи, загадки, скороговорки.

В советский период развитие культуры нанайцев происходило на профессиональной основе. Сформировался большой отряд национальной интеллигенции, появились литература, театр, музыка. Широкую известность получили Герой Российской Федерации, снайпер, участник Великой Отечественной войны Максим Александрович Пассар, Герой Советского Союза Александр Падалиевич Пассар, нанайские писатели и поэты Григорий Ходжер, Андрей Пассар, Аким Самар, певец Кола Бельды, учёные Николай Киле, Сулунгу Оненко, общественный деятель Евдокия Гаер и другие.

Самый известный из нанайцев – это, безусловно, Дерсу Узала: охотник, проводник российского учёного, путешественника и писателя Владимира Арсеньева в его экспедициях.

Исторические связи с маньчжурами и Китаем

Говорить о тесной связи маньчжуров, Китая и нанайцев не принято – это болезненная тема для российского государства. Если обратиться к историческим датам, то выяснится, что русские обитают здесь какие-то 150 лет. Почему? Ведь намного более дальние территории, Чукотка и Камчатка, находятся в составе России уже свыше 400 лет.

Во многих российских научных источниках тонко проводится аксиома, что маньчжуры и нанайцы – это народы, связанные только географически, периодически пересекающиеся в разные исторические периоды. Также нам всем внедряются ложные сведения, во многом унизительные для любой национальности. К примеру, что нанайцы – это дикий первобытный народ, облагодетельствованный русскими людьми, спасшими его от вымирания. В результате мы имеем разделение народов на людей высшего и низшего сорта по национальному признаку, незаслуженные оскорбления, обиды и некультурное, даже хамское поведение в отношении малочисленных народов Приамурья. Бытовой национализм, дух превосходства,

идущий от не слишком большого ума и отсутствия знания истории своей страны и Дальнего Востока, отсутствия уважения и воспитания, к сожалению, являются реальностью и серьёзными проблемами не только для нанайцев, но и для остальных этносов.

Вместе с тем нанайцам, имеющим славное историческое прошлое и генетическую связь с родной землёй, бережно сохраняющим свои традиции и память о предках, есть чем гордиться.

Имеется множество исторических, культурных и археологических свидетельств, доказывающих нашу общность с маньчжурами. В неолитическую эпоху на Нижнем Амуре была распространена культура, резко отличавшаяся от культуры Прибайкалья и северо-восточной Сибири. Для амурского неолита характерны подземные жилища, отражающие оседлый образ жизни неолитических обитателей берегов Амура, плоскодонная керамика со спиральным орнаментом, резко отличная от круглодонной керамики с прямолинейно-геометрическим орнаментом неолита Сибири. Керамика Амура тяготеет к неолитическим культурам Маньчжурии и Северного Китая. Это доказывает также и самый широко распространенный тип одежды – левополый халат, зимнее жилище типа фанзы с отапливаемыми нарами – канами, схожесть в утвари, украшениях, некоторых мотивах орнамента и т. д.

В районе Хабаровска и намного ниже его по течению Амура обнаружено много поселений, состоявших из жилищ с канами (отоплением маньчжурского типа). Исторические известия приписывают такие селения чжурчженям или нюйчжам – предкам маньчжуров.

Сами нанайцы твёрдо убеждены, что имеют с маньчжурами давние исторические кровные связи. Нанайцы являются потомками чжурчженей. Чжурчжени делились на северных, живущих на берегах Нижнего Амура, прямых предков нанайцев, и южных, более цивилизованных и воинственных, чем их дикие таёжные собратья. Нанайские предания и археологические находки, в том числе чжурчженьские городища на Амуре, говорят о том, что во времена Золотой империи Цзинь мы были частью единого государства, затем вместе боролись с захватчиками-монголами и даже победили, пусть и с большими потерями.

Благодаря помощи своих братьев с реки Амур чжурчжени стали снова набирать силу, из них выдвинулось самое многочисленное и жестокое племя маньде, которое захватило власть над всеми чжурчженьскими племенами. Чжурчженей стали называть маньчжурами. Под руководством легендарного Нурхаци маньчжуры захватили власть в Китае в XVII веке. Маньчжурская династия Цин повелевала Китаем вплоть до 1912 года.

В некоторых нанайских легендах повествуется, что Нурхаци был нанайцем и обладал сильным шаманским даром.

Появление русских в середине XVII века было сопряжено с многочисленными кровавыми случаями избиения мирного населения в духе испанских конкистадоров и долгое время оставалось безнаказанным только потому, что маньчжуры были заняты завоеванием Китая. После завоевания Китая, ряда сражений и последующего поражения русских казаков, заключения Нерчинского договора, Россия не имела никаких прав на Приамурье на полтора века.

В это время Амур обезлюдел, так как маньчжуры, усмиряя Китай, нуждались в воинах. В результате маньчжурские отряды нападали на нанайские поселения и уводили в Китай всех взрослых мужчин. Братский народ, прекрасные охотники и следопыты, мужественные и выносливые, нанайцы идеально отвечали их требованиям. Однако нанайцам было невыносимо расставаться с родиной, семьями, и многие бежали из Китая обратно на Амур, который к тому времени был заселен тунгусами, впоследствии ассимилировавшимися среди нанайцев. Маньчжуры из братского народа для нанайцев стали такими же жестокими завоевателями и угнетателями, как и для китайцев. Вместе с тем, напротив, нанайцы для маньчжуров оставались братским народом, о котором нужно было заботиться и опекать. На Амур отправлялись китайские каторжники в качестве рабов (нанайское слово «никан» означает «китаец» и оно же – «раб»), товары в обмен на пушнину, маньчжурские чиновники регулярно приезжали в нанайские сёла. Таким образом, на Амуре нанайцы всегда были в более привилегированном положении, чем другие народы, в силу своей близости с маньчжурами.

На территории расселения нанайцев существовали постоянные сторожевые посты и места пребывания маньчжурских чиновников. Таковы, например, посты Джангджу, Гайди, Хехцир, Джоада, Шайь'ен и Мыльки. Всё взрослое мужское население (от 15 лет и старше) обязано было платить ежегодно дань в размере одной собольей шкуры с человека. Для взимания подати существовала особая система. Территория, занятая нанайцами, делилась в административном отношении на округа.

В округе во главе каждого рода стоял назначенный из среды нанайцев маньчжуро-китайскими властями в Саньсине родовой старшина (халада), которому подчинялись сельский старшина (гасянда) и сельский исполнитель (седихиэн). Основной обязанностью этих лиц был сбор ясака для передачи его маньчжурским чиновникам, а также учёт умерших и новорожденных в своём роде. Нанайские старшины представляли собой приви-

легированную категорию нанайского общества. Маньчжуры наделяли эту группу лиц не только званиями маньчжурской чиновной иерархии (хала-да, гасянда и т. д.), но и соответствующими служебному званию знаками отличия. Все эти лица получали специальную грамоту на маньчжурском языке, определявшую их права и обязанности. Основной привилегией этой части нанайского общества было закрепление за нею маньчжурскими властями в пожизненное и наследственное пользование охотничье-промысловых угодий, т. е. основных средств производства.

Центрами китайско-нанайской торговли в период маньчжурского владычества были Саньсин на Сунгари и Дэрэн в нижнем течении Амура. Довольно оживлёнными торговыми пунктами были сёла Дондон (на территории нанайцев) и Пули (на территории ульчей). В обмен на продукцию нанайцев с китайского рынка поступали продукты сельского хозяйства (пшено, ячмень, бобы и пр.), табак, водка, различные китайские ткани (бумажные, шерстяные, шёлковые, бархатные), шёлковые халаты, затканные золотом и серебром, китайские шубы, различные украшения и хозяйственные принадлежности. Обмен производился непосредственно в Саньсине и Дэрэне или на местах при помощи китайских и нанайских торговых посредников. Исторические известия XVII и XVIII веков указывают на торговые связи нанайцев с народностями нижнего течения Амура и с Японией. Торговля с японцами происходила главным образом в Сирануси, на юго-западном побережье Сахалина. В середине XIX века она прервалась.

Оценочной единицей был китайский лан. Среди китайских товаров очень важное значение получили расшитые халаты, куски шёлкового материала и многие другие предметы, вся совокупность которых обозначалась термином «джака».

Помимо китайских купцов, среди нанайцев селились китайцы-хлебопашцы и огородники, занимавшиеся в небольших размерах животноводством и мелкими ремёслами. Значительное китайское земледельческое население было среди сунгарийских и уссурийских нанайцев, а на нижнем Амуре встречались лишь хозяйства одиноких, бессемейных китайцев-огородников.

Когда Китай ослаб в результате опиумных войн, маньчжурская правящая династия была вынуждена уступить Амур России. Русское владычество практически не повлияло на быт и устои нанайцев. Политика невмешательства русских властей в дела аборигенов вызывает ряд вопросов. Мягкая христианизация на сугубо добровольной основе, отсутствие притеснений и геноцида – разве это не удивительно? Китайцы и маньчжуры вплоть до

установления советской власти чувствовали себя на Амуре как дома. Нанайцы свободно отправляли экспедиции в г. Саньсин, где проводились ритуалы признания там нанайцами маньчжурской власти даже спустя 60 (!) лет после присоединения Амура к России. Можно ссылаться на безразличие и слабость российских органов власти, отдалённость этих земель от центра страны, а можно увидеть чёткий маньчжурский след. Быть может, судьба нанайского народа неофициально обговаривалась отдельным пунктом и была одним из условий передачи амурских земель от маньчжуров России? Или же был учтён горький опыт Нерчинского договора?

Маньчжурский вопрос является политически сложным не только для России, но и для Китая. С 1952 года маньчжуры считаются одним из 56 официально признанных национальных меньшинств Китая. В 1980-х годах численность маньчжуров составляла всего 4 миллиона человек. Согласно переписи населения от 1953 года, ставшей для маньчжуров первой после объявления себя официальной народностью КНР, их число едва достигало 2.5 миллионов человек. В наше время более 10.5 миллионов жителей Китая относят себя к маньчжурам.

Такое резкое увеличение численности маньчжуров объясняется политикой Китая, направленной на поддержку национальных меньшинств: например, маньчжуры освобождены от запрета иметь более одного ребенка в семье, а также для них упрощён доступ к получению высшего образования.

Несмотря на то, что наиболее влиятельные общины маньчжуров имеются в крупных городах, таких как Пекин и Шанхай, а также в провинции Синьцзян, большинство их (около 7.5 миллионов) проживают на территории Маньчжурии. Этническая группа маньчжуров успешно интегрирована в современное китайское общество. Частично благодаря своему привилегированному положению в имперском прошлом Китая, в наши дни маньчжуры являются неотъемлемой частью китайского общества.

Маньчжурская письменность была основана на монгольском алфавите и стала использоваться в конце XVI века. Теперь же маньчжуры пользуются китайской письменностью и язык свой в основном забыли. Среди десяти миллионов человек сейчас немногим более ста могут говорить по-маньчжурски и мало кто помнит письменную грамоту.

Сейчас маньчжуры проживают по всему Китаю, но наиболее компактно и многочисленно они живут в провинциях Хэйлунцзян и Ляонин на северо-востоке страны. В Пекине их тоже проживает достаточно много, но большинство маньчжур уже ассимилировалось, считают себя по духу и культуре китайцами.

Исторические связи с эвенками, тунгусами

В настоящее время, за исключением нивхов, коренное население Нижнего Приамурья говорит, как известно, на языках тунгусо-маньчжурской группы. Уже это одно указывает на тесные исторические связи указанных народностей с эвенками Сибири. В составе нанайцев, ульчей и других тунгусо-маньчжурских народностей Нижнего Приамурья прослеживается целый ряд родов эвенкийского происхождения. В культуре народов Амура имеются также особенности, свойственные более северной таёжной культуре эвенков. Таковы эвенкийского типа большие лыжи, подклеенные камусом, конический чум, лодка-берестянка, очень характерная для эвенков форма колыбели, такая своеобразная деталь одежды, как нагрудник, и некоторые другие элементы.

Взаимодействие с русским народом

В 40-х годах XVII века на Амур проникают первые отряды русских казаков. Первые известия об Амуре русские получили ещё в 1630-х годах от эвенков и юкагиров. В 1643 году на Амур спускается по Зее «письменный голова» Василий Поярков в сопровождении 130 человек казаков и промышленных людей. К 1649 году относится первый поход на Амур Ерофея Хабарова.

В 1858–1860 годах, когда по Айгунскому и Пекинскому договорам весь левый берег Амура и Уссурийский край отошли к России, началась массовая русская колонизация. Низовья Амура и Сахалин заселялись в административном порядке казаками, вольными колонистами и ссыльными; позже здесь развилась капиталистическая рыбопромышленность. Оттеснение населения с лучших рыболовных угодий и торговая эксплуатация привели нанайцев к обнищанию. Особенно угрожающие размеры приняла эксплуатация этого населения в 90-х годах XIX века, на что вынуждена была обратить внимание даже местная администрация.

С другой стороны, с возвращением русских на Амур здесь появились почтовые станции, пароходы, телеграф, началось строительство гаваней и городов. На территории расселения нанайцев был основан в 1858 году пост Хабаровка, ныне город Хабаровск – центр Хабаровского края. Получили широкое распространение огнестрельное оружие, порох, свинец и пр. Русское население принесло с собой элементы новой культуры, более высокую технику и ремёсла. От него нанайцы получали топоры, пилы и напильники, дровни, научились строить более тёплые бревенчатые избы

со стёклами в окнах, с потолком и полом. Старые жировые лампы заменялись керосиновыми, появилась русская мебель, русская обувь и головные платки, русские фабричные ткани, посуда, ложки и ножи. Под влиянием русского народа произошли изменения и в пищевом режиме нанайцев. Они стали потреблять печёный хлеб, картофель, масло, крупы, молоко, сахар. В художественной вышивке нанайцев появилась техника вышивания крестом и мотивы, близкие к русскому народному орнаменту. Все эти новые элементы культуры были, однако, распространены до революции незначительно, главным образом у населения Амурской магистрали.

Царское правительство ввело институт сельских старост, которые подчинялись окружным начальникам (исправникам). Но и после перехода в подданство России нанайцы сохраняли свои старые связи с маньчжурами и китайцами. Они сбывали часть охотничье-рыболовецкой продукции китайским купцам, которые снабжали их необходимыми товарами и держали в торговой кабале.

В советский период на Амур приехало множество энтузиастов, помогавших местному населению поднимать экономику, быт и культуру. Эти люди, не боясь климатических сложностей, гнуса, отсутствия элементарных удобств, посвятили себя и всю свою жизнь развитию нанайского народа и национальных сёл, обучению и подготовке национальных кадров, созданию письменности. Они полюбили Амур, его скромных неприхотливых обитателей, отличавшихся кристальной честностью и миролюбием. Пользуясь случаем, хочется назвать фамилии этих замечательных людей: А.П. Окладников, В.А. Аврорин, К.П. Белобородова, А.П. Путинцева, супруги М.А. и С.К. Щука, К.П. Худанова, А.В. Смоляк, Ю.А. Сем, А.Я. Чадаева и многие другие, приложившие громадные усилия для того, чтобы нанайский народ стал полноценной частью России. Их жизнь – это подвиг, их вклад в судьбу нанайского народа трудно переоценить.

Роль коммунистической партии, советской власти в становлении нанайского народа чрезвычайно велика. Именно в этот период была создана вся ныне действующая социальная инфраструктура, построено жильё, дороги, произошло формирование национальной интеллигенции.

В постсоветский период нанайский народ остро испытывал негативные последствия от шоковой терапии 90-х годов. Наблюдались такие явления, как резкий рост смертности, алкоголизма, венерических заболеваний, туберкулёза, наркомании, снижение рождаемости, массовая безработица, суициды. В последнее время, благодаря формированию нормативной базы по закреплению прав коренных малочисленных народов на

ведение традиционного образа жизни, усилению вниманию к проблемам и нуждам аборигенного населения со стороны федеральных и региональных органов власти, социальное и экономическое положение нанайского народа стабилизировалось.

О происхождении нанайских родов

Проблема происхождения нанайцев неразрывно связана с вопросами происхождения всех других амурских народов, в том числе и нивхов. По отношению к нанайцам можно привести следующие факты, связанные с их историей и указывающие на наличие в их составе как потомков древнего аборигенного населения, так и различных тунгусских и маньчжурских групп и даже китайцев (и, может быть, монголов).

Среди нанайских родов выделяется группа (например, роды Гаил, Заксор, Гэйкар, несколько подразделений рода Бельды и др.), считающая себя аборигенной. Эта часть нанайцев, по фольклорным данным, всегда занималась рыболовством и охотой, держала ездовых собак. Группа нанайских родов – Донкан, Юкэминкэн, Удынкэн, Самагир и др. – называет себя «киле». Л. Штернберг считал «киле» кочевыми тунгусскими родами, осевшими среди нанайцев. По данным нанайских исторических преданий, «киле» среди нанайцев представляют собой ряд родов, включающих в основном потомков биджанских, курурмийских и амгуньских эвенков, в прошлом оленеводов. Самагир (Самар) – род эвенкийского происхождения, позднее других влившийся в состав нанайцев. Тунгусское происхождение «киле» подтверждается вышеприведенными данными о самоназвании, а также языковыми и фольклорными материалами. Язык «киле» (особый диалект нанайского языка) по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям может быть сближен с эвенкийским. Преобладание у «киле» охоты над рыболовством также роднит их с эвенками.

Среди нанайцев имеются группы, ведущие своё происхождение от китайцев; в составе нанайцев Хэдзэр подразделение Сандукан ведет своё происхождение от одного из шаньдуньских китайцев. Нанайцы рода Наймука ведут свое происхождение от китайца-раба и т. д. Среди многочисленных подразделений нанайцев Бельды имелось подразделение Мориал, которое вело своё происхождение от монголов.

Коренным местообитанием нанайских родов Одзял и Пассар предания указывают реку Сунгари (по соседству с маньчжурами), где они, помимо охоты, занимались земледелием, огородничеством и разводили лошадей.

Род Одзял – это славный княжеский род, прославленный в нанайских преданиях самоотверженной борьбой с монголами. Род Одзял также известен благодаря своему представителю Дерсу Узала (или Дэрчу Одзял), проводнику В.К. Арсеньева.

На 2012 год в Хабаровском крае проживало всего 111 человек с фамилией Одзял: Нанайский район – 46, в том числе Нерген – 9, Дада – 4, Джари – 8, Найхин – 14, Синда – 1, Троицкое – 10; Амурский район – 38: Ачан – 23, Болонь – 1, Вознесенское – 3, Джуен – 11; Ульчский район – 14: Булава – 5, Богородское – 6, Дуди – 3; Хабаровский район – 13 (Сикачи-Алян); город Хабаровск – 3.

Таким образом, в настоящее время представителей рода Одзял осталось чуть более ста человек, причём большая часть (свыше 70 %) проживает на территории Амурского и Нанайского районов. Среди этих семидесяти процентов есть члены моей семьи и я, Одзял Любовь Александровна, председатель правления общественной организации народов Севера Нанайского района.

Источники:

1. http://www.nsu.ru/ip/nanay.php
2. http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B9%D1%86%D1%8B
4. http://lib7.com/narody-sibiri/1705-nanajtsy-obschie-svedenija.html
5. http://russian.cri.cn/307/2008/01/31/1@216050.htm

И ЭТО ВСЁ О НЁМ...

Надо заметить, что в настоящее время имя Дерсу Узала чрезвычайно популярно в самых разных областях российского бытия, часто тематически и географически весьма далёких от тайги и Дальнего Востока. К сожалению, порой оно используется и в спекулятивных или откровенно рекламных целях, а то и для собственного пиара.

Памятников Дерсу Узала поставлено два: на сопке Увальной (окраина города Арсеньева Приморского края) и на железнодорожной станции Корфовской в Хабаровском крае. В честь него было названо село Дерсу в Красноармейском районе Приморского края (сейчас практически нежилое) и скала Дерсу Узала на окраине приморского посёлка Кавалерово, являющаяся местным памятником природы. Река Дерсу есть в Тернейском районе Приморского края; перевал Дерсу имеется в Бурятии; гора Дерсу – в Хабаровском крае, на хребте Хехцир.

Любопытный факт: в фантастическом романе «Смерч» Василия Головачёва в посёлке Тура Красноярского края имеется улица Дерсу Узала. Существует ли такая в Туре в реальности – уточнить не удалось... А вот в городе Арсеньеве Приморского края действительно есть улица Дерсу Узала (возможно, единственная в России).

В память о Дерсу Узала назван астероид № 4142 из группы малых небесных тел, пересекающих орбиту Марса. Он был открыт 28 мая 1981 года чешским астрономом Зденькой Вавровой в обсерватории Клеть и принадлежит к довольно редкому спектральному классу А. Наверное, это самый крупный объект, носящий имя проводника В.К. Арсеньева. А вот и самая-самая мелкота: Sikhotelumpia dersuuzalai – жук, названный в честь Дерсу (из семейства перокрылки, один из мельчайших представителей отряда жесткокрылых в России).

Есть туркомпания «Тропы Дерсу» в Приморском крае, в Москве имеется Фонд развития экотуризма «Дерсу Узала»; существует горнолыжный центр «Дерсу» под Хабаровском; в Закарпатье (Украина), как ни странно, – даже есть отель «Дерсу Узала»; это имя зачастую носят различные лагеря следопытов, туристические и краеведческие смены, таёжные школы, курсы выживания и прочее. В сентябре 2014 года в Приморском крае, на реке Кема, состоялся Первый Дальневосточный фестиваль каякинга (сплава) под названием «Dersu race», посвящённый памяти известного водника Геннадия Тарана.

Именем Дерсу Узала названы интернет-форум квадропутешественников и охотничий интернет-магазин; в сети «ВКонтакте» имеется Клуб друзей Дерсу Узала; продаётся травяной оздоровительный чай «Дерсу» и

столовая минеральная вода «ДЕРСУ ключевая», которая производится в посёлке Корфовский Хабаровского края, на улице Владивостокской.

Существует некое ООО «Дерсу Узала плюс» из Москвы и даже сауна его имени на улице Русской во Владивостоке (видимо, с таёжными травами?); «Узала» – название дамплинг-кафе в известных владивостокских кинотеатрах «Уссури» и «Океан»; есть зимний костюм охотника «Дерсу», ранний сорт помидора и столовый сорт винограда под таким же названием…

В начале 2000-х годов была создана целая концертная программа самодеятельного приморского композитора Альбины Басовой под названием «Давай, Дерсу, присядем у костра». С 2008 года известна владивостокская рок-группа «Дерсу Узала», кстати, исполняющая одноименную песню собственного сочинения (текст её приводится в конце книги).

Совершенно особая организация: Общественный благотворительный фонд «Дерсу Узала» имени Максима Мунзука по Республике Тыва. Директором его является Светлана Мунзук – дочь Максима Мунзука, так впечатляюще и достоверно сыгравшего роль Дерсу в знаменитом фильме Акира Куросавы. В городе Кызыле, столице Тувы, в сентябре 2014 года в честь 10-летия этого фонда им был проведён уже V зрительский экологический кинофестиваль «Живая тропа Дерсу».

Многие друзья и почитатели Дерсу получили на фестивале фигурки Сударов. На вид это симпатичный усатый червячок из экологически чистого яблока, обутый в традиционные тувинские сапожки. Загадка его имени объясняется очень просто: Су-Дер – это Дер-Су. Кроме того, в тувинском языке «небо» — «дээр», «вода» — «суг», а вместе звучит почти как Дерсу. Неожиданная ассоциация, не правда ли? Так дальневосточный таёжный житель нашёл ещё одну родину – в Туве…

Причина такой необычайной популярности, конечно, кроется в первую очередь в литературном таланте В.К. Арсеньева, прославившего имя полулегендарного таёжного следопыта, и отчасти в известности уже упомянутых в предисловии двух фильмов под одинаковым названием «Дерсу Узала». Но… различные выдумки о личности Дерсу Узала и его жизни появляются настолько часто, что настало время отделить реального человека от мифической фигуры, разобраться во всех хитросплетениях вокруг него – как возникших от обычного незнания, так и вполне злонамеренных (есть и такие).

РЕАЛЬНЫЙ ДЕРСУ УЗАЛА: ВЕРСИИ, ФАКТЫ, СРАВНЕНИЯ

Итак, вопрос главный, требующий окончательного уточнения: когда впервые встретились В.К. Арсеньев и гольд (нанаец), которого он назвал именем Дерсу Узала? Вопреки версиям различных авторов и даже «книжному» тексту самого Владимира Клавдиевича, это произошло около 9 часов вечера 3 августа 1906 года, во время первой крупной экспедиции Арсеньева в горную страну Сихотэ-Алинь, в верховьях реки Тадуши (теперь Зеркальная, Кавалеровский район Приморского края). Дата и обстоятельства этой встречи известны абсолютно точно благодаря дневниковым записям самого В.К. Арсеньева, хранящимся в архиве Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края в г. Владивостоке.

Путевые дневники экспедиции 1906 года занимают три общие тетради и в целом насчитывают 340 листов. В тетради № 3 на листах 109–110 об. мы находим следующие рукописные заметки В.К. Арсеньева (текст приводится с сохранением особенностей пунктуации и орфографии оригинала):

«3го Августа

С восходом солнца были уже все на ногах. Отсюда мы пошли вверх по реке Тадуши… Так как мы будем опять проходить этой дорогой то я шел теперь без работ тем более что и инструменты все мои были на Ли Фудзине. Надо было торопиться как можно скорее дойти туда и забрать все вещи. В этот день мы дошли до фанзы Лудёва, где и расположились на ночь.

Продолжение 3го Августа

Вечером когда мы сидели у костра пришли мои два охотника и доложили что из за перевала с Ли-Фудзина пришел охотник Гольд… Этот гольд обещал придти на наш бивак. Уже поздно вечером, когда было уже часов около 9 вечера пришел этот гольд. Здравствуйте, сказал кто-то сзади. Я обернулся. У нашего огня стоял пожилой человек невысокого роста, приземистый, с выпуклой грудью несколько кривоногий. Лицо его плоское было покрыто загаром, а складки у глаз, на лбу и щеках красноречиво говорили что ему лет около 50-ти. Небольшие каштанового цвета редкие усы, редкая в несколько волосков борода, выдающиеся скулы у глаз изобличали в нем гольда. Он опустил ружье прикладом на землю и начал закуривать. Одет он был в какую то жесткую брезентовую куртку, манзовские штаны и улы, в руках у него были сошки, непременная

принадлежность охотника инородца. Глаза его маленькие с поволокой у крайних углов, казались зоркими и дышали умом сметливостью и гордостью. Мы спросили кто он и он с оттенком гордости ответил что он не китаец, а гольд. Он пробыл с нами весь вечер, разсказывал много интересного из своей скитальческой охотничьей и бродяжной жизни. Ночь он провел с нами. Мы предложили ему поступить к нам на службу за жалованье, одежду и стол. Гольд подумал и решил дать ответ утром. Имя его Дерсу, а фамилия Узала. На мой вопрос как перевести на русский язык его фамилию и имя или что это значит на языке Гольдов. На это он сам ответил, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

Продолжение 4го Августа

Утром гольд Дерсу Узала на вторично заданный вопрос согласен ли поступить проводником изъявил свое согласие и с этого момента он стал членом экспедиции».

Вот такая запись, совершенно чёткая и однозначная.

Впервые сведения о действительном месте первой встречи В.К. Арсеньева и Дерсу Узала были опубликованы ещё в 1965 году известным хабаровским краеведом и писателем Г.Г. Пермяковым в книге «Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В.К. Арсеньеве» (Хабаровское книжное издательство). На с. 135–136 этой книги практически дословно были воспроизведены соответствующие дневниковые записи. Впоследствии они были подтверждены выборочными публикациями дневников В.К. Арсеньева, а также несколькими исследователями его жизни и творчества (в том числе в авторитетной работе московского учёного А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев», М., 1985).

Поэтому представляется по крайней мере странным, что до сих пор точку этой встречи отдельные авторы относят к различным географическим пунктам Приморского края. Как известно, момент знакомства автора с Дерсу Узала подробно описан во второй главе повести «По Уссурийскому краю» и отнесён к 1902 году. Достоверность повествования В.К. Арсеньева настолько убедительна, что даже серьёзные исследователи считали (и продолжают утверждать), что это событие произошло в 1902 году в верховьях реки Лефу (с 1972 года – Илистая). Заимствованная из художественного произведения версия первой встречи повторяется вновь и вновь, причём авторы обычно искренно уверены в своей правоте – как же, сам Арсеньев писал! Ещё одной такой мифической

территорией почему-то называются окрестности бывшего приморского села Семёновка – современного города Арсеньева (получившего это наименование в 1952 году). В 1972 году, в честь 100-летия со дня рождения В.К. Арсеньева, на окраине города, на сопке Увальной, даже поставили монументальные изваяния Арсеньева и Дерсу, считая именно эту сопку местом первой их встречи.

Повторим ещё раз: впервые они встретились на реке Тадуши (Зеркальная), в её верхнем течении, у фанзы под названием Лудёва, судя по описанию – недалеко от современного посёлка Кавалерово, в 1906 году ещё не существовавшего. Поэтому наиболее близкими пунктами к месту истинной встречи Арсеньева и Дерсу являются приметная скала близ Кавалерово, ныне официально носящая имя Дерсу Узала, и окраина пос. Горнореченска в нескольких километрах от Кавалерово, где в 2012 году в честь 140-летия со дня рождения В.К. Арсеньева был установлен памятный знак. Примечательно, что в книге «По Уссурийскому краю» В.К. Арсеньев перенёс точку своей второй (по сюжету повествования) встречи с Дерсу в то самое место, где они фактически встретились в первый раз (согласно дневникам), то есть в район фанзы Лудёва.

Понятно, что, определив место прежнего нахождения этой фанзы, можно с достаточной точностью указать пункт первой встречи В.К. Арсеньева и его проводника. К сожалению, в дневниках 1906 года конкретных указаний на местонахождение фанзы Лудёва нет, но имеется карта маршрутов экспедиций 1906–1907 годов, вычерченная самим В.К. Арсеньевым в масштабе в 1 дюйме 5 вёрст для демонстрационных целей. Она имеет размеры 403x398 см и хранится в рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук в г. Санкт-Петербурге; нанесена на неё и фанза Лудёва. Следует отметить, что карта весьма схематична и в деталях не точна; в частности, реки и ключи (ручьи) на ней не разделены по своей значимости (величине водотока), а названия многих не подписаны. Тем не менее, сравнивая этот рукописный чертёж с современным картографическим отображением соответствующей местности, можно прийти к выводу, что фанза стояла на реке Кенцухе (Кинцуха), левом притоке реки Тадуши (Тадушу на карте В.К. Арсеньева), примерно в одной версте от её впадения в последнюю.

Об этом можно судить по характерному изгибу реки Кенцухе (с 1972 года – Высокогорская), хорошо отображённому в масштабе арсеньевской карты, а также по тому, что вдоль её течения В.К. Арсеньевым нанесена тропа, имеющая генеральный поворот налево в районе совре-

менного села Высокогорск и перевал на реку Дананцу (Дорожная). В настоящее время автомобильная дорога от Кавалерово до Дальнегорска идёт по этому же маршруту вплоть до Высокогорска; как хорошо известно, большинство автомагистралей Приморского края были проложены на местах старых троп как наиболее удобных для продвижения соответственно рельефу местности. То есть можно сделать вывод, что фанза Лудёва располагалась на реке Высокогорской в районе современного посёлка Горнореченский.

Разумеется, это не истина в последней инстанции и уж тем более не официальное заключение, а всего лишь личное мнение автора книги. Представляется, что столь важный вопрос должен быть рассмотрен на местности, с привлечением кавалеровских краеведов и рассмотрением карт разных лет; к тому же имеются вполне резонные доводы, что русла притоков реки Зеркальной (Тадуши) за более чем 100-летний срок под влиянием наводнений могли заметно переместиться.

Теперь обратимся к имени и национальности проводника – вопросу, также вызывающему множество споров и измышлений. Заметим, что имя встреченного гольда было воспринято В.К. Арсеньевым на слух и в таком написании (Дерсу Узала) повторялось им в иных дневниковых заметках, а также в последующих художественных произведениях. Более того, другие участники арсеньевских экспедиций, в чём мы убедимся ниже, называли гольда точно так же. Разумеется, незнакомые слова, произнесённые на чужом языке, можно передать разными русскими буквами или слогами, так что споры о том, «как правильно» (Дерсу/Дерчу/Дэрчу/Дэрчю или Узала/Очжал/Оджал/Одзял), попросту бессмысленны. Фактически все эти варианты – одно и то же имя, по-разному записанное. Нижние чины отряда, напомню, вообще звали проводника отчасти русифицированным именем Дерсук (судя по воспоминаниям А.К. Арсеньевой-Кадашевич, первой супруги Владимира Клавдиевича, так гольда называл и сам В.К. Арсеньев). Отметим ещё один любопытный момент: этнограф И.А. Лопатин, современник В.К. Арсеньева, совершая в 1913 году экспедицию по рекам Уссури и Амуру, в гольдском стойбище Тауди на реке Тунгуске (приток Амура) ночевал в фанзе Егора Одзяна. Можно, не ошибившись, предположить, что и этот гольд был из рода Оджалов, а приведённая И.А. Лопатиным фамилия – ещё один вариант записи названия рода русскими буквами.

Споры о национальности также не имеют под собой рациональной, а тем более научной основы. На почётное право считать легендарного Дер-

су «своим» претендуют чуть ли не все коренные народы Дальнего Востока; нет ничего удивительного в том, что и многие современные удэгейцы считают уместным причислить себя к его соплеменникам – даже вопреки очевидным фактам.

В этом вопросе очень часто ссылаются на мнение В.П. Сысоева, популярного дальневосточного писателя-краеведа, заслуженного работника культуры РФ, бывшего директора Хабаровского (Гродековского) краеведческого музея и декана географического факультета Хабаровского пединститута. В своё время он высказал однозначное предположение, будто Дерсу Узала был удэгейцем, – оно было приведено в книге «Люди-звёзды» другой популярной хабаровской писательницы и публициста Ю.А. Шестаковой. В.П. Сысоев выдвинул семь признаков, подтверждающих этот вывод, в их числе такие: Арсеньев встречает Дерсу в землях приморских удэ; он – охотник, а не рыбак; Дерсу учит Арсеньева удэгейскому языку (?); только среди приморских удэ (?) встречались в то время люди, у которых были русые волосы и зеленоватые глаза… Как видно – при всём моём искреннем уважении к Всеволоду Петровичу, умершему в 2011 году – аргументы довольно сомнительные, особенно последний: «Вспомните, как он уходит из Хабаровска. Не на Амур ведь уходит, а от него, от Амура. Настоящий гольд так не должен был поступить. Тем более, что перед смертью человека обычно тянет к родным местам». Но гибель Дерсу Узала была вполне неожиданной, и вовсе не собирался он «умирать», уходя из дома В.К. Арсеньева… Впрочем, не будем забывать, что такова лишь литературная запись Ю.А. Шестаковой.

Однако акцентируем внимание на следующем решающем факте: по убеждению самого Владимира Клавдиевича, Дерсу был именно гольдом, причём верхнеуссурийским (по месту обитания), что подтверждено и в дневнике, и в повести. Думается, что Арсеньев никак не мог перепутать гольда (нанайца) с орочем (удэгейцем), а тем более с тазом, поскольку достаточно хорошо разбирался во многих различительных признаках дальневосточных аборигенов.

Справедливости ради надо сказать, что трудности с точным установлением национальности представителей местных народов по внешности и одежде возникают и в наше время. Так, в журнале «Наука и жизнь» № 3 за 1967 год было помещено фото человека восточного облика с подписью: «На снимке Дерсу Узала, охотник-нанаец, герой книги В. Арсеньева. История этой фотографии неизвестна. Виталий Валентинович Бианки привез ее из поездки по Сибири. Фотография ему очень нравилась и всег-

да висела над его рабочим столом». Впоследствии вроде бы выяснилось, что на самом деле это снимок другого проводника В.К. Арсеньева – удэгейца Сунцая Геонки. Однако и такая версия оказалась не окончательной. Когда фото показали хабаровчанину А.М. Котову, лично знавшему и Арсеньева, и Геонку, он уверенно заявил: «Этот человек не Дерсу Узала и не Сунцай Геонка и не нанаец. По своему обличью он, видимо, якут или эвенк» («Наука и жизнь» № 8 за 1989 год). Так что безошибочно идентифицировать кого-либо по внешнему виду – задача непростая… Сам Дерсу однозначно называл себя гольдом, и это, как представляется, всё-таки решающий аргумент. Ведь главный аспект национальной принадлежности не одежда, не черты лица и даже не язык, а самосознание конкретного человека, его самоидентификация. В принципе этническое происхождение Дерсу могло быть весьма сложным и неоднозначным. Известный специалист по маньчжурским языкам, учёный из Санкт-Петербурга А.Х. Гирфанова, например, высказала в переписке со мной такое мнение: «У Арсеньева везде написано, что он был гольд, но были же и бродячие тунгусы непонятного пошиба, к которым он, скорее всего, и относился». Заодно добавим, что Дерсу Узала некоторыми авторами причислялся и к эвенкам, и даже к… уйгурам, ныне проживающим в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, а также в республиках Средней Азии. Последнее предположение было высказано в краеведческом сборнике «Приморье» (Владивосток, Дальневосточное книжное издательство, 1985). Автор статьи «Путешествие в глубь веков» Вадим Тураев, ссылаясь на известного владивостокского археолога Э.В. Шавкунова, ныне умершего, пишет следующее: «Рыжие усы и борода, и уж тем более тёмно-серые глаза совсем не свойственны коренному населению Дальнего Востока, в то время как для физического облика уйгуров внешность Дерсу Узала не представляет из себя ничего необычного. Дело в том, что уйгуры – не коренные тюрки. В далёком прошлом они были европеоидами… Вот почему есть у Шавкунова основания считать знаменитого Дерсу прямым потомком средневековых уйгуров, точнее, уже не уйгуров, а «желтоголовых чжурчжэней», о существовании которых известно из письменных источников средневековья» (конец цитаты).

Думается, Эрнст Владимирович высказал свою версию, опираясь не на книжное описание Дерсу, а именно на дневниковые записи В.К. Арсеньева, которые он хорошо знал. Более того, в первом издании повести «По Уссурийскому краю» (Владивосток, 1921) волосы Дерсу были названы русыми (!), причём в списке допущенных опечаток это не исправлено. Прав-

да, в тексте всех последующих изданий они почему-то стали тёмными… Уже упомянутый этнограф И.А. Лопатин в работе «Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: Опыт этнографического исследования» («Записки ОИАК», т. XVII, 1922) указывал, что у гольдов «встречаются иногда и настолько светловолосые субъекты, что их можно смело назвать шатенами». Так что светлые волосы Дерсу – вовсе не какая-то странность облика или игра природы, а факт вполне встречавшийся.

Что касается общего описания внешнего вида гольда, то Владимир Клавдиевич внёс заметные изменения в самые первые (дневниковые) впечатления. Если в дневнике его усы «каштанового цвета» и «редкая в несколько волосков борода», оттенок которой не указан, то в повести – «тёмно-русые усы» и «маленькая рыжеватая бородка»; цвет глаз в дневнике не отмечен. Заодно Арсеньев в книге омолаживает Дерсу на 5 лет и переодевает из «жёсткой брезентовой» в «куртку из выделанной оленьей кожи». Смысл таких перемен не вполне понятен, но… в этом, наверное, и есть загадка художественного творчества. Можно предположить, что автор, перенося в книге знакомство с проводником на четыре года раньше реального, не нашёл иного способа в художественной форме рассказать о своих походах по краю, предшествующих экспедиции 1906 года, в которых никакого Дерсу Узала не числилось.

Относительно истинного возраста Дерсу Узала можно судить только весьма приблизительно, исходя опять же из дневниковой записи В.К. Арсеньева: на 1906-й год около 50-ти лет, т. е. примерно 1856 года рождения. Больше никаких указаний на этот счёт у него не имеется. Сам В.К. Арсеньев называл своего проводника «пожилым», «стариком», что, надо полагать, вполне соответствовало внешнему виду 50-летнего «лесного человека». Тем не менее в некоторых изданиях (в частности, в Википедии) указывается почему-то 1849 год рождения, а Приморская государственная публичная библиотека им. М. Горького в ежегодно издаваемом «Календаре памятных дат» даже предлагает отмечать «юбилеи» Дерсу Узала, отсчитывая от того же 1849 года…

Видимо, творческим вымыслом В.К. Арсеньева является и гибель всех родных Дерсу Узала во время эпидемии оспы. По крайней мере, в дневниковых записях 1906 года упоминается брат Дерсу по имени Степан – судя по имени, крещёный. Правда, В.К. Арсеньев пишет о Степане «он назвался гольдом и братом Дерсу», не утверждая, что это именно так, но и не опровергая этой информации.

П.П. Бордаков, соратник В.К. Арсеньева по экспедиции 1907 года, о документальных записках которого подробнее расскажем ниже, приводил

такие сведения о семье Дерсу Узала (со слов гольда): «У него был племянник, которого он очень любил и даже женил, заплатив из своих средств установленный калым... Этот молодой человек жил, если не ошибаюсь, на р. Бикин, занимаясь, как и все гольды, охотой и рыбной ловлей. Но вот нагрянула шайка хунхузов, сожгла шалаш и перебила всю семью...». Тот же П.П. Бордаков сообщал, что от оспы умерла жена Дерсу, а его старший сын погиб в схватке с медведем; к сожалению, хронологическая последовательность этих трагических происшествий неизвестна.

Относительно гибели ВСЕГО рода Узала (или иного, созвучного ему) от оспы в дневниках Арсеньева сведений нет, хотя такие трагедии, безусловно, в то время случались. Так, в лекции под названием «Вымирание инородцев Амурского края», прочитанной В.К. Арсеньевым в Хабаровске 28 августа 1913 года на I съезде врачей Приамурского края, он говорил:

«Другими причинами вымирания инородцев будут болезни, которые занесли к ним русские и китайцы и которым они чрезвычайно подвержены. Особенно сильно свирепствует среди них оспа. От оспы они вымирают страшно быстро. В течение нескольких суток от целого стойбища не остается ни одного человека… Затем дикие народы гибнут и от других болезней, например, от кори и чахотки. Корь страшна для них своими осложнениями. Чахотки тоже раньше у них не было. Инородцы прямо говорят, что эти болезни принесли к ним русские. Организм европейца в течение многих веков успел уже выработать иммунитет, привык бороться с этими болезнями, и потому уже с рождением в нем как бы заложено противоядие. Для инородцев – это новые болезни, и потому всякое заражение для них почти всегда смертельно».

Как деталь отметим, что в предисловии к самой первой художественной книге рассказов В.К. Арсеньева, вышедшей в Уссурийске в 1920 году, было сказано, что верхнеуссурийских гольдов осталось всего три человека, в том числе и Дерсу. Правда, к какому времени относятся эти сведения, не совсем ясно (предположительно к 1901 году), но катастрофическое убывание численности аборигенных народов в конце XIX – начале XX века было реальностью…

Любопытен и другой момент: почему Дерсу Узала остался один, по какой причине он не жил вместе с соплеменниками, что побуждало его скитаться по таёжным пространствам в одиночестве? Как известно, традиционный образ жизни гольдов был принципиально иным. В упомянутой выше работе И.А. Лопатина говорится: «Гольды живут в поселках, которые у рус-

ских… принято называть стойбищами… Стойбища большей частью очень незначительны по числу фанз и жителей: бывают иногда из 2-3 фанз… Уже одно то, что живут они всегда селениями и при всякой возможности избегают жить в одиночку, является доказательством наличности общественного инстинкта. Да и в самом характере гольда кроется любовь к обществу, страсть к длинным беседам, шумным попойкам и т. п.».

Понятно, что не все люди одинаковы по характеру; к тому же и самого Дерсу замкнутым не назовёшь: была у него и «страсть к длинным беседам», и, как мы увидим дальше, трезвенником он не был; он легко находил общий язык с окружающими, даже малознакомыми и впервые встреченными. Так что достаточно ясно, что в его сознательном таёжном одиночестве кроется некая загадка. Отдельные авторы высказывали даже домыслы, что Дерсу Узала был изгнан из своего рода за преступление, например, за убийство. Действительно, в те времена существовал обычай так называемого остракизма, то есть изгнания из мест обитания (в частности, он был предусмотрен действующими в Уссурийском крае местными китайскими законами, описанными В.К. Арсеньевым). Но никаких сведений о том, что Дерсу Узала стал жертвой этого наказания, как и о том, что он когда-то совершил преступление, не имеется.

Отдельное внимание этой теме уделила Ю.А. Яроцкая, кандидат филологических наук (Владивосток, ДВФУ). В своей диссертации «Творчество В.К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы» (2005) она рассуждает так.

«Дерсу остался один не по доброй воле, но ничто не говорит и о том, что он был изгоем в своём племени. Напротив, все аборигены, как подчёркивал автор, любили и уважали Дерсу… Сам автор объясняет одиночество Дерсу именно потерей семьи во время эпидемии. Из исследования И.А. Лопатина известно, что заболевших бросали на произвол судьбы и больше в стойбища никогда не возвращались. Люди, выжившие после эпидемического заболевания, также становились изгоями. Мы не знаем, болел ли Дерсу, шансов выжить во время эпидемии у него, мужчины, было больше. В произведении Арсеньева причиной гибели семьи Дерсу указывается самая распространённая болезнь в традиционном обществе гольдов на рубеже XIX-XX вв. – оспа.

Оставшись вдовцом, Дерсу по обычаю нанайцев мог вернуться в отцовскую семью, но, вероятно, к тому времени все её члены

уже умерли. Почему же он не завёл новую семью? Из исследования И.А. Лопатина известно, что жених должен был дорого заплатить за невесту, кроме того, невестами были девочки-подростки (женщин было меньше, чем мужчин, среди них было очень высока смертность). Дерсу не был богатым, помнил свою семью, переживал её потерю. Невозможно представить этого героя пожилым женихом девочки-подростка.

Герой существует в двух измерениях, его образ несёт на себе следы двойственности. Он необычен. Его внешность свидетельствует о благосклонности к нему добрых духов, о его избранности, о его необычных способностях. На лице он носит шрамы, вероятно, следы тигриных лап, он убил тигра и должен за это ответить, его семья погибла во время эпидемии и он остался совсем один на свете, скитается по тайге и свой дом (полотнище палатки) носит в своей котомке. Он живёт не так, как его сородичи. Дерсу – одинокий скиталец…

Необычная внешность, по поверьям аборигенов, является свидетельством того, что её обладатель – необыкновенный человек. Его образ жизни – скитание по тайге в одиночестве – не является типичным для нанайца. В традиционном аборигенном обществе были случаи, когда человек мог остаться один, в частности, стать изгоем (например, раненый медведем). Но в книгах о Дерсу нет сведений о том, что его когда-либо ранил медведь» (конец цитаты).

Тут Юлия Александровна права – действительно, в произведениях В.К. Арсеньева таких сведений нет. Однако из документального очерка П.П. Бордакова «На побережье Японского моря», частично опубликованного в приложении к данной книге, мы узнаём, что Дерсу как минимум однажды имел схватку с медведем и был им тяжело ранен.

Современный автор С.В. Березницкий указывает: «Существует целый комплекс запретов по отношению к человеку, которого поранил медведь. В традиционной культуре орочей пострадавшего обязательно отселяли подальше от стойбища… У этого человека было запрещено брать взаймы кресало, кремень, трут, спички, смолу, тряпки, ремень, а особенно – нож… Считается, что этого человека медведь сначала хотел забрать к себе, но потом передумал. Этим медведь наказывает человека за какой-то плохой поступок, за который ещё нельзя убить, но нужно наказать». Правда, это относится к орочам, однако автор добавляет: «Данные верования соответствуют универсальным представлениям людей архаического общества».

Итак, Дерсу был ранен медведем, но на нём был и ещё один «грех» – нарушение запрета на убийство тигра. Тот же И.А. Лопатин сообщал: «Запрещенным животным является тигр (амба). Убивать его и есть мясо нельзя ни в коем случае. При встрече с ним или увидя его следы, охотник кланяется и читает молитву. По всем признакам тигр у гольдов считается тотемным животным. Сюда же следует отчасти отнести и медведя». Возможно, именно этой совокупностью – ранен медведем и убил (или пытался убить) тигра – и объясняется сознательная отстранённость Дерсу Узала от соплеменников, его вынужденное бродяжничество. Несколько подробнее этот вопрос разработан в более поздней монографии Ю.А. Яроцкой «Научно-художественное творчество В.К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы» (2013).

Другое расхожее, достаточно часто употребляемое выражение – «многолетний проводник Арсеньева» – связано с той же самой ошибочной датировкой первой встречи автора с Дерсу Узала. Поскольку в действительности знакомство это произошло в 1906 году, Дерсу был с В.К. Арсеньевым только в двух экспедициях – 1906-го (не полностью) и 1907 годов (в дневниковых записях 1907 года он упоминается трижды – 1, 7 и 14 июля). Разумеется, у Владимира Клавдиевича было много местных проводников различных национальностей, работавших вместе с ним в разные годы. А в книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» гольд-проводник является собирательным образом, что ещё раз подтверждает определённую степень художественности арсеньевской прозы – при всей её кажущейся документальности. Исследователям творчества В.К. Арсеньева прекрасно известно, что именно дневниковые записи 1906 года в своей основе явились своеобразным «черновиком» будущей прозы писателя. Все интересующиеся могут самостоятельно провести такое сравнение, положив рядом книгу «По Уссурийскому краю» и тексты дневников В.К. Арсеньева 1906 года. Они были полностью изданы в 2002 и 2004 годах Обществом изучения Амурского края (Владивосток) в «Записках ОИАК» (том XXXVI, выпуск 1 и том XXXVII, выпуск 1).

Но при этом следует подчеркнуть ещё раз: повесть «По Уссурийскому краю» (как и её продолжение – «Дерсу Узала») является безусловно ХУДОЖЕСТВЕННЫМ произведением, и делать на основе её текста выводы о РЕАЛЬНЫХ людях, событиях, маршрутах и даже датах не следует. Например, обратившись ещё раз к уже упомянутой тетради № 3 экспедиции В.К. Арсеньева 1906 года, отметим такой факт. После дневниковых заметок за июль-октябрь 1906 года, занимающих листы 1–47, в данной

тетради имеются более поздние записи. А среди них, композиционно после текста 1906 года и до записей 1908 года, есть 18 страниц (л.л. 48–56), исписанных чётким почерком Арсеньева. В них много вставок, замен и зачёркиваний отдельных слов и фраз, что придаёт этим страницам вид типичного литературного черновика. Начинаются они так:

«Однажды (зачёркнуто). Это было в 1901 году (зачёркнуто). 1902 г. Однажды мы с Дерсу сговорились идти в начале (зачёркнуто) середине октября месяца. Отряд наш стоял в это время в низовьях р. Лефу недалеко от озера Ханка. Дерсу никогда не надо было долго уговаривать. Достаточно было двух слов, чтобы старик тотчас же собирался, лицо его принимало деловое сосредоточенное выражение, немедля он принимался снаряжаться, собирал свою котомку и только спрашивал, будем ночевать (зачёркнуто) вернемся ночевать на бивак или останемся вдвоем в поле. В последнем случае бралась палатка, чайник, продовольствие и топор. Мы шли по р. Лефу и конечною целью нашего странствования было озеро Ханка. Здесь мы полагали заняться охотой по перелетной птице, а затем направиться к Суйфуну и далее по этой реке к Амурскому заливу. Время было осеннее, позднее...»

Затем идёт описание того, как в низовьях реки Лефу, близ озера Ханка, Арсеньев и Узала заблудились, как начался снежный буран, как гольд приказал автору рвать сухую траву и укладывать её на землю и так далее. Нетрудно догадаться, что этот эпизод – вариант начала хорошо известной шестой главы книги «По Уссурийскому краю», которая называется «Пурга на озере Ханка». Следовательно, ещё тогда (предположительно в 1907 году) В.К. Арсеньев задумывался над написанием научно-популярного повествования о своих приключениях в Уссурийской тайге, создавая своеобразное олитературенное «воспоминание» и подбирая для него подходящий по сюжету год…

Отметим некоторые другие особенности, связанные с творческим переходом от дневника к художественной прозе и касающиеся образа Дерсу Узала. Главное – это наличие вариантов текста. Благодаря тому, что в архиве Общества изучения Амурского края сохранились экземпляры первого издания обеих повестей с многочисленными авторскими пометками и вставками, мы можем в некоторых случаях проследить работу писательской мысли автора. Так, рассказывая о прошлой жизни Дерсу, В.К. Арсе-

ньев пишет: «Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд и по следам нашла, обессиленного от потери крови». Но существует и другой вариант последней фразы, с уточнением подробностей: «Жена искала его десять суток, прошла более двухсот вёрст и по следам нашла его, обессиленного от потери крови».

Ещё пример. В книге «По Уссурийскому краю» имеется эпизод охоты на кабанов, когда В.К. Арсеньев случайно ранил своего проводника. Понятно, что такой инцидент не красит любого охотника, но Арсеньев не только отмечает его в дневнике, но и включает в книгу (изданную, напомню, спустя 15 лет после событий). При этом автор описывает и свои личные непростые переживания: «Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту». Любопытно, что в книге эпизод развёрнут довольно широко, а соответствующая дневниковая запись очень коротка – буквально несколько строк: «23 Августа 1906 г. ... На обратной дороге я едва по недоразумению не убил проводника гольда. Выпущенная мною пуля слегка задела кожу на его спине причинив ничтожное поранение – царапину, небольшую опухоль от ушиба и значительные физические страдания. Перевязав ему эту рану мы тронулись далее».

Зато другой характерный эпизод – с выпившим Дерсу – В.К. Арсеньев в книгу не включил. Вот как он выглядит в дневнике: «20 августа… Так как мой проводник закутил и по дороге напился пьян, я должен был еще засветло остановиться на бивак... Всюду русло было сухое, каменистое. Дерсу окончательно забастовал, но я уговорил его дойти до воды... Проводник мой тотчас же уснул, но сперва минуты две сидел на толстом бревне и, подперев опущенную голову руками, пел какую-то печальную заунывную песню...

Проводник проснулся, хмель его прошел и он долго со мной разговаривал. Я задавал ему вопросы он отвечал…»

Можно предположить, что в создаваемый В.К. Арсеньевым художественный образ «идеального» таёжного проводника употребление алкоголя, по представлению автора, не вписывалось. К слову, в дневнике описано и поведение выпившего Степана – брата Дерсу Узала. Приведём эти фрагменты, сохранив особенности авторского рукописного текста:

«14 Сентября 1906.

... В фанзе... нас встретил какой то человек с монгольским типом лица, в полукитайской, полурусской одежде. Он назвался гольдом и братом Дерсу. Это оказался гольд, сторож с Викинга (судно,

выброшенное на берег в районе залива Святой Ольги – И.Е.), переводчик пристава Ольгинского Стана и сподвижник Шкуркина. Он на радостях выпил водки, напился пьян и чудил до невероятности.

15 Сентября 1906 г.

Гольд Стёпка без шапки, в какой то кацавейке, в рваных штанах снова напился пьян и до самой поздней ночи говорил мне про Шкуркина и о том что он был у него переводчиком. Язык его заплетался всё более и более и наконец я задремал, недослушав конца его разсказа».

Что касается «идеализации» образа Дерсу как обобщённого персонажа (тип в литературе довольно известен – «всезнающий и мудрый проводник из местных жителей»), то фактически об этой тенденции заявлял и сам Владимир Клавдиевич. В начале книги «По Уссурийскому краю», в главе второй («Встреча с Дерсу»), сразу после знакомства с гольдом, ещё не зная его, В.К. Арсеньев пишет: «Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация». И далее автор вполне последовательно развивает эту изначально заявленную тему сравнения двух принципиально разных образов жизни – городского и таёжного, «культурного» и «дикого» – причём второй в его книгах нравственно заметно выше первого. Понятно, что столь явный «порок» настоящего Дерсу, как склонность к выпивке (а тем более употребление опия, о чём речь будет ниже), в данную концепцию не вписывался.

Тот же подход В.К. Арсеньев подтверждал и в письме известному учёному-этнографу Г.В. Богоразу от 14 сентября 1929 года: «С этнографической точки зрения я с натуры списал анимистическое миросозерцание гольда охотника. Это совершенно реальная личность. Его многие знали, видели, говорили с ним и т. д. В моей книге Вы, вероятно, заметили, что я описал первобытный коммунизм, особую таёжную этику, деликатность туземца, которого ещё не коснулась цивилизация большого города. Дерсу действительно погиб только потому, что я увёл его из тайги в город. Я до сих пор не могу себе этого простить…».

Выражение Владимира Клавдиевича «это совершенно реальная личность» относится только к тому факту, что такой человек существовал, а не к индивидуальным качествам конкретного гольда. Определённая обобщённость образа экспедиционного проводника была отмечена многими исследователями. Приведём мнение известного петербургского литературоведа Игоря Сергеевича Кузьмичёва, который, анализируя творчество

Арсеньева ещё почти сорок лет назад, заметил: «Характеристики, какими наделил писатель Дерсу Узала, не оставляют сомнений в том, что он хотел вывести в своих книгах фигуру нравственно безупречную, в известной степени идеальную, не погрешив перед фактами (на самом деле – кое в чём и погрешив – И.Е.). Рассказ Арсеньева о Дерсу соответствовал действительности. Другое дело, что реальный Дерсу не во всём походил на Дерсу литературного, как это случается со всяким прототипом» (из работы И.С. Кузьмичёва «Писатель Арсеньев. Личность и книги», 1977).

К подобным выводам приходили и другие специалисты, изучавшие творческие методы Арсеньева-писателя. Так, известный приморский литературовед и критик С.Ф. Крившенко три десятилетия назад, рассматривая повесть В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю», писал: «Эта книга строилась уже не по законам отчета или путевого дневника, а по законам художественной прозы, по законам создания художественного образа, раскрытия характера. По законам литературы создавался образ Дерсу. Как убедительно показано исследователями, реальный Дерсу не во всем походил на Дерсу литературного, арсеньевского. Эта разница наглядно стала видна при сравнении повествования Арсеньева с записками П. Бордакова «На побережье Японского моря», которые, по словам Арсеньева, написаны «весьма живо и правдиво», и с рассказом того же Бордакова «Дерсу Узала», написанном в 1909 году» (из книги «Дорогами землепроходцев», 1984).

Во многом повторяет это мнение Н.И. Плотникова, научный сотрудник Уссурийского государственного педагогического института, кандидат филологических наук, в учебном пособии «Трилогия В.К. Арсеньева об Уссурийском крае: жанровое своеобразие» (Уссурийск, 2006). Она отмечает следующее:

«Образ Дерсу Узала – это обобщённый художественный образ «лесных людей», над созданием которого поработало авторское воображение… Литературный образ Дерсу Узала – это уникальное явление, это синтез черт характеров большинства проводников Арсеньева, черт характеров реального Дерсу Узала и самого автора… В действительности у путешественника было более двадцати проводников… с некоторыми из них его связывали долгие годы знакомства…

Арсеньев вопотил в гольде всё лучшее, что он видел в лесном народе, который большинством европейцев воспринимался как дикий.

На страницах книг писателя нет отрицательных характеристик героя, хотя, по воспоминаниям П.П. Бордакова, спутника Арсеньева, реальный Дерсу Узала имел на бытовом уровне «человеческие недостатки»: не прочь был увильнуть от общего дела, иногда ленился, любил выпить ханшину, употреблял опий, убивал он и тигров (7–8 было на его счету).

Но не это казалось главным писателю в образе гольда, а его великолетное знание тайги, человечность, преданность, умение быть верным другом – всё то, что составляло этику «лесных людей». И то, что образ человека Дерсу Узала не соответствует буквально образу литературного героя, и является, по нашему мнению, одним из доказательств художественной природы книг В.К. Арсеньева» (конец цитаты).

К документальной прозе П.П. Бордакова, на которую столь часто ссылаются, мы ещё обратимся, а пока следует констатировать: в ходе творческого процесса создания своих художественных произведений В.К. Арсеньев, следуя определённому авторскому замыслу, сознательно «приукрасил» образ гольда-проводника. Причём это касается не только некоторой идеализации его характера, поведения, но даже и общего облика. Сравним, например, впечатления от проживания гольда в доме Арсеньева в Хабаровске, которые остались у его первой супруги, Анны Константиновны Арсеньевой-Кадашевич.

«В 1906 году, ранней зимой (в датировке она явно ошибается – И.Е.), Арсеньев привёз к нам в Хабаровск Дерсу Узала, правильнее – Дэрчу Оджал. Это был сильный, очень грязный гольд с трубкой. Курил что-то своё, был страшный дух. Трубку он никогда не выпускал изо рта... С Дерсу была его старая винтовка и сумка-котомка. Всё очень грязное. Я и Дерсу говорили друг другу «ты». Гольд не хотел сидеть на стуле, только на полу. Жил у нас на кухне, не хотел идти в баню, не знал, что это такое... Дерсу жил у нас всю зиму. Любил водку. Володя уговаривал Дерсу, которого он звал «мой Дерсук», не пить... Если Дерсу выпивал водки, то начинал петь. На своём языке, во весь голос...» (запись Г.Г. Пермякова; цитируется по материалу «Глазами человека своего времени», газета «Владивосток», сентябрь 2006 г.).

Заметно, что это описание достаточно натуралистично и, надо полагать, правдиво. Любопытно обратиться и к тому, что запечатлела память сына В.К. Арсеньева, Владимира (Воли). Его воспоминания также записаны в своё время Георгием Георгиевичем Пермяковым и позже опубликованы, но мы обратимся непосредственно к творчеству Владимира Владимировича Арсеньева. В зрелом возрасте он писал небольшие рассказы, опираясь на эпизоды своей собственной жизни и частично – на детские впечатления. Большинство этих произведений создано в Челябинске, где жил тогда В.В. Арсеньев, в 1960–1970-х годах. В 2002 году сборник из двух десятков рассказов Владимира Владимировича под названием «Тропой завещанной Дерсу...» был издан во Владивостоке Дальневосточным арсеньевским благотворительным фондом. Вот что повествует Воля о Дерсу:

«Отец, вернувшись из экспедиции, привёз с собой своего проводника Дерсу Узала, о котором ранее много рассказывал и писал в своих письмах... Квартира была большая, и Дерсу отвели отдельную комнату... Кровать, столик с десятилинейной керосиновой лампой, два табурета, на стене винтовка, патронташ, два ножа в кожаных чехлах... На матрац, поверх одеяла, наброшена таёжная спутница – козья шкура, а у печи шкура барсука. Вот и всё скромное убранство комнаты Дерсу. По-спартански, как он привык в лесу.

Обыкновенно, Дерсу сидел на барсучьей шкуре с поджатыми ногами, перед топящейся открытой печью, с неизменной трубкой в зубах. Он смотрел на весёлый огонь, на потрескивавшие дрова. Иногда по его лицу пробегала улыбка... Часто вечерами я забегал к Дерсу и, сидя перед огнём, он рассказывал мне свои интересные сказки, в которых, кроме людей, фигурировали звери, птицы, шаман и божества его верований. Я привык к его рассказам и почти свободно ориентировался в этой мифологии...

Дерсу оживлялся, когда к нему вечером заходил отец, садился с ним у огня, и у них начинался оживлённый разговор, сопровождавшийся разными восклицаниями, а иногда и заразительным смехом. Видимо, они вспоминали какие-то весёлые минуты, пережитые в совместных путешествиях.

Когда отец вечерами сидел за своим письменным столом и писал, Дерсу, примостившись сбоку на шкуре, внимательно следил за бегом пера по бумаге и причмокивал не зажжённой трубкой...

Спал Дерсу всегда сидя на кровати, с поджатыми ногами, набросив на плечи свою кожаную тужурку. Видимо, таёжная привычка сказывалась и здесь, в доме...

Иногда, в тёплые дни, я с Дерсу уходил на целый день на «охоту за тиграми». Это были радостные для меня прогулки. Дерсу с винтовкой, а я с детским ружьём. Конечно, я воображал себя настоящим звероловом, а детское ружьё, в моём воображении, не уступало винтовке Дерсу. Доходили мы и до реки Уссури, где Дерсу разводил костёр, за которым и обедали... По пути Дерсу объяснял мне встречавшиеся небольшие следы зверьков и птиц, указывал на их различия и как угадать по ним о настроении зверька, на что обращать внимание, как разгадать, что здесь произошло...» (конец цитаты).

Непосредственные детские впечатления во многом дополняют образ реального гольда; отметим, что Воля ничего не говорит об «антисанитарии» Дерсу, так запомнившейся Анне Константиновне как хозяйке дома, зато вспоминает о сказках, прогулках, следах зверей... Ниже будут приведены свидетельства В.В. Арсеньева о гибели и похоронах Дерсу, а также текст его рассказа «Дерсу Узала после смерти», но предварительно хотелось бы обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. В 1908 году, о котором идёт речь, Воле не было и восьми лет; его воспоминания были записаны спустя ещё полвека. Так что стопроцентно доверять его впечатлениям не стоит – скорее всего, часть из них основана на более поздних рассказах отца и матери; в целом его творчество, что очень заметно, во многом испытало влияние художественной прозы Владимира Клавдиевича.

Чтобы закончить тему «реального» и «литературного» Дерсу Узала, обратимся к впечатлениям упомянутого выше Петра Петровича Бордакова. Он, будучи студентом Киевского университета Св. Владимира, принимал участие в экспедиции В.К. Арсеньева 1907 года и, следовательно, был знаком с Дерсу Узала (подчеркнём, что и П.П. Бордаков называл проводника именно так). Видимо, Пётр Бордаков и Дерсу Узала в известной степени сблизились, поскольку сам В.К. Арсеньев писал: «В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель... Н.А. Десулави ботанизировал по берегу моря, а П.П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, религии и о загробной жизни...» (цитата из повести «Дерсу Узала» 1923 года издания, глава III).

Кроме того, в примечании к главе I того же произведения говорится: «Мой спутник П.П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал

наше путешествие в журнале «Юная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П.П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине».

Так что, как видим, сам В.К. Арсеньев признавал, что ВПЕРВЫЕ написал о Дерсу Узала именно П.П. Бордаков. Неожиданное открытие, не правда ли? К проблеме литературного первенства в описании проводника-гольда мы ещё вернёмся, а пока приведём несколько отрывков из обширного очерка «На побережье Японского моря» авторства П.П. Бордакова, опубликованного в 1914 году.

Вот бытовая зарисовка:

«Когда мое дежурство приходится на вечер или на первую половину ночи, со мной сидит Дерсу. Как все старики, он плохо спит по ночам и часто выходит из палатки, чтобы выкурить трубку и погреться у костра. Он садится возле самого огня, прищуривает в него свои маленькие глазки и курит, о чем-то думая и не шевелясь иногда в продолжение целого часа. Представляется ли ему прошлое с его полувековым скитанием по тайге, с опасными охотами, приключениями и разнообразнейшими ласкающими и мучительными воспоминаниями? или он думает о предстоящей дряхлости и уже недалекой смерти?».

К последним словам Бордаков делает такое примечание: «Он был убит полгода спустя, в тайге, какими-то безвестными бродягами. П.Б.». Обратим внимание на эти слова и запомним их…

А вот что автор сообщает о прошлом Дерсу Узала:

«Когда он в духе, он начинает рассказывать мне о своей прошлой жизни или о каком-нибудь происшествии, случившемся много лет тому назад, когда он был еще совсем молодым, имел жену и детей и жил на берегу реки Бикина. Он любил вспоминать об этом времени, с которым связано все лучшее, что было в его жизни. Прищурив щелками глаза и весь распускаясь в добродушную улыбку, он повествует о своём старшем сыне, – смелом охотнике, погибшем в объятиях разъяренного медведя, и о преданной жене, однажды разыскивавшей его в продолжение десяти дней, когда он лежал в тайге, изранетный тигром. Энергичная женщина прошла одна более двухсот верст, пока не наткнулась на мужа, совершенно обессилившего от потери крови и от голода.

Она прожила с ним более месяца в глухом лесу, пока он несколько не оправился и не восстановил силы настолько, что мог идти. Память о ней он хранит, как святыню, и с трогательной грустью описывает ее смерть, вызванную оспой. Теперь Дерсу совершенно одинок и даже не имеет собственного шалаша. Лето и зиму он проводит в тайге, то в экспедициях В.К. Арсеньева, то самостоятельно, добывая пушнину и этим поддерживая свое старческое существование».

Буквально всё, что было описано П.П. Бордаковым в 1914 году, в 1921 году повторил В.К. Арсеньев; более того, один из вариантов текста повести «По Уссурийскому краю» (уже приведённый выше) практически дословно повторяет текст Бордакова: «Жена искала его десять суток, прошла более двухсот вёрст и по следам нашла его, обессиленного от потери крови».

Однако некоторые характерные детали, также описанные П.П. Бордаковым, принципиально расходятся с образом Дерсу, созданным В.К. Арсеньевым. То, что гольд любил выпить, никак не скрывается; более того, судя по тексту очерка, начальник отряда относился к этой слабости вполне понимающе. Процитируем ещё один фрагмент:

«Во время обеда пришел Дерсу. Он был в гостях у китайцев и, по-видимому, изрядно попробовал «ханшина», так как его глазок не было видно, и он весь расплывался в улыбку.

– Ты где был, Дерсу? – спросил В.К. Арсеньев, заметив его состояние.

– Э, моя далеко ходил, – не будучи в силах удержать смеха, ответил Дерсу. – Моя тайга ходил, коза у воды стрелял.

– Ты и нам покажи этот ключик.

– Какой ключик?

– С «ханшином». Ты где его нашел?

Старик затрясся от смеха и долго не мог выговорить ни слова»…

А вот отряд собирается выходить с бивака, и проводник вовсе не проявляет особого рвения:

«… Вследствие неопытности солдат, работа шла медленно, и несколько раз пришлось перевьючивать и перетасовывать вещи.

Ничего не делал только Дерсу. На правах проводника он сидел в стороне и хладнокровно покуривал трубку в ожидании, пока все будет готово и можно будет пуститься в путь…

– Ты бы, Дерсу, помог, – тоном упрека сказал В.К. Арсеньев.

Дерсу сделал недовольное лицо, но встал и несколько раз обошел вокруг уже навьюченного мула. После этого он, прицурившись, посмотрел на небо, снова набил трубку табаком и, постояв немножко, уселся на обрубок дерева».

Гольд, судя по тексту Бордакова, далеко не всегда трудолюбив и услужлив: «Местами, переходя через леса, нам приходится прорубать дорогу для наших мулов… Дерсу всячески старается увильнуть от этого дела, но и ему приходится браться за топор…».

Дерсу простодушно хитрит и в других случаях. П.П. Бордаков, рассказывая о таёжных ягодах, приводит такой характерный эпизод: «… Мы буквально объедаемся ими, и Дерсу часто жалуется на боли в животе, хотя уверяет, что терпеть не может ягод. Мы делаем вид, что верим ему, и даём ему капель д-ра Иноземцева, которые он закусывает ржаным сухарём».

Эта уловка Дерсу сейчас малопонятна и заключалась в следующем. «Капли доктора Иноземцева» (таково официальное название лекарства) применялись при желудочно-кишечных расстройствах для снятия болей и содержали в основном спирт и опий, а также некоторые другие растительные компоненты. Судя по «закусыванию ржаным сухарём», Дерсу употреблял их в качестве алкогольного допинга...

Более того, прямо во время похода проводник поддерживал себя всё тем же опием: «Время от времени он вытаскивает из-за пазухи пузырёк с опием и глотает крохотный кусочек. Эта дурная привычка укоренилась в нем, и отстать от нее он не может, несмотря на наши советы.

– После опия кушай будешь лучше, – оправдывается он».

Интересно сопоставить отношение Дерсу к тиграм, описанное Арсеньевым, с записками Бордакова.

Повесть «По Уссурийскому краю»: «Он… рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это запретные звери (в издании 1921 года – «боги» – И.Е.)».

Однако П.П. Бордаков в очерке подмечает, что сам Дерсу относился к тиграм не столь почтительно, причём знал об этом и В.К. Арсеньев. Вот соответствующий фрагмент текста:

«Дерсу Узала, несмотря на приверженность к своей религии, убил семь или восемь тигров. Он не любит рассказывать об этом, считая, что поступал дурно и несогласно с требованием великого бога – Аями.

– Моя не люби тигра, – сказал как-то он, – он худой люди… Моя не хочу убивать тигра, он сам хочу: зачем он прыгай на меня и рычи? Он может другой дорога ходи, а зачем он нападай на меня и хвостом верти? Тфу, проклятый зверь! – и Дерсу с отвращением сплюнул.

– Хитришь, Дерсу, – с улыбкой заметил В.К. Арсеньев, – не всегда тигр на тебя «прыгай и хвостом верти». Бывало, что и ты на него прыгал и вертел хвостом.

Дерсу залился беззвучным смехом.

– Бывало, как же! – проговорил он. – Ну, да это ничего, беды нету...»

Читатель может сам сделать вывод, насколько арсеньевский художественный образ расходится с реалистичными описаниями П.П. Бордакова, который не был обременён задачей отсечения неких «негативных» черт характера гольда (к слову, достаточно характерных для «лесных людей» того времени). Заметим лишь, что при всех подмеченных «недостатках» Дерсу Бордакова, пожалуй, более человечен, чем заметно идеализированный арсеньевский персонаж…

Теперь обратимся к моменту трагической гибели Дерсу Узала. Более достоверного повествования, чем изложенное самим В.К. Арсеньевым в одноимённой повести, не существует. Никаких документов на этот счёт нет и, скорее всего, не найдётся, поскольку вряд ли в архивы попали сведения о случайном убийстве беспаспортного гольда. Остаётся верить Владимиру Клавдиевичу, который указал, что убийство Дерсу произошло близ станции Корфовской в конце марта 1908 года. Кстати, дату он не называет; конкретное число (13 марта) указывала А.К. Кадашевич-Арсеньева в беседах с Г.Г. Пермяковым. Она же утверждала, что гольда убили каторжники, причём произошло это на деревянной дорожке гранитного карьера, о чём вроде бы говорил ей сам В.К. Арсеньев.

Как известно, в повести «Дерсу Узала» автор узнаёт об убийстве из телеграммы, посланной с Корфовской И.А. Дзюлем (реальное лицо, начальник этой станции и соратник В.К. Арсеньева по походам). На следующий день Арсеньев выезжает на станцию поездом (от Хабаровска до Корфовской – не более часа по железной дороге), прибывает поздно и утром (на третий день после убийства) вместе с Дзюлем отправляется «к месту происшествия». По «маленькой тропке» они идут в тайгу и «версты через полторы» доходят до места гибели Дерсу. Ни о каком «гранитном карьере» речи нет; полицейский пристав сообщает Арсеньеву, что гольда

нашли мёртвым около костра и, судя по обстановке, его убили сонным. Далее следуют такие варианты фразы: в издании 1923 года: «Убийцами были русские. Они искали у него денег и унесли винтовку»; в изданиях 1926 и 1928 годов: «Убийцы искали у него...» (без упоминания национальности); и окончательный вариант авторской правки: «Грабители искали у него денег и унесли винтовку». Как видим, изначально В.К. Арсеньев чётко указывал, что убийцами были русские, причём не сомневался, что их было несколько.

Окончание этой главы также претерпело много изменений. Так, во всех последующих изданиях, кроме самого первого (1923 года), отсутствовали два важных, практически ключевых абзаца текста:

«Какие-то два человека, причислявшие себя к лику европейцев, совершили гнусное убийство с целью грабежа. Они убили бедного дикаря, у которого была чистая душа и который во всю свою жизнь никому не сделал зла.

Цивилизация родит преступников. Созидай свое благополучие за счет другого – вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом, в последовательном порядке, идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация!?».

Заметим, что здесь уже определённо идёт речь о ДВУХ убийцах. Можно предположить, что это не случайная оговорка: если убийство произошло в тайге, несложно установить такой факт по следам (в отличие от каменного карьера, в котором Дерсу вряд ли спал бы у костра). Тут кстати вспомнить и примечание П.П. Бордакова к факту гибели Дерсу: «Он был убит... в тайге, какими-то безвестными бродягами» (1914 год). Ещё через полвека о «двух русских рабочих», убивших гольда, напишет Владимир Владимирович Арсеньев, сын Владимира Клавдиевича...

Почему же описание обстоятельств и места гибели имеет столько разночтений с последующими воспоминаниями супруги Арсеньева и его сына? По какой причине Владимир Клавдиевич неоднократно переписывал финал этой главы, внося значимые изменения? Дело в том, что яркое и трагичное, весьма достоверное в деталях арсеньевское описание похорон Дерсу Узала, судя по всему, является стопроцентным писательским вымыслом. Так, А.К. Кадашевич-Арсеньева недвусмысленно свидетельствовала: сам Арсеньев в это время отсутствовал в Хабаровске, на опознании и похоронах своего проводника не присутствовал и узнал о его смерти примерно через полгода. Вот небольшой отрывок из её воспоминаний:

«Дерсу ушёл от нас, когда Володя был в лесу. Потом мы узнали, что 13 марта 1908 года каторжники, добывающие гранит на Хехцире, убили Дерсу из-за его винтовки... Осенью 1908 года Володя вернулся из короткой экспедиции – ходил под Хабаровск. Я ему говорила, что Дерсу погиб, сначала Володя не поверил. Он сразу на Корфовскую, это в 25 километрах от нас. Могилу Володя не нашёл. Они искали вместе с Дзюлем, другом Володи... Через сутки Володя вернулся, утомлён, огорчён. Траурное настроение. «Мой Дерсук исчез». Следствия не было. Тогда жизнь инородца не ценилась».

Если сказанное А.К. Кадашевич-Арсеньевой рассмотреть критически, то в её словах есть противоречия. Судя по приведённому выше фрагменту, в марте 1908 года Арсеньева в Хабаровске не было, и вернулся «из короткой экспедиции» он только осенью – тогда и поехал искать могилу Дерсу. Но документально известно, что 27 марта, а также в начале апреля и мая 1908 года В.К. Арсеньев выступал с докладами в Приамурском отделении ИРГО, то есть находился в Хабаровске. Только 24 июня 1908 года он отправился в очередную экспедицию, вернулся из которой в Хабаровск в конце января – начале февраля 1909 года; осенью 1908 года он был в тайге, примерно в тысяче километров от этого города. Налицо явные нестыковки в датах; по крайней мере, во второй половине марта 1908 года Владимир Клавдиевич однозначно находился в Хабаровске, как он и пишет в книге.

Теперь – впечатления сына. В уже упомянутом сборнике рассказов «Тропой, завещанной Дерсу...» В.В. Арсеньев вспоминает:

«Всё же Дерсу не выдержал сидения в городе, где было так много для него непонятного и, с его точки зрения, дикого. За воду плати, за дрова плати, костёр разжигать на дворе нельзя, стрелять нельзя и, вообще, больше нельзя, чем можно. Это угнетало его, привыкшего к полной свободе действий. Он стал проситься, хотя бы ненадолго, в тайгу. После ряда просьб отец уступил ему и отпустил на несколько недель в Хехцир, снабдив своей визитной карточкой с надписью, что это его проводник, и проживает он в полку...

... На следующий день я не застал Дерсу в его комнате. Он ушёл рано утром, чтобы поездом уехать на станцию Корфовскую, а оттуда в тайгу. Я несколько дней не находил покоя, часто забегал в комнату Дерсу, но там было как-то пусто и мрачно. Потом всё по-детски забылось.

Дерсу больше не вернулся. В предгорье Хехцира он был убит. По найденной у убитого карточке отца нам сообщили о его гибели. Отец был в это время в командировке. Присутствовал при погребении Дерсу только начальник станции Корфовской, друг отца, И.А. Дзюль».

Вот так однозначно... Впрочем, заметим, что сказанное сыном очень похоже на написанное отцом (и к тому времени уже опубликованное) – кроме утверждения об отсутствии В.К. Арсеньева в Хабаровске на момент гибели Дерсу.

Итак, НИКАКИХ документальных свидетельств обстоятельства гибели Дерсу Узала не существует. Тем не менее современные литераторы берутся «закрыть» этот вопрос, буквально высасывая детали убийства из пальца, а порой и переписывая «сенсационные» подробности друг у друга. К смерти Дерсу (как фактической, так и «художественной») мы ещё вернёмся. Теперь обратимся к тому моменту, когда впервые появилось уточнение относительно «настоящего» имени Дерсу Узала.

В предисловии автора к первому изданию книги «По Уссурийскому краю» (1921 год) говорилось:

«Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную с ним странническую жизнь.

Если мы взглянем на этнографическую карту Уссурийского Края и отыщем на ней гольдов, то увидим, что инородцы эти распределились узкою полосою по долине р. Уссури до устья Даубихе. Часть гольдов обитали ранее по р. Улахе и ее притокам. Нас интересуют именно эти последние. Я сказал, обитавших ранее. Это совершенно верно, потому что теперь верхнеуссурийских гольдов нигде нет. Они все вымерли. В 1901 г. на р. Улахе их оставалось всего только три человека: Катка Белдай, Око Белдай и Дерсу Узала. Первые двое в том же году весной были убиты хунхузами на р. Ното, а Дерсу в 1908 году погиб в горах Хехцира в 36 верстах от гор. Хабаровска.*

** Дэрчу Очжал».*

Итак, к имени проводника В.К. Арсеньев просто даёт сноску, не объясняя её происхождения. Практически так же поступила А.И. Тарасова в 1985 году в хорошо известной арсеньеведам и часто цитируемой работе

«Владимир Клавдиевич Арсеньев» (переиздание этой книги было осуществлено в 2012 году Обществом изучения Амурского края во Владивостоке). Повествуя об экспедиции В.К. Арсеньева 1906 года, она пишет: «... с 3 августа в отряде появился ещё один член экспедиции – проводник-нанаец Дерсу Узала... Настоящее имя его было Дэрчу из рода Очжал (Оджал), жившего незадолго перед тем в верховьях Уссури, но почти целиком вымершего от какой-то страшной эпидемической болезни. Дерсу, его брату Степану и ещё двум-трём представителям этого рода посчастливилось остаться в живых».

Подчеркнём: вплоть до 1921 года употреблялось лишь написание Дерсу Узала, причём не только самим Арсеньевым, но и его соратниками по экспедициям. Что же касается выражения «настоящее имя», то оно требует пояснения. «Настоящее» – это как? По паспорту (но у гольда его не было), по письменным источникам (которых тоже не существовало) или по разъяснениям специалистов? Видимо, вернее всего последнее.

Дело в том, что в 1922 году в томе XVII журнала «Записки ОИАК», издававшегося во Владивостоке, была напечатана большая работа упоминаемого выше этнографа И.А. Лопатина, приват-доцента Государственного Дальневосточного университета, под названием «Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования». Автор изучал гольдов в экспедициях, проводимых от Общества изучения Амурского края, в 1913–1915 годах; позже бывал у них в 1916–1919 годах. В предисловии к этой работе сказано: «Уделял внимание гольдам и путешественник по Уссурийскому краю В.К. Арсеньев... Временами гольды были даже его проводниками и спутниками. Один из таких проводников гольд Дерчю Одзял (по транскрипции Арсеньева – Дерсу Узела) так много дал Арсеньеву этнографического материала, что Арсеньев даже описание своего путешествия озаглавил его именем».

Похоже, что именно Иван Алексеевич Лопатин, подготовка труда которого к печати велась практически параллельно с изданием книги В.К. Арсеньева (её полное название: «По Уссурийскому краю». (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь»), и подсказал «более правильное» (в смысле записи буквами русского алфавита) имя гольда. Разумеется, исследователи были хорошо знакомы друг с другом, и в работе Лопатина имеются ссылки на дневники Арсеньева. Почему сам И.А. Лопатин пишет «Узела» (причём это не опечатка – такое написание повторено и в библиографическом указателе) – непонятно... Но

при этом в национальности Дерсу он также ничуть не сомневается, уверенно относя его к гольдам.

В работе И.А. Лопатина есть раздел под названием «Географическое расселение родов». На с. 190 сказано: «Род Одзял (Оджал) распространен в Нижне-Тамбовской волости по левому берегу (Амура – И.Е.) в ст. Офа и Нэргэн. В Троицкой волости по правому берегу – в Чепчики, Серема, Хаухали, Чёнки, Гельдза и Хорин; по левому берегу – в ст. Бынксэ, Тобилан, Дай-Боочан, Дайдун, Саян, Курун, Алян». Автор также указывает, что в роду Одзял было много шаманов.

Последние сведения нашли неожиданное подтверждение в любопытной заметке из газеты «Владивосток» от 25 декабря 1895 года. Приводим её полностью:

«7 дек. в зале Хабаровского военного собрания, в 7 ч. вечера, член Приамурского отдела ИРГО П.П. Шимкевич в общем собрании членов отдела сделал сообщение о шаманстве у инородцев нашей дальней окраины, причем находившийся в Хабаровске шаман из гольдов, рода Оджал, с пятью ассистентами, из коих была одна женщина, демонстрировал так наз. камлание – пение с пляской на мистической подкладке.

Опираясь на труды о шаманстве В.К. Михайловского, г. Шимкевич познакомил слушателей с миросозерцанием малокультурных народов всего земного шара, с религиозным бытовым значением шаманства у них, с представлением о душе, остановился на уяснении связи ее с телом и на понятиях о загробной жизни. Кроме того, докладчик очертил культ животных и дал описание похорон и могил у разных племен нижнего Амура.

Одновременно были демонстрированы подлинные костюмы шаманов: негидальца с Амгуни, гольда с Амура и, по фотографиям, костюм шамана-манчжура, а также собранная докладчиком богатая коллекция, из 46 номеров, деревянных бурханов, делаемых гольдами по приказанию шамана и имеющих преимущественно целью исцеление человека от разных недугов и отчасти – способствовать звериному и рыбному промыслам.

После пересказа фантастической легенды о происхождении первого шамана, легенды, одновременно рисующей одеяние шамана, был представлен слушателям шаман. Его камланию предшествовали чрезвычайно характерные танцы трех гольдов и одной голь-

дячки, по своим «па» напоминающие несколько хождение на лыжах. Шаман сперва спел легенду с танцами о происхождении первого шамана и шаманства вообще, а затем изобразил камлание Дожка – исцеление от внутреннего недуга. Очень эффектная сцена была при изображении изгнания вредного духа из тела человека – танец, не лишенный глубокого смысла и изящества, совершенно невообразимого у дикарей. Он был исполнен шаманом вдвоем с гольдячкой.

На заседании присутствовала масса посторонних слушателей, и зал был совершенно переполнен».

Сами нанайцы относят род Одзял к старинным, прославленным как воинскими подвигами, так и шаманскими способностями, ведущим свою родословную со времён Золотой Империи чжурчженей. В частности, об этом свидетельствуют сохранившиеся в памяти народа тэлунгу (были), сообщённые мне Любовью Александровной Одзял. Вот их тексты.

Тэлунгу о роде Одзял

Когда-то в давнюю пору Одзялы произошли от тигра. Жил человек. Однажды у него потерялась жена. Месяца два-три он с товарищами искал её по рекам и лесам, но нигде не нашел. Тогда он сделал панё [иначе «паня» или «фаня» – олицетворение умершего человека – И.Е.] и перестал искать её. В это время люди его селения уехали на охоту в дальние места. Доехали до мест своего промысла, стали ходить на охоту. Каждый ходил по своей тропе: такой закон был у охотников. Однажды один из них заметил на своей тропе след другого человека, но ничего не сказал об этом своим товарищам. На другое утро он опять увидел этот же след. Пошёл он по следу. Шёл, шёл и увидел женщину. Вся одежда была изорвана, волосы взлохмачены. Обувь из рыбьей кожи развалилась. Человек взял её за руку и привёл в зимовье. Дал ей свою запасную одежду и обувь. Когда охотники вечером собрались, этот человек рассказал им, как встретился в тайге с этой женщиной. Его друзья спросили у женщины: «Как ты попала сюда?». Она рассказала: «Раньше была я замужем. Жили так, и стала я часто терять рассудок. Как-то раз очнулась в тайге и стала там жить. Однажды встретила тигра. Тот тигр схватил меня и затащил в берлогу, которую отнял у медведя. Стала я там жить. Сейчас я жду ребёнка». Весною охотники, закончив сезон промысла, вернулись домой и её привели с собой. Та женщина родила мальчика. С той поры старцы стали рассказывать тэлунгу о том, как Одзялы произошли от тигра.

Тэлунгу о шамане из рода Одзял

Среди Одзялов были сильные шаманы. О шамане Одзял рассказывают следующую легенду. Как-то с верховьев Амура плыл маньчжурский купец в джонке. Чем-то он похвалялся перед шаманом. Шаман поднял джонку купца со всем скарбом на вершину утёса Одзялов. Потом подошёл к купцу, взял у него трубку с длинным мундштуком, сломал её пополам и забросил на середину реки. Вечером шаман наполнил корыто водой, позвал купца и стал исполнять свой [шаманский] танец. И тут сказал: «Хочешь вернуть себе трубку? Поищи её в корыте с водой». И правда, купец нашёл свою трубку целой в корыте с водой». Проделав это, шаман велел всем сесть. Все сели. Он подошёл к маньчжуру-гребцу, вынул у него один глаз, подошел к собаке, вынул её глаз. Глаз собаки вставил гребцу, а глаз гребца – собаке. Так один глаз у гребца стал собачьим. А джонку, после долгих просьб купца, подталкивая носком, он спустил с утёса к реке. Такие чудеса проделал шаман Одзял с маньчжурским купцом.

Конечно, были и небылицы не могут служить каким-то веским основанием для выводов. Однако есть и другие доказательства. Подчёркивая древность рода Одзял, Николай Николаевич Бельды, нанайский поэт, исследователь истории происхождения и культуры родного народа, в книге «Сокровища края сильной воды» (Хабаровск, 2009) писал: «На военных смотрах тунгусо-маньчжур отряды… стояли со своими знамёнами и вымпелами, на которых были изображены гербы родов, образцы коих были вывезены из амурских стойбищ, рассмотрены, обсуждены, и нужные были одобрены и утверждены. Гербы освящались шаманскими заклинаниями, и им потом якобы творили земные поклоны как своему родовому дереву «пиухэ»… В данных гербах присутствовали в стилизованном виде некоторые особенности того или иного рода. Например, роду Одзял, жившему на озере Болонь, приписывается герб, на котором были изображены в стилизованном виде: священный для Одзялов утёс Болен Очжал (по-нанайски Болан, Одял хонкони, то есть утёс озера Болан и рода Одзал), протоки реки Амур и сам Большой Амур в виде дракона и, наконец, символ охотничьих удач и таёжного изобилия в образе некоего пушного зверя».

В этой же книге имеется изображение гербов озёрского (с озера Болонь) рода Одял (Одзял) и уссурийских Одялов (Узала). Последние, по некоторым данным, происходили из нанайского селения Фурмэ или Поён (Фуюань), располагавшегося на правом берегу реки Амур недалеко от впадения в него Уссури. В настоящее время Фуюань – это город на тер-

ритории КНР, входящий в состав городского округа Цзямусы провинции Хэйлунцзян, примерно в 65 километрах от Хабаровска; и сейчас в том районе ещё живут нанайцы.

О том, где проживал гольдский род Оджал/Одзял, есть сведения и у В.К. Арсеньева. В книге «В горах Сихотэ-Алиня», впервые изданной в 1937 году, автор излагал сведения, полученные им в 1908 году от старшины гольдского поселения Найхин на Амуре:

«Все гольдские роды территориальные, и названия их в большинстве случаев указывают место, где тот или иной род обитал исстари. Так, род Дэонка родился на ключике того же имени, впадающем в реку Эльбин, Пермнка получил своё название от местности Пермин, Актенка – с реки Мухеня, Соянка – от местности Соян (ниже села Троицкого), Кофынка – от местности Кофынь, Марянка – из Маря, что на левом берегу Амура против села Сарапульского. На месте последнего было стойбище Уксяма. Отсюда и произошёл род Уксаменка. Люди Очжал родились и жили на берегах озера Болэна, где в давние времена добывалась серебро-свинцовая руда. Утёс с рудой назывался Очжал-Хонкони, а озеро – Болэн-Очжал. Род Ходзяр повёл своё начало от протоки Атуа – немного выше «серебряного» утёса, Цзахоури – из местности того же имени, а Удынка и Юкомика жили на реке Тунгуске.

До русских гольды платили ясак маньчжурам, причём разные роды вносили его в разное время, вследствие чего в самом выгодном положении оказался род Бельды, а в наиболее тяжёлом – род Дэонка. Тогда очень многие гольды из родов Дэонка, Пермнка, Актенка, Соянка, Цоляцанка и Кофынка при опросе их маньчжурами назвались Бельды. Остальные роды – Марян, Посар, Очжал, Ходзяр, Моляр, Цзахсур и Юкомика – остались с прежними названиями».

К слову, в дневнике Олгон-Горинской (Кур-Олгонской) экспедиции В.К. Арсеньева 1917–1918 годов упоминается нанаец Егор Очжал, но о его родственных связях с родом Дерсу ничего не говорится. Вполне возможно, что в то время сам Владимир Клавдиевич ещё не отождествлял имена Узала и Очжал/Оджал/Одзял. В том факте, что гольд из этого рода оторвался от исконных мест обитания и в итоге «скитальческой охотничьей и бродяжной жизни» оказался в бассейне реки Уссури, нет ничего

удивительного ни для тех времён, ни для современности. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года нанайцы в Приморье занимают третье место по численности – после русских и украинцев. Их в крае 11009 человек, из которых 5 не владеют русским языком (видимо, владеют только нанайским?).

Разумеется, век назад миграционные процессы также имелись в наличии. В качестве примера можно вспомнить, как в 1912 году В.К. Арсеньев, совершая поездку на реку Биру (современная Еврейская автономная область), услыхал от местных казаков о некоем племени «ламаков», живущих в среднем течении реки. Со слов казаков Арсеньев смог только узнать, что эти инородцы – не оленеводы, летом они занимаются рыболовством, а зимой охотой и соболеванием; что их очень мало, живут они в юртах, сделанных из коры, и носят две косы, обмотанные красными шнурками с бисером. Судя по описаниям, они были похожи на хорошо известных В.К. Арсеньеву удэгейцев. Наконец, Владимир Клавдиевич встретил трёх «ламаков» и завел с ними разговор на языке удэге. Оказалось, что это действительно были удэгейцы из рода Ламунка – вот откуда взялись русифицированные «ламаки» (это к вопросу о восприятии незнакомых слов на слух). Их предки жили раньше на реке Хор, но уже давно перекочевали оттуда на Биру. По сообщению Арсеньева, они позаимствовали много слов у якутов и тунгусов; язык их сильно изменился, и в то время «ламаки» плохо понимали своих сородичей из бассейна Уссури.

Что же касается приведённых В.К. Арсеньевым сведений об озере Болонь (или Болэн-Очжал – опять уже знакомые нам разночтения в записи названия одного и того же географического объекта) и утёсе с серебро-свинцовой рудой, то у этого места давняя история.

Первым о мифической «серебряной горе» на Амуре узнал казачий атаман Дмитрий Копылов в 1638 году, будучи на Алдане, в нынешней Якутии. Тогда эвенкийский шаман Томкони рассказал ему, что «есть де блиско моря река Чиркола, а на той реке Чирколе гора, а в ней серебреная руда, а около тое руды живут в орде сиделые многие люди, а живут домами своими, устроены дворы, а городов у них никаких нет и иных крепостей нет же, а и с той руды плавят серебро». На следующий год Копылов на поиски «серебряной горы» отправил отряд под командованием десятника Ивана Москвитина. Как известно, именно Москвитин и его казаки в августе 1639 года первыми из русских людей вышли к берегам Ламского

(Охотского) моря. Зимуя в устье реки Ульи, Москвитин узнал о южной реке «Мамур» (Амур), в устье которой живут «гиляки сидячие» (оседлые нивхи). Летом 1640 года «москвитинцы» совершили морской поход к югу, получив от местных жителей новые данные об Амуре и его притоках, а также сведения о нивхах, нанайцах и айнах. Впрочем, «серебряную гору» они не нашли, так что неизвестно, имелся ли в виду утёс на озере Болонь или какое-то иное место.

Зато отчёты знаменитого Ерофея Хабарова описывали именно эту местность. Осенью 1651 году его отряд, спускаясь по Амуру, встретил гольдов, которых Хабаров назвал ачанами. Землю они не пахали, скота не разводили, а занимались только рыболовством. 29 сентября 1651 года Хабаров остановился в большом гольдском селении на левом берегу Амура. Здесь казаки поставили острог, названный Ачанским, и остались в нём на зимовку, совершая набеги на окрестных жителей и собирая с них ясак. О том, где именно находился Ачанский острог и почему он так был назван, долгие годы велись споры специалистов.

Приведём лишь одну статью из сборника «Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования» (том 2, Владивосток, 1995), принадлежащую авторству Б.П. Полевого. Борис Петрович – один из крупнейших исследователей истории освоения русскими Сибири, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, к сожалению, умерший в 2002 году. Его работа называется «Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья» и непосредственно связана с проблемой местонахождения Ачанского городка. Б.П. Полевой напоминает, что в сентябре 1652 года отряд Хабарова пришёл в «землю ачан», где остался на зимовку в Ачанском улусе. Именно здесь на казаков неожиданно напали совместные силы маньчжуров и нанайцев, но хабаровцы одержали над ними победу. Автор, опираясь на исторические факты, делает вывод, что бывший Ачанский улус – это современное нанайское селение Оджал-Болонь.

Аргументы его следующие:

«В маньчжурских источниках место столкновения маньчжуров с русскими именуется селением Учжала, а это не что иное, как нанайское название Оджал (у Р.К. Маака: Уотзял; Путешествие на Амур в 1855 г., Маак Р., 1859, отд. 1, с. 193) от рода оджал (у В.К. Арсеньева: Узала). В обнаруженной Б.О. Долгих амур-

ской ясачной книге 1655–1656 гг. указывается, что 30 августа спутники Онуфрия Степанова Кузнеца последовательно посетили следующие нанайские (дючерские) селения: Долинское, Шаргунское, Мая, Ачанское, Чюланское, Дифунское... В этих названиях нетрудно узнать последовательно расположенные нанайские селения: Долэ (у Маака – Доолэ или Доолин, теперь с. Троицкое), Саргу или Сарку, Майе или Маи (оно же Малмыж), Ачанское или Отщанское (искажённое Оджал), Чельцы и Джифу. И это ещё раз ясно показывает, что Ачанский улус – это действительно селение Оджал-Болонь, которое ... было явно неудачно переименовано ... в «Ачан». К сожалению, здесь не было учтено, что этноним «ачан» – это лишь русский искажённый вариант названия нанайского рода «оджал». «Оджал» же временами Хабаровым транскрибировалось как «отщан», которое вскоре и превратилось в «ачан»...

... Что же нового дала челобитная С.В. Полякова? Прежде всего она даёт возможность исправить один ошибочный вывод покойного А.А. Степанова. Он присоединился к моему выводу, что Ачанский городок был у горы Оджал, но, к сожалению, что он был расположен на самой горе Оджал со стороны Серебряной протоки... На самом деле там был когда-то чжурчженьский военный пост, охранявший гору Оджал, так называемую Серебряную гору. Между тем из текста челобитной ясно видно, что Хабаров и его войско проживало в самом селении Оджал...

Интересно заметить, что в Ачанском улусе Хабаров захватил нанайца «Жакшура». В настоящее время в этом селении живут нанайцы из рода Заксор. Это лишний раз подтверждает правильность нашего определения местоположения легендарного хабаровского Ачанского городка» (конец цитаты из работы Б.П. Полевого).

Интересующихся этой темой более подробно можно адресовать к статьям Б.П. Полевого «О местонахождении Ачанского городка (журнал «Советская археология», № 3 за 1960 год) и «Где ... жили ачаны?» (журнал «Дальний Восток», № 12 за 1973 год).

Мнение Б.П. Полевого поддержал бывший в то время учёным секретарём Приамурского филиала Географического общества СССР А.А. Степанов (ныне тоже ушедший от нас), который совместно с сотрудниками Хабаровского педагогического института в течение 12 полевых сезонов,

начиная с 1969 года, занимался изучением района горы Оджал. Итоги этой многолетней работы были подведены А.А. Степановым в статье «Как был найден Ачанский город Е.П. Хабарова» (опубликована в книге Ф.Г. Сафронова «Ерофей Хабаров», Хабаровск, 1983). Чтобы окончательно подвести итог, приводим достаточно большой фрагмент этой статьи:

«В процессе поисковых поездок и, конечно, анализа крупномасштабных карт и гидрологических материалов нами было проведено тщательное изучение в натуре левобережья Амура и прилегающих проток, в том числе протоки Сий, соединяющей озеро Болонь с Амуром. В 1972 г. ниже утёса Серебряного (нынешнее название горы Оджал), у одноименной левобережной амурской протоки были обнаружены земляные валы и рвы, некогда окружавшие старинную крепость. В последующие годы поисковые работы продолжались в двух направлениях:

а) несколько раз обследовались берега проток, межпроточные релки и амурские острова, и в итоге разведки было признано, что Ачанский город в этих местах стоять не мог;

б) на месте остатков крепости в 1972, 1973, 1978, частично в 1979 и окончательно в 1982 гг. совместно с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1978 г.) проводились археологические раскопки.

Было установлено, что ... 1000-1200 лет тому назад на месте селения поднялась крепость эпохи средневековья. Позднее в ней обосновались предки нанайцев, которых Е.П. Хабаров называл ачанами. Самый верхний и трудноразличимый слой явно относится к середине XVII века... Раскопки 1982 г. дали нам возможность заключить: Ачанский город Е.П. Хабарова находился именно здесь, в Амурском районе Хабаровского края, на высоком мысе Кадачан, вблизи озера Болонь и селения Ачан.

Землепроходцы на месте центральной части старой крепости возвели свое укрепление, известное по маньчжуро-китайским источникам как «деревянный город»... Следы сторожевой башни Ачанского города были обнаружены в 1982 г. В соответствии с требованиями русского военного искусства XVII в. создавалась и внешняя оборонительная линия. Используя старые, оплывшие сооружения, соратники Е.П. Хабарова обвели крепость глубоким рвом, за которым возвышался земляной вал...

Старожилы Ачана рассказывали нам, как они в далеком детстве играли ядрами, металлическими пластинками от куяков (лат), видели остатки щитов, сабель, копий... Материальные следы пребывания русских землепроходцев на мысе Кадачан, выявленные археологами, не очень многочисленны, но достаточно убедительны. Это колечки кольчуг, обломки лат, ружейный кремень, кресало и кремень к нему, кованый крючок для ловли крупной рыбы. И, наконец, предметы русской культуры XVII века: фрагменты станковой керамики, осколки сосудов со следами глазури, литая ручка металлического сосуда, остатки украшений...» (окончание фрагмента статьи А.А. Степанова).

Дополним эти научно подтверждённые данные сведениями из работы Н.Б. Киле «Нанайские топонимы района озера Болонь» (сборник «Филология народов Дальнего Востока (Ономастика)», Владивосток, 1977). Николай Батунович Киле, кандидат филологических наук (к сожалению, также ушедший из жизни), уточняет некоторые географические названия окрестностей озера, излагая уже известные нам факты:

«Озеро Болонь находится в 40 км вверх по р. Амур от г. Амурска. Оно расположено на левобережье Амура и соединяется с основным руслом реки протокой Сэн (Сия) протяженностью в 5–6 км.

В этих местах издавна проживают роды нанайцев Хэдер (Ходжер), Килэн (Киле), Билдай (Бельды), Одзал (Одзял). Они были расселены в стойбищах Болан (Болонь), Дзуен (Джуен), Ордан, Япан и Нергул.

Если с востока идти на запад по северной береговой полосе, то первым будет высокий утёс Серебряный, по-нанайски Кадан, или Кадан хонкони – утёс Кадан. Этот ороним интересен тем, что в речи большей частью употребляется в сочетании Кадан хонкони. Компоненты данного сочетания весьма примечательны. Первый компонент Кадан – скала, утёс, второй хонко – скала, утёс; в целом получается скала скалы, или утёс утёса. В действительности семантика первого компонента (Кадан) в данном сочетании утрачена, и он выступает как имя утёса – утёс Кадан. Но у этого утёса есть и другой ороним Озал хонкони – утёс Одзяла (Одзялов). Так назван этот утёс потому, что

недалеко от него находилось стойбище рода Одзялов. Он как Озал хонкони упоминается в записях Маака за 1855 г. За утёсом Кадан расположен Япан, представляющий собой выступ горы, у основания которого было стойбище рода Одзялов. Далее Болан хурэни – сопка Болони».

Н.Б. Киле также поясняет, что слово «Болан» означает глубокое (место).

В другой работе этого автора («Антропонимы нанайцев»), помещённой в том же сборнике, сообщается: «Фамилий у нанайцев, как у соседних с ними народностей, не было. Современные же фамилии – это бывшие названия родов. И потому встречается много нанайцев одной фамилии… Большая часть нанайских имён представляет собой названия разного рода предметов, животных, птиц, рыб и растений». Однако имени, хотя бы отдалённо похожего на Дерсу-Дэрчу, Н.Б. Киле не приводит. Поэтому более поздние «расшифровки» имени героя произведений Арсеньева, как минимум, представляются сомнительными. Тем не менее поговорим о них ниже.

ВОКРУГ ДЕРСУ. МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, ВЫДУМКИ И ПРОСТО ЛОЖЬ

Количество разного рода легенд вокруг Дерсу Узала даже не поддаётся исчислению; особенно много их появилось в последние годы. Сразу надо сказать, что мифологизация советского периода была хоть и с «положительным» знаком, но по-своему далеко не объективной. Как пример — официозная газета «Известия Советов народных депутатов СССР» № 12 от 15 января 1981 года, заметка под рубрикой «Неизвестное – об известном» и заглавием «Звали его Дерчу Оджал». Вот её полный текст:

«Проводник замечательного русского путешественника и ученого В. Арсеньева был русоволос, приземист, могуч. Ходил он легко, вразвалку и, как говорят, запросто разжимал челюсти тяжелых капканов. По тайге и горам он двигался неутомимо и с любым грузом за плечами. Таким вспоминает проводника Дерчу Оджала сын Арсеньева Владимир Владимирович, тоже ученый, путешественник, краевед. В литературе и кино Дерчу Оджал известен под именем Дерсу Узала.

Образ Дерсу отчасти собирательный: за тридцать лет странствий В. Арсеньева сопровождало более двадцати проводников. В изучении дальневосточного края ему помогали нанайцы, орочи, удэге, нивхи, якуты, камчадалы и другие представители малых народностей востока нашей страны. Иные проводники знаменитого путешественника еще живы, жива и память о них. В Хабаровском географическом обществе хранится фотоальбом, составленный самим В. Арсеньевым. В нем есть снимки проводников, которые ходили с Арсеньевым долгие годы. Но особо он выделял и чтил добродушного и славного гольда Дерсу. Из подробных и щедро иллюстрированных дневников Арсеньева и воспоминаний его родных известно, что у Дерсу был брат, тоже охотник, силач и мудрый лесной скиталец.

В тайге Дерсу Узала не расставался с трубкой, наполняя ее крепким, тертым в муку, самосадом. Когда табак кончался, в ход шла особая сухая трава. Так что на фотографиях Дерсу Узала неизменно курит или держит в руках трубку. У себя дома в Хабаровске и во Владивостоке Арсеньев хранил личные вещи своего соратника по странствиям. Среди них и обожженная деревянная трубка. А рядом – черная лакированная ручка с пробковым покрытием для того, чтобы не соскальзывали пальцы. Ею Арсеньев написал книги, известные всему миру, – «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

По этим книгам можно понять, как много значил в его жизни мудрый гольд. Как и писатель, он всматривался в суть любого явления – будь то сломанная ветвь, царапина на коре, зола костра, срезанная береста, сдвинутый с тропы камень, – и знал все о жизни тайги.

Два года Владимир Клавдиевич преподавал этнографию в университете Владивостока, где получил звание профессора. В блестящих публичных лекциях, которые собирали массу слушателей, ученый часто рассказывал о своем проводнике Дерсу Узала, известном в документах как Дерчу Оджал.

Г. Пермяков,
действительный член Географического общества СССР.
Хабаровск»

В небольшой по объёму заметке собраны эпитеты, преподносящие в общем-то обычного проводника-аборигена чуть ли не как мифического героя: он и могуч, и умён, и силён, и даже брат его – «силач и мудрый лесной скиталец»… Разумеется, в реальности это было совершенно не так, о чём Г.Г. Пермяков был прекрасно осведомлён, поскольку тщательно изучал воспоминания современников и родственников В.К. Арсеньева и знакомился с дневниками исследователя; знал он и о том, что никаких «документов» на имя Дерчу Оджала никогда не существовало. Но тогда именно таким образом – в духе советских времён – надо было изъясняться. Правда, теперь «модно» писать иначе, с неким негативным подтекстом, с поисками непременной «сенсационности»… Попробуем разобраться в некоторых мифах, накопившихся вокруг Дерсу Узала.

Начнём с так называемой фамилии. Узала – видимо, всё-таки переиначенное носителями русского языка название рода Оджал-Одзял. Конечно, не исключается и та версия, которую развивает хабаровский исследователь Г.Г. Левкин в очерке «Дом без крыши» (приведён в приложении). Если коротко: корень «уза» – «выслеживать зверя, идти по следу» – есть во всех тунгусских языках. С помощью суффикса «ла» в этих языках образуются глаголы, т. е. из существительного «след» получается что-то вроде «идти по следу, преследовать, выслеживать». Одним словом – Следопыт (прямо как у Фенимора Купера, романами которого, к слову, В.К. Арсеньев зачитывался в детстве). Но вряд ли Владимир Клавдиевич придумал своему литературному персонажу имя, исходя именно из этих соображений. Слишком уж мудрено предположить такой ход его рассуждений

(всё-таки филологом или лингвистом он не был). Да и, как уже указывалось, написание в форме Узала появилось ещё в 1906 году и в таком виде было неизменным или неуточнённым до 1920-х годов.

Приведём и разъяснения по этому вопросу уже упоминавшейся Альбины Хакимовны Гирфановой – кстати, одного из составителей книги В.К. Арсеньева «Русско-орочский словарь. Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев», изданной Обществом изучения Амурского края и Санкт-Петербургским государственным университетом в 2008 году. В предисловии к этой редкой книге она указывает: «Судя по фамилии Узала (или Очжал), речь может идти скорее об эвенкийских корнях её носителя, так как нанайское имя должно было бы иметь форму Уза».

Что касается имени (в написании Дерсу), то, как мы уже знаем, большинство нанайских собственных имён представляли собой названия разного рода предметов, животных, птиц, рыб и растений. Вообще у всех тунгусоязычных народов не существовало традиционных имён типа славянских; как правило, они были единично-уникальными и поэтому не повторялись. Иногда давались имена, упрощённые до примитивизма: Бата (мальчик), Адига (девочка), Отон (корыто), Сурэ (топор), Нядыга («последний» – так именовали тех, кто родился последним в семье). А порой, называя своих детей, родители проявляли немалую фантазию: Полокто (прошлогодний собачий корм), Купес (от русского слова «купец»), имя Джанси (знаменитого Кимонко) означало «Бедный ты»…

Если исходить из такого, наиболее простого посыла, гольда могли звать именем Гирсу. Это, по разъяснениям Л.А. Одзял, несколько изменённое (или недослышанное) слово «герсо» – узкий кривой маленький ножик, которым вырезали стружки для бытовых нужд или для сэвэнов. Вполне возможно, кстати говоря – почему бы на слух не записать «герсо» как «Дерсу»? Есть и другой вариант: например, имя может происходить от слова «дэрэсу» или «дэрэчу», что в нанайском языке значит «наковальня». Согласно словарю С.Н. Оненко («Нанайско-русский словарь. Нанай-лоча хэнскуни», М., 1980), «дэрсу» или «дэрсун» – это личный талисман шамана. Конечно, выглядит излишне экзотично, но, учитывая, что род Оджал-Одзял издавна был известен своими шаманами, тоже версия, которую не стоит сбрасывать со счетов. Но тут возникает другой вопрос. Вспомним уже цитировавшуюся выдержку из полевого дневника В.К. Арсеньева 1906 года: «На мой вопрос как перевести на русский язык его фамилию и имя или что это значит на языке Гольдов. На это он сам ответил, что это ничего не значит, а про-

сто имя и фамилия». Если Дерсу знал значение своего имени, то почему он так ответил? Мне кажется, это кажущееся противоречие логично развеяла всё та же Л.А. Одзял в переписке со мной: «Он имел в виду, что его имя и фамилия не означают ничего существенного ДЛЯ СПРАШИВАЮЩЕГО, а перевод в любом случае есть, всегда». Действительно, объяснять, что это нож, да ещё и один из двух ножей, да ещё и какой именно; или шаманский талисман, о котором, вполне возможно, было нежелательно говорить вслух с чужими людьми… Был ли Дерсу готов вдаваться в такие подробности прямо тут, у костра, поздним вечером, при первой встрече? Хотя вряд ли для него самого собственные имя и фамилия были просто набором ничего не говорящих букв (вернее, звуков, учитывая неграмотность гольда)…

Теперь поговорим о некоторых других мифах, касающихся Дерсу. Начнём с «тайны смерти» гольда – стандартный заголовок современных литераторов, пишущих о судьбе Дерсу Узала. Действительно, как читатель уже знает, в обстоятельствах его гибели много неясного. Но попытки отдельных авторов «прояснить» ситуацию при полном отсутствии документальных сведений только запутывают читателей, а порой и краеведов.

Так, например, московский автор В.М. Шевченко в научно-популярной книге под заглавием «По следам Владимира Клавдиевича Арсеньева и его спутника Дерсу Узала. Взгляд через сто лет» (Москва, 2006) уверенно пишет следующее:

«Смерть Дерсу наступила от удара ломом по голове, нанесенного беглым ссыльным из Сахалина, неким Козловым (Козлов появился, как мы вскоре узнаем, из очерка Сергея Кучеренко, а лом – видимо, из рассказа сына В.К. Арсеньева – И.Е.). Грабитель, обыскав убитого, забрал почти новенькое ружье, подаренное гольду Арсеньевым, а также старенький, но очень дорогой для Дерсу вещмешок, в котором бережно хранились ценные, на взгляд гольда, вещи: две старенькие рубашки, кремень, огниво, трут, маленький топорик, а также котелок, туземный кривой ножик и стеклянная бутылка. Там же находились: кабанья желчь, сухая лечебная трава, зубы и когти медведя, кости рыси, копытца кабарги, козья шкура, набор инструментов для починки одежды и обуви, полотнище палатки, спички, веревочки, патроны, огниво (второе? – И.Е.), сухари, лечебные травы (теперь во множественном числе – И.Е.), сушеные жилы изюбра, иглы (отдельно от набора инструментов для починки одежды? – И.Е.) и смолье для растопок».

Автор явно пытается создать у читателя мнение о собственной особой осведомлённости: как же, даже знает, что у погибшего в вещмешке было; не иначе как полицейский протокол читал… Всё объясняется гораздо проще: внимательный читатель заметит, что список вещей с некоторыми изменениями заимствован из главы XXV книги «По Уссурийскому краю», где В.К. Арсеньев описывает содержание котомки Дерсу (кстати, слово «вещмешок» тогда ещё не употреблялось). Причём у Арсеньева числится «какая-то сухая трава», а у Шевченко уже «лечебная» – ему, надо полагать, виднее своим «взглядом через сто лет»? Насчёт «почти новенького ружья, подаренного Арсеньевым», тоже сведения весьма сомнительные; скорее у Дерсу была его «старенькая» берданка. Что касается «беглого ссыльного из Сахалина» (к слову, на Дальнем Востоке говорят «с Сахалина», поскольку это, как известно, остров) по фамилии Козлов – это прямой плагиат, на происхождении которого мы остановимся ниже.

В.М. Шевченко в своих «исследованиях» порой продвигается буквально в неизвестное. В той же книге он пишет: «До сих пор ходят невероятные слухи о якобы таинственном исчезновении Дерсу после расставания с Арсеньевым в Хабаровске в 1908 г., а также месте его настоящей могилы. Сын японского кинорежиссера А. Куросавы, побывавший несколько лет назад в Приморском и Хабаровском краях, … также рассказывал, что и в Японии краеведы говорят о том, что в судьбе Дерсу и сейчас остается много неясного». Конечно, в судьбе много неясного, что понятно и без неведомых «японских краеведов» (кстати: они что, НАШИ края изучают?); комментарии к остальной части шевченковского текста, видимо, излишни…

И последняя цитата из работы В.М. Шевченко: «При жизни В.К. Арсеньев собственноручно разработал проект настоящего памятника Дерсу и активно добился его установки в одном из районов, где проходили маршруты совместных с нанайцем походов. Но внезапная смерть Владимира Клавдиевича 4 сентября 1930 г., а также бюрократические препоны со стороны различного рода чинуш помешали осуществить заветную мечту». Трудно даже предположить, откуда, кроме собственных фантазий, автор книги мог добыть такие факты. А весьма смутные сведения об «одном из районов, где проходили маршруты», и странное выражение «активно добился» (добился, но не поставил?) только подтверждают такую версию. Однако вполне возможно, что первоисточник кроется в уже упомянутой книге Г.Г. Пермякова «Тропой женьшеня» 1965 года издания. Там есть та-

кие строки: «Владимир Клавдиевич не раз вместе со своим соратником Дзюлем искал место гибели гольда на ст. Корфовская у Хабаровска. Мировая война, а затем гражданские бои помешали ему поставить памятник проводнику».

Современная хабаровская исследовательница С.В. Гончарова в работе «Дерсу Узала: данные к биографии», доложенной на «Арсеньевских чтениях» во Владивостоке в 2007 году, сообщила такие сведения, найденные в государственном архиве Хабаровского края. В 1937 году газета «Тихоокеанская звезда» предложила своим читателям переименовать станцию Корфовскую как увековечивающую царское наследие (барон А.Н. Корф занимал должность генерал-губернатора Приамурья в 1884–1893 годах). В ответ на эту публикацию ученики средней транспортной школы № 15 станции Корфовская Г. Востриков и Л. Новиков обратились в Далькрайисполком с таким письмом: «Мы просим переименовать станцию Корфовскую, назвав её именем замечательного следопыта Дальнего Восточного края Дерсу Узала, погибшего в 1908 году от руки бандитов, в лесах хребта Хихцирь. Имя спутника первого исследователя края Арсеньева Дерсу Узала всем школьникам известно и они нас в нашей просьбе все поддержат. Дерсу Узала скромный незаметный сын природы, каких у нас в крае немало. Его имя будет напоминать нам всем о первых исследователях и следопытах нашего края».

В 1937 году (как и позже) станцию не переименовали, зато возникла идея установить здесь памятник Дерсу. Этот вопрос поднимался несколько раз, пока не был решён во многом благодаря усилиям писателя, краеведа и почётного жителя г. Хабаровска В.П. Сысоева. Гранитная глыба была установлена на станции Корфовской, на месте предполагаемой гибели Дерсу Узала, в марте 1997 года. Ещё одно стилизованное изображение арсеньевского проводника, воздвигнутое в 1972 году, находится рядом со скульптурным изображением самого В.К. Арсеньева на окраине города Арсеньева (Приморский край).

Но вернёмся к произведениям столичных авторов. Ещё один арсеньевед, Б.В. Сумашедов (повесть «Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника», М., 2008), основываясь на тексте книги «Дерсу Узала», критикует В.К. Арсеньева за «неправильные» похороны гольда и даже даёт ему (спустя более века!) советы, как следовало поступать в этой ситуации.

Вот довольно обширный фрагмент его работы:

«Плохо верится, что в жизни было точно, как в книге. А если и так, то должно было бы быть по-другому!

Штабс-капитан, человек со связями, опытный, волевой, решительный, а с ним его приятель-чиновник предстают перед приставом, а тот чему-то радуется. Как тут его сразу не одёрнуть, а не садиться на пень в позе Ленского перед дуэлью. И задать ему так необходимые в таких случаях вопросы. Примерно такие. Кем и когда обнаружен труп? В каком часу, по вашему мнению, его убили? Сразу умер или от раны? Орудие убийства – нож, винтовка? Если застрелили, то не обнаружены ли гильзы? Нет ли предположений о возможном убийце (убийцах)? Начат ли его (их) розыск? Если нет, то этим надо заняться немедленно! Да, ещё: почему не вызвали лекаря?

Тут и самого Арсеньева спросить хотелось бы: «Почему не захватил с собой кого-то из знакомых из жандармерии или специалистов по розыску?» Не сообразил? Не посчитал нужным? Растерялся? Вряд ли.

... А дальше пристава надо было бы спросить: Кто распорядился здесь копать могилу? К чему такая спешка? И добавить: Скоро прибудет подвода с моими стрелками, покойного повезут туда, где ему надлежит быть похороненным по-человечески. А не вот так! Извольте, сударь, исполнять всё мною сказанное. Иначе у вас будут крупные неприятности...

... Скажем честно: не красит Арсеньева такое поспешное прощание с другом... Арсеньев, собирая во время экспедиции разные этнографические сведения, хорошо знал об обрядах похорон аборигенов. У него есть даже целый подробнейший документальный рассказ о том, как устраивались похороны у народа удэхе...

Мог бы Арсеньев, наверное, оторвавшись от неотложных дел, быстро навести справки о ближайших к этим местам захоронениях «лесных людей» (пусть не обязательно нанайцев) и отвезти туда тело Дерсу Узала. Похоронить его там, соблюдая всё же какой-то обряд. Если это было невозможно сделать, то хотя бы устроить могилу вблизи русского кладбища (как некрещёного, тело Дерсу нельзя было хоронить рядом с православными).

Хорошо знал Арсеньев и о том, что душа покойника-аборигена уйдёт к предкам только в том случае, если его провожают в последний путь так, как этими предками завещано.

Верил ли сам Арсеньев в потусторонний мир, в переселение душ и т. д. – это вопрос особый. Но то, что он всю свою жизнь страстно ратовал за сохранение привычного уклада и обычаев жизни коренный народностей, подтверждают его статьи, книги.

Понимал, понимал и этот свой промах наш герой. Тяжёлым камнем он лёг на его душу. Только никогда в нём не признавался прямо. Вот, на наш взгляд, разгадка его настоящей вины перед Дерсу» (конец цитаты).

Видимо, и тут комментарии излишни. Желание столичного автора высокомерно «поучить» Владимира Клавдиевича выглядит нелепым, а его предложения – учитывая реальные условия и российские законы начала XX века – просто смешными. Жаль только, что всё это было издано под маркой «Известий»… А специально для сведения Б.В. Сумашедова приведём отрывок из уже упомянутой лекции В.К. Арсеньева «Вымирание инородцев Амурского края», в которой он озвучил такой пример: «Случилось, что одна ороченка умерла в Хабаровске. Явилось затруднение, где и как ее хоронить? На русском кладбище ее хоронить было нельзя, потому что она была не православная, а на иностранном нельзя было хоронить потому, что она русская подданная. Ее похоронили где-то за кладбищем. Разве это нормально!?». А на полях текста этого доклада почерком Владимира Клавдиевича вписано уточнение: «чуть ли не скотском кладбище». Вот так относились к инородцам в ТОЙ России…

Очень многих ввёл в заблуждение хабаровский писатель С.П. Кучеренко, напечатавший в журнале «Дальний Восток», № 2 за 1983 год, очерк «Тайна смерти Дерсу». Этот очерк критически разобран другим хабаровчанином, уже упомянутым Г.Г. Левкиным, в материале «Легенда и быль о Дерсу Узала», полностью приведённым в приложении к этой книге. Чтобы не повторять аргументы Григория Григорьевича, с которыми я в целом вполне согласен, скажу только одно. С очерком С.П. Кучеренко произошла та же история, что и с книгами В.К. Арсеньева: многие читатели ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ рассказ приняли за ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ. Придав черты правдоподобия своему тексту, автор сознательно (или нет?) обманул всех, кто хотел бы раскрыть пресловутую «тайну смерти» Дерсу.

Для меня является несомненным, что всё написанное Сергеем Петровичем Кучеренко является творческим вымыслом, при этом очень убедительно исполненным. И если бы не явное расхождение с известными фактами (преступник, как мы знаем, был не один; полено как орудие убийства – довольно сомнительно; старая берданка вместо нового ружья, подаренного гольду Арсеньевым и многое другое, перечисленное Г.Г. Левкиным), сведения от «деда Саенко» могли бы стать вкладом в арсеньеведение.

Но я хочу обратиться к очерку С.П. Кучеренко, ушедшему от нас в 2009 году, по другому поводу. В 1999 году в столичном журнале «Чудеса и приключения» было опубликовано письмо некоего члена Географического общества Н. Зайцева из Москвы, который тоже решил поведать миру «тайну смерти» Дерсу Узала (правда, употребив слово «гибель»). По его словам, он давно интересовался этой темой, даже побывал на Дальнем Востоке, откуда и привёз «новую» версию, якобы услышанную им лично от местных жителей. Я тогда посчитал нужным обратиться в журнал с целью восстановить правду, и часть моего письма была позже опубликована. Но поскольку при этом редакцией были опущены некоторые важные факты, хочу привести всё письмо, сохранившееся в моём архиве. Полагаю, что комментарии к нему не требуются – из текста совершенно ясно, о чём идёт речь, как понятно и содержание публикации Н. Зайцева.

Вот полный объём письма, без сокращений:

«В номере 5 Вашего журнала за 1999 год опубликована статья Н. Зайцева «Тайна гибели Дерсу Узала». Конечно, радует, что столичные авторы не забывают нашего известного писателя и путешественника, по мере сил и возможности исследуя его творчество. Но с «тайной гибели» Дерсу Н. Зайцев вольно или невольно ввёл в заблуждение и редакцию, и читателей журнала.

Напомню, что Н. Зайцев ссылается на некие «воспоминания» таёжника Луки Саенко – из статьи неясно, являются ли они устными или кем-то когда-то записанными. Якобы этот человек «в начале века не раз общался с Дерсу Узала, хорошо знал и уважал этого честного и опытного таёжника». Значительно позже (во всяком случае, после гибели Дерсу) Саенко случайно встретился с беглым каторжником. Тот прятался от людей в полуразрушенном бараке в тайге. Каторжник «проникся доверием к охотнику» и поведал ему историю своей встречи с проводником В.К. Арсеньева. Вот цитата: «Утром каторжник стал, в свою очередь, допытывать стари-

ка, что он за человек. «Охотник Дерсу Узала. Мой дом – сопки, тайга». Потом каторжник убил бедного Дерсу, прихватил его берданку и скрылся... Тут-то Саенко и пояснил ему: «Ты убил знаменитого охотника... Я хорошо знал его, мы были друзьями». После чего каторжник (видимо, из-за угрызений совести) застрелился.

Пока не обвиняя Н. Зайцева, хотел бы обратить внимание вот на какие детали. Первое: сцена знакомства каторжника и Дерсу. Последний всегда называл себя гольдом, а уж никак не «охотником», поскольку охотник – это род занятости, профессия. А для «лесных людей», как их звали, передвижение по тайге с попутной охотой было просто образом жизни (с тем же успехом Дерсу являлся и рыбаком, и корнёвщиком). Второе: слишком «литературное» окончание статьи Н. Зайцева – особенно в сравнении с её «краеведческим» началом. Создается впечатление, что эти две части писали совершенно разные люди. Хотя все эти соображения, так сказать, филологического свойства, потому и не очень убедительны. Но есть и другие.

Например, если бы неизвестный каторжник действительно когда-то знакомился с гольдом, последний не мог назваться ему именем Дерсу Узала, поскольку звали его... Дерчу Очжал! Ведь именно так звучало имя реального гольда-проводника, который послужил прототипом для героя арсеньевских книг. А Дерсу Узала со всей его биографией – во многом лишь плод авторского воображения (в произведениях Арсеньева даже год первого знакомства с ним иной, чем был в жизни, поскольку книги эти – не документальное, а художественное повествование). Так что возникает главный вопрос: кого же убил беглый каторжник – реально жившего гольда или литературного героя? И кого «знал и уважал» таёжник Саенко?

Ещё одно соображение касается мнимой известности Дерсу Узала (как и Дерчу Очжала). Не следует забывать, что он был одним из множества гольдов и других аборигенов, проживавших тогда в Приамурье, и лишь одним из проводников исследователя В.К. Арсеньева. «Выдающимся» охотником он тоже не был. И только когда писатель Арсеньев сделал гольда-проводника героем своих книг, имя Дерсу Узала стало нарицательным. Произошло это довольно поздно, более чем через десяток лет после смерти гольда. Ведь первая книга В.К. Арсеньева под названием «По Уссурийскому краю. (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» вышла во Владивостоке в 1921 году, а вторая – там же в 1923-м.

Впрочем, все эти вопросы следует адресовать вовсе не Н. Зайцеву, а... Сергею Кучеренко, известному хабаровскому писателю, охотоведу, специалисту в области изучения амурского тигра. Поскольку именно в его статье под названием «Тайна смерти Дерсу» изложена история деда Саенко, жившего когда-то «в деревне Степановка, около Уссури». Рассказы этого деда ещё в 1946 году якобы записал некий Павел Кращенко, приятель С. Кучеренко, и уже с текста его «дневников» изложил хабаровский учёный тайну гибели Дерсу. Всё это было опубликовано в номере 2 журнала «Дальний Восток» за 1983 год. Там вполне литературно, без особых претензий на документальность, была описана вся история беглого каторжника – Ивана Митрофановича Козлова из Раздольного (такой посёлок в Приморском крае есть и сейчас). Там мы находим и сцену знакомства Козлова с Дерсу, и эпизод убийства гольда беглым каторжником.

Н. Зайцев, надеясь на давность публикации С. Кучеренко, подсократил его статью и выдал её за результат собственных изысканий. Отсюда и некая особая целостность второй части публикации Н. Зайцева в «Чудесах и приключениях», отсюда и финал... Вот какими словами заканчивалась работа С. Кучеренко: «Клацнув затвором, вынул из ствола патрон и сказал: «Ты убил знаменитого охотника... Я хорошо знал его, мы были друзьями...» Козлов долго смотрел на меня, потом, вроде спокойно, взял берданку и хлопнул дверью. Не приходил долго, я забеспокоился, тоже вышел. Тихо было, холодно. Крикнул – ответа не дождался. А через минуту на сопке разорвался глухой выстрел. Я знал, что такой звук даёт старая берданка...». Сравните – и все сомнения в авторстве исчезнут. Даже неспециалисту понятно, что переписывание чужой статьи без упоминания имени автора (кстати, члена Союза писателей) является не краеведческой работой, а самым обыкновенным плагиатом.

В заключение хочу сказать, что «сенсации» вокруг смерти спутника В.К. Арсеньева время от времени всплывают в нашей прессе. Так, пару лет назад в одной из владивостокских «жёлтых» газет появилась статья под броским названием «Дерсу, ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать. Был ли Владимир Клавдиевич Арсеньев людоедом?». Её автор, скрывшийся за псевдонимом, дописался до того, что вполне серьёзно утверждал, будто Арсеньев... съел Дерсу, страдая во время экспедиции от голода. Всё это было

«подкреплено» тенденциозно подобранными цитатами из разных произведений писателя, снабжёнными авторскими комментариями. А подзаголовки: «Человечье мясо сладко на вкус – что вам на завтрак, ужель Дерсу?..» или «И наука, увы, требует жертв»! К тому же автор статьи намекал, что каннибализм В.К. Арсеньева наследственный – якобы его дед в какие-то голодные времена «вкусил от филейной части своего усопшего (убиенного?) соседа».

Для примера – лишь один отрывок из скандальной статьи: «Пошёл на бивак. С появившимся провиантом, аккуратно порезанным на куски. Довольны ли остались товарищи, оголодавшие к тому времени до помутнения в глазах, – история умалчивает. Неизвестно, как они вообще отнеслись к «пропаже» Дерсу... Сохранились лишь отдельные эмоции главы экспедиции, процавшегося за импровизированным столом с бывшим своим напарником и отдающего ему последние похвалы: «Грудь у него выпуклая, мускулистая... Ноги немного кривые... Руки загрубелые... Странно устроен человеческий мозг (деликатес – прим. автора)... Но всего замечательнее были его глаза. Трудно найти такое животное, у которого глаза так напоминали бы (по вкусу? – авт.) человеческие».

И такого текста – на целую газетную полосу! Эта ахинея вызвала дружную отповедь приморских краеведов, историков, музейных и архивных работников, жителей города Арсеньева и даже местных казаков. Скандал был грандиозный. Газета, опубликовавшая пасквиль, тут же уволила автора статьи, поместив на своих страницах опровержение. Случай этот, наверное, явился самым показательным примером падения наших нравов, когда журналист «ради красного словца не пожалеет мать-отца». К сожалению, в последнее время мы всё чаще видим примеры прямого оскорбления известных людей в погоне за дешёвой сенсацией. И хотя на фоне подобных «фокусов» элементарный плагиат может показаться мелочью, мне кажется, об этом надо говорить публично. Хотя явной вины редакции в этом случае нет...» (окончание письма в журнал «Чудеса и приключения»).

Теперь, надеюсь, читателям стало вполне понятным и другое – откуда взялся каторжник Козлов в писаниях В.М. Шевченко. Но заметим, какова всё же сила искусства: как минимум два столичных автора приняли очерк С.П. Кучеренко за документальное повествование («забыв» при этом со-

слаться на первоисточник). А совсем недавно мне в очередной раз пересказывали как документальную «реальную версию» гибели Дерсу, ссылаясь на тот же самый очерк…

Что касается истории о том, будто Арсеньев съел во время голодовки в экспедиции своего проводника, то эта злая выдумка действительно была растиражирована 28 марта 1997 года владивостокской газетой «Новости», ныне не существующей. Автор, подписавшийся Самуилом Кикимару, известен; он уже умер, поэтому не будем о нём ничего говорить… Но самое странное и непонятное лично для меня в другом. До сих пор люди на встречах, посвящённых Арсеньеву, спрашивают: «А правда, что он съел Дерсу?». Такова убедительность печатного слова – к сожалению, далеко не всегда правдивого.

Любопытно, что и до сих пор чуть ли не в каждом таёжном селении Приморья непременно находится или проводник Арсеньева, или человек, знавший Дерсу, или их ближайшие родственники; раньше таких людей, впрочем, было ещё больше. Судя по количеству «свидетелей», в экспедициях с Арсеньевым и Дерсу побывало примерно так тысячи полторы человек… Вот пример только одного письменного воспоминания, переданного мне несколько лет назад в городе Артёме немолодой женщиной Екатериной Петровной Литвиновой – разумеется, с уверениями в подлинности. Привожу его без правки.

«Мой дедушка Саенко Евстафий Гордеевич, 1878 года рождения, и бабушка Мария Корнеевна приехали на Дальний Восток в 1898 г. по переселению из Украины, Киевской области (губ.). Ехали они, или как говорили, «добирались» 6 м-цев до Хабаровска, где и прожили там 2 или 3 года в одном доме с В.К. Арсеньевым. Познакомившись с ним, они вместе ходили несколько раз с экспедицией в тайгу, доходили до р. Бикина, но дедушка проводником не был. Облюбовав место в Уссурийском крае (Зеленый Клин, тогда так назывался край) вблизи р. Уссури, он поселился в с. Степановке, Кировского района (быв. Успенка).

Когда дедушка жил уже в Степановке, он один ходил в тайгу, и однажды он встретил там незнакомого человека, он назвался «Дерсу я». С тех пор они вместе ходили в тайгу. Как-то дедушка пригласил его в гости к себе в с. Степановку. Прошло немного времени, возвращаясь из тайги, дедушка увидел Дерсу у себя дома, а шел он из-под Бикина, это не близко!

Дерсу был болен, сказал, что его мало-мало «царапнул» медведь и надо подлечиться. Он прожил у дедушки пока не залечил свои раны, и опять в тайгу. «У меня дом – тайга» – говорил он. После этого дедушка часто с ним встречался в тайге, они подружились, и Дерсу научил дедушку всем премудростям таёжной жизни: как ходить по тайге, как находить корень-женьшень, как его копать, какие травы лекарственные, читать следы человека и зверя и т. д. В ту пору было очень много разного зверья, птицы.

В 1907 г. дедушка узнал, что Дерсу был убит каторжником из Раздольного (журнал «Дальний Восток» № 2 за 1983 г. «Тайна смерти Дерсу» Дальневосточного писателя Кучеренко В.). Дедушка очень переживал, что такого человека не стало. Дерсу был самый дорогой его друг...» (далее воспоминания Е.П. Литвиновой рассказывают о жизненном пути Е.Г. Саенко вплоть до его смерти в возрасте 88 лет).

Как можно видеть, рассказ незамысловат, противоречит известным фактам биографии писателя (В.К. Арсеньев проехал на Дальний Восток только в 1900 году и до 1906 года жил во Владивостоке) и явно навеян произведением Сергея (а не В.) Кучеренко, на которого автор с наивной простотой и ссылается. То есть Е.Г. Саенко, наверное, и был дедушкой автора воспоминаний, а вот всё остальное, скорее всего, плод фантазии, навеянной желанием стать хоть как-то ближе к легендарным фигурам прошлого... Повторю: таких «мемуаров» в Приморском (да, наверное, и в Хабаровском) крае достаточно много.

Порой они попадают и в архивы, вводя в заблуждение будущих исследователей. Примером тому может служить собрание Г.Г. Пермякова, после его смерти находящееся в Хабаровском краеведческом музее им. Н.И. Гродекова. Среди большого количества документов, касающихся жизни и деятельности В.К. Арсеньева, там имеется газетная заметка некоего Ф. Газизова, датированная 1969 годом. Текст публикации основан на сведениях, которые сообщил автору старейший житель села Анучино – Егор Иванович Воробьёв 1876 года рождения. Он жил в селеНово-Гордеевка, часто посещая Анучино, где имелись паровая мельница и лавка. Именно в Анучино произошла его встреча с Дерсу Узала, которого Е.И. Воробьев описывал так: «Это был человек лет 35, смуглый, худощавый, ниже среднего роста, с легкой походкой. Жил холостяком в фанзе

другого гольда по имени Ако. Его маленькая фанза стояла на левом берегу р. Тудагоу, примерно против теперешнего клуба поселка Кирпичный. Нередко мы с Дерсу ходили на пантовку… Охотились мы и на кабанов, медведей, соболей и коз».

Тут первое несоответствие: если исходить из «приблизительно пятидесятилетнего», по словам В.К. Арсеньева, Дерсу в 1906 году, то в момент его 35-летия Е.И. Воробьёву было около 10 лет. Не рановато ли ходить на охоту? И зачем Дерсу такая малолетняя обуза в тайге? И как насчёт привычки гольда к одиночеству? В общем, вопросы есть.

Однако далее следуют ещё более любопытные воспоминания Е.И. Воробьёва. Приведём их полностью:

«Не помню, в каком году. Скорее всего, это было после русско-японской войны. Следуя по тайге со своей экспедицией, Арсеньев сделал привал на улице у дома Малашенко в Новой Гордеевке. Это было в период прополки. Я ехал домой с поля. Когда поравнялся с гостями, меня остановил Арсеньев и спросил, не согашусь ли я проводить его экспедицию до Слинькина ключа. Я согласился и пригласил его переночевать у меня. Рано утром следующего дня мы отправились к ключу и к обеду вышли к нему. Я хотел было уже попрощаться, но Арсеньев попросил провести его до речки Халазы. Пришлось согласиться. Достигли мы Халазу на третьи сутки после встречи с Арсеньевым. Оттуда мы снова вернулись в наше село – Новую Гордеевку. Собираюсь уходить домой, а Арсеньев спрашивает: не могу ли я порекомендовать ему постоянного проводника, хорошо знающего таёжную природу, охотника-следопыта из здешних жителей. Я ему сказал, что за Анучином проживает холостой гольд по имени Дерсу, безупречный охотник, очень хорошо знает тайгу. Через несколько дней после этого разговора с Арсеньевым я узнал, что Дерсу принял предложение Арсеньева и увел его отряд по маршруту экспедиции в сторону села Гродекова» (конец цитаты).

Приводящая эти воспоминания уже упомянутая С.В. Гончарова, назвав свой доклад «Дерсу Узала: данные к биографии» (конференция «Арсеньевские чтения» 2007 года), тем самым вольно или невольно придаёт этой статье статус документа.

Но что можно заметить в итоге критического рассмотрения воспоминаний 93-летнего Е.И. Воробьёва? Видимо, речь идёт об экспедиции В.К. Арсеньева 1906 года. Её маршрут детально известен по записям в

дневниках и другим исследованиям, при этом Анучино и Новую Гордеевку отряд не посещал. И в сторону Гродеково (теперь посёлок Пограничный) экспедиция не направлялась. Более того, для этого однозначно не нужен был проводник, поскольку от Анучино к линии железной дороги и далее до Никольского уже 10 лет как существовал почтовый тракт. Подтверждением тому – публикация в газете «Владивосток» (март 1896 года), где упоминается «дорога из Анучино в с. Никольское на протяжении 106 верст, обращенная теперь в почтовый тракт с дорогими гатями и мостами».

И самое главное: получается, что до этого момента Арсеньев и Дерсу не встречались, а познакомил их Е.И. Воробьёв (по его собственным словам). Как мы уже знаем из документальных дневниковых записей, это было не так. То есть мы имеем ещё одну попытку «прислонить» себя к знаменитому человеку. Если же воспоминания Е.И. Воробьёва касаются экспедиции следующего, 1907 года, то Арсеньев уже был знаком с Дерсу, и версия о посредничестве Е.И. Воробьёва в их первой встрече также оказывается несостоятельной. Так что к различного рода мемуарам, касающимся Арсеньева и Дерсу, следует относиться с осторожностью.

Надо, наверное, сказать и о том, что порой фантазии авторов, желающих «прославить» себя на известных именах, выходят за рамки понятий этики. Статья о съеденном Арсеньевым проводнике – только один показательный пример. А как вам утверждение, что и Арсеньев, и Узала были шпионами: первый – английским, а второй – японским?

Подобные утверждения, подкреплённые измышленными фактами, распространяет небезызвестный «исследователь» русского прошлого Олег Михайлович Гусев, главный редактор газет «За Русское Дело» и «Потаённое» (г. Санкт-Петербург), автор нескольких книг, самая скандальная из которых – «Белый Конь Апокалипсиса». Её содержание понятно буквально из двух рекламных фраз: «В книге, увлекательно написанной в жанре публицистического очерка, кратко излагается история возникновения Протоимперии Великая Русь. Автор ведет ее от момента преобразования неандертальца в кроманьонца, а также излагает собственную гипотезу происхождения человека, прочитывая топонимы и этнотопонимы при помощи русской дохристианской Всеясветной Грамоты».

О.М. Гусев родился в 1941 году в посёлке Лесопильное Хабаровского края, затем закончил механическое отделение Хабаровского лесотехнического техникума, а в 1969–1974 годах учился в Дальневосточном государственном университете во Владивостоке на факультете журналистики.

Судя по публикациям, главная цель О.М. Гусева – доказать, что в древности существовала обширная (буквально от Атлантики до Тихого океана) проторусская империя, обитатели которой и научили азиатов (в том числе китайцев) всем достижениям их цивилизации, а потом как-то непонятно исчезли из истории. Но мы сейчас не о «теории» Гусева, а о его субъективном понимании «истинной» роли Арсеньева и Дерсу Узала в процессе освоения восточного побережья России.

В объёмном труде «Моя дальневосточная Русь», представляющем собой попытку полностью пересмотреть древнюю историю Сибири и Дальнего Востока, О.М. Гусев обращается к книге В.Е. Медведева «Культура амурских чжурчженей. Конец X–XI век» (Новосибирск, «Наука», 1977 г.), приводя из неё следующую цитату, касающуюся П. Кафарова: «Поездка знаменитого синолога в 1870–1872 гг. из Пекина через Маньчжурию до Благовещенска, а затем через Хабаровск в Приморье, несомненно, ускорили организацию в 1884 г. во Владивостоке Общества изучения Амурского края. Работы П. Кафарова, а затем исследования членов этого Общества открывают качественно новый этап в истории археолого-этнографического изучения юга русского Дальнего Востока».

История образования ОИАК во Владивостоке хорошо изучена, и можно с уверенностью утверждать, что Архимандрит Палладий (в миру П.И. Кафаров), начальник 13-й Русской православной миссии в Пекине, никакого отношения к организации ОИАК не имел – хотя бы потому, что ушёл из жизни в 1878 году. Но, отталкиваясь от этого посыла В.Е. Медведева, О.М. Гусев начинает собственные «изыскания», которые вернее назвать измышлениями, переходя и к Арсеньеву, и к Дерсу Узала. Вот фрагмент текста его работы.

«Качественно новый этап» это значит: подобострастно китайский и откровенно антирусский. Однако процесс исторической китаизации Приморья шёл ни шатко, ни валко вплоть до появления в крепости Владивосток 28-летнего поручика В.К. Арсеньева… Дифирамбы в адрес В.К. Арсеньева поются без малого сто лет. Его именем названы города и улицы, изучающие его наследие без устали клепают кандидатские и докторские диссертации. Дошло до того, что РПЦ собралась его… канонизировать. А между тем, одни просто не видят, другие не хотят видеть, что столь уважаемый ныне В.К. Арсеньев ловко подложил России и русскому народу большую свинью. Дело в том, что он, находясь на исконно

русских землях (исконность их подтверждается многими и многими «доарсеньевскими» топонимами Приморья), уже более полувека как закреплённых за Россией соответствующими Русско-китайскими договорённостями, наносил их на карту как… китайские, давая горам, рекам, ручьям, падям, долинам, отдельным высотам, бухтам и т. д. китайские названия. Названий этих многие сотни! Например, только в книге «По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихоте-Алиня в 1902–1906 гг.» их около двухсот… Это деяние было закреплено и на картах Приморья, и на карте мира. Китайцы не устают повторять, что если топонимы Приморья наши, то, следовательно, и территория Приморья всегда была нашей! Логично… Так В.К. Арсеньевым под наши дальневосточные территории была подложена топонимическая мина! Пока нет достаточной доказательной базы того, что делал он это умышленно, являясь, предположительно, агентом английской разведки, которая активизировала в то время свою деятельность против России в Польше …, откуда и прибыл поручик во Владивосток. Скорее всего, с поручиком хорошо поработало то самое Общество изучения Амурского края, дислоцировавшееся в Приморье и основанное синологом Палладием (Кафаровым) и Ко. Тут возникает интересный вопрос: откуда набирал В.К. Арсеньев китайские топонимы? Сам он их сочинять не мог, поскольку не знал китайского языка. Значит, он их черпал из уст незаконно промышлявших тогда в Уссурийской тайге бродяг-китайцев («хунхузов»). Это при том, что он имел возможность спрашивать, что как называется, и у казаков, вот уже пятьдесят лет осваивавших край, и у русских старообрядцев… Это при том, что он мог как путешественник-первопроходец давать объектам на местности такие топонимы, которые привязывали бы её к Центральной России. По примеру западноевропейцев, которые, нанося на карту вновь открываемые ими земли, неизменно давали им названия, лингвистически привязанные к своей родине».

Прервём на время цитирование О.М. Гусева, тем более что и он сам далее обращается к уже известному нам Б.В. Сумашедову, черпая у него сведения о том, сколько китайцев жило в Приамурье и какие они были плохие (с русско-патриотической точки зрения). Но далее О.М. Гусев делает ещё более парадоксальные выводы:

«Если Арсеньев действительно игнорировал китайцев-хунхузов в своём топонимическом творчестве, то тогда можно высказать версию, что в экспедициях Арсеньева тайно присутствовал знаток китайского языка из Общества изучения Амурского края. Однако и это маловероятно, потому что записанные в тайге на слух китайские слово-слоги и уже опубликованные он потом сам же исправлял в последующих изданиях, пытаясь с помощью русско-китайского словаря придать им хоть какой-то смысл... В такой ситуации издатели всегда рядом прописывают иероглифы, потому что только конкретным иероглифом можно окончательно проштемпелевать значение произнесённого слова в китайском языке. В обширных «Примечаниях», сопровождающих все без исключения книги Арсеньева, иероглифов, уточняющих топонимы, нет: издатели Арсеньева не хотят сделаться смешными в глазах знатоков китайского языка. Тем поразительней ажиотаж, раздуваемый вокруг этой личности... Первые путешествия Арсеньева начинаются в 1902 г. и тоже совмещаются, надо полагать, с обязанностями «охотника за шпионами и диверсантами». Однако вот как встречает он в 1902 г. неожиданно появившегося на его таёжном становище странного бродягу».

Ну вот опять 1902 год! Сколько же можно повторять много раз исправленную ошибку да ещё и строить на ней «многозначительные» умозаключения? Гусев описывает встречу Арсеньева и Дерсу из издания почему-то 1950 года и делает такой вывод (кстати, тут же называя неверный год гибели гольда):

«Так возник в жизни Арсеньева его знаменитый проводник Дерсу Узала. По моему глубочайшему убеждению, это был хорошо подготовленный японский шпион. И если борец с диверсантами и шпионами (имеется в виду В.К. Арсеньев – И.Е.) не спросил никаких документов и наивно поверил в рассказы «Дерсу» о погибшей в эпидемии семье, в рассказы о тайнах поведения зверей и птиц и прочим деталям его простенькой «легенды», то это странно. «Дерсу» посопровождал Арсеньева, сколько ему было надо, затем просто исчез из его поля зрения. Перед тем как исчезнуть в 1906 г., на этот раз навсегда (кстати в аккурат после выполнения весьма ответственного задания генерал-губернато-

ра П.Ф. Унтербергера), чтобы отчитаться в Токио (а может быть, и в Лондоне) о проделанной работе, «Дерсу» инсценировал собственное убийство на станции Корфовская вблизи Хабаровска. «... Двое рабочих копали могилу, а рядом с ней на земле лежало чьё-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника».

Что ж вы, Владимир Клавдиевич, взглянули на обувь, а не в лицо убитого «Дерсу»? Так и не взглянули бы. Но: «Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожку. Прорвавшийся сквозь густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойника. Оно почти не изменилось»... Надо полагать, опытному диверсанту найти в тайге похожего на себя нанайца, убить и переодеть его в свою одежду не составляло никакого труда... А визитка? Конечно же, оставлена на трупе. «Элементарно, Ватсон!» – как сказал бы Шерлок Холмс. О высоком уровне японской разведки уже немало написано... Знаменитый японский кинорежиссер Акира Куросава вовсе неспроста вдруг загорелся снимать фильм «Дерсу Узала» (1975): видимо, чтобы воспеть до сего времени засекреченного японского разведчика. Ещё один образ таёжного проводника подарил дальневосточной литературе писатель Гр. Федосеев... Это эвенк Улукиткан. «Геодезистам и топографам благодаря Улукиткану удалось сохранить на карте этого региона названия рек, озёр, хребтов»... А где топонимы, зафиксированные В.К. Арсеньевым со слов ЕГО проводника? К моей маме, Лахмостовой Зое Леонтьевне, всю жизнь проработавшей наблюдателем метеопоста в нижнем течении реки Бикин (один из правых притоков Уссури) в районе посёлка Лесотильное, нередко наезжал с верховьев Бикина её начальник, техник-метеоролог – удегеец по фамилии Уза (само собой, без окончания «-ла», которое идёт из китайского языка и означает «старик»). Уза – это название одного из родов народа Уде (по мнению учёных-этнографов, род Уза – нанайский – И.Е.). Если Дерсу УЗАла не японский шпион, то к роду Уза он не может не принадлежать; и потому мне показалось странным, почему техник-метеоролог Уза за много лет ни разу не загордился столь знаменитым родственником, почему в крупном удегейском посёлке Красный Яр до сих пор нет памятника Дерсу? Когда я однажды спросил у техника о Дерсу Узала, то Уза вдруг побледнел, странно посмотрел на меня и ничего не ответил. Перебирали они, удегейцы, своих родственников, надо полагать,

досконально, но безрезультатно: не было в роду Уза Дерсу Узала. Никогда. Побледнел и промолчал техник Уза потому, видимо, что получил инструктаж «не болтать!» от сотрудников Приморского КГБ...» (окончание фрагмента из книги О.М. Гусева).

То есть мало того, что В.К. Арсеньев был завербован английской разведкой, так ещё и Дерсу Узала, оказывается, японский шпион, а удэгейцы (вообще-то так правильно пишется) не признают родства с Дерсу Узала из страха перед российскими спецслужбами… Прямо «бондиана» какая-то с удэгейской спецификой.

Интересно, что данная работа О.М. Гусева размещена на православном (и, надо полагать, считающим себя патриотичным?) сайте http//:pravoslavie.ucoz.org/publ/istorija/iteresnoe/… (дата обращения 21 января 2013 года), хотя её можно найти и в иных закоулках Интернета. Любопытно также, что данный сайт открывается лозунгом «Правду славь!». Тут уже без комментариев…

Вызывает сожаление, что сходная по теме и содержанию статья того же автора под названием «Топонимическая драма Приморья» была опубликована в серьёзном журнале «Вестник Сахалинского музея» № 14, Южно-Сахалинск, 2007. Сказано в ней буквально следующее:

«Для многих В.К. Арсеньев был и остается темной личностью, хотя бы из-за его отношения к попадающимся на его пути явно некитайским названиям. Вот встретилась ему в бассейне р. Иман котловина под названием Картун «в 6 км длиной и 3 км шириной». Название чисто русское. Открываем словарь Вл. Даля: «КАРА ж. казнь, наказание, строгое взысканье»; ТУНЕ нар. тупно сиб. (! – О.Г.) втуне, даромъ, безплатно… без пользы; тщетно, даровo, напрасно, попусту; без вины, без причины». То есть в этой котловине кто-то когда-то был «невинно казнён». До сих пор в разговорном русском слово «карачун» означает «конец», «смерть», «гибель» (Вл. Даль).

Но путешественику по возвращению во Владивосток (вообще-то В.К. Арсеньев возвращался из экспедиций в Хабаровск – И.Е.) не приходило в голову заглянуть в словарь Вл. Даля. Он пишет: «Слово «картун» («вероятно, гао-ли-тунь») означает «корейский посёлок».

Не вдохновил Арсеньева на поиски русских корней в приморских топонимах даже такой эпизод: «Незадолго до сумерек мы добра-

лись до участка, носящего странное название Паровози. Откуда произошло это название, так я и не смог добиться». ... Как откуда? От слова «паровоз»! Он, наверное, был бы рад переиначить и это слово на китайский лад, но никак не получилось!

... Пока замечу, что не умаляя заслуг В.К. Арсеньева, пора разобраться в побудительных мотивах этого человека, заложившего под Приморье топонимическую мину замедленного действия. Но это отдельная тема. На Дальнем Востоке всё больше людей склоняется к мысли, что «природный следопыт» и якобы гольд Дерсу Узала, встретившийся Арсеньеву в 1902 г. (опять неверная дата – И.Е.), был... японским шпионом, которыми в то время кишело Приморье и Приамурье...» (конец цитаты).

Здесь же помещено открытое письмо О.М. Гусева Г.Г. Левкину, который осмелился покритиковать «Белого Коня Апокалипсиса». В письмо, помимо всего прочего, прямо сказано: «Пора наконец громко заговорить о том, что топонимическое творчество Арсеньева на территории Приморья – преступление против России». Не буду дальше цитировать столь одиозного «историка», поскольку ничего нового читатель уже не узнает. При этом О.М. Гусев продолжает активно и безнаказанно распространять свои взгляды.

Так, в газете «Потаённое» (№ 2 за 2011 г., Санкт-Петербург, главный редактор сам Олег Гусев) под хорошо известной фотографией Дерсу Узала приведена такая расширенная аннотация:

«В.К. Арсеньев увековечил этого человека в качестве своего проводника по имени Дерсу Узала. На самом деле это японский шпион, о чём путешественник был прекрасно осведомлён. Доказательства: 1) любой антрополог скажет: на данном снимке изображён этнический японец; 2) ни один из малочисленных народностей (нанайцев, удэгейцев, нивхов, орочей, негидальцев и др.), населяющих юг Дальнего Востока, не согласились в своих селениях ставить памятник «Дерсу» и вообще принимать какое-либо участие в проектах по увековечиванию его памяти; 3) ни в одной научной работе, посвященной малочисленным народностям ДВ, ни высказывания «Дерсу», ни описания его поведения в тайге не используются их авторами, хотя, казалось бы, какой кладезь (!); в произведениях Арсеньева вы не найдёте ни одного топонима, зафиксированного на карте со слов

его «проводника»... Работая над книгой «Древняя Русь и Великий Туран» (СПб., 2008), я не мог не рассказать о незавидной роли известного путешественника и писателя-краеведа В.К. Арсеньева, наносившего на карту Приморье и Приамурье как исконно китайские территории. Меня всегда интересовало, какие бесы водили тогда рукой «великого путешественника»?..»

Такие явно некорректные, даже клеветнические выражения в адрес В.К. Арсеньева и Дерсу Узала являются основной мыслью иных творений данного «исследователя», причём многие читатели им верят – как и любому печатному слову. Остаётся только сожалеть, что и другие авторы (будем надеяться, что всего лишь по недомыслию?) распространяют эти же или подобные взгляды. Например, в городе Комсомольске-на-Амуре в 2014 году был издан 1 том издания под многообещающим названием «Исследователи Приамурья. Краткая краеведческая энциклопедия»; составитель – С.И. Вишнякова, местный краевед. В подборке материалов о В.К. Арсеньеве зачем-то приведена статья всё того же О.М. Гусева под названием «Распятый в дебрях: кто он?». В этом опусе, насчитывающем 25 страниц, повторены все домыслы против В.К. Арсеньева: что он якобы «окитаил» карту Приамурья, чем «подложил России и русскому народу большую свинью», что Арсеньев «был и остаётся темной личностью», что он английский разведчик, а Дерсу Узала – разумеется, японский шпион. Зачем повторять все эти измышления в краеведческой энциклопедии – чтобы придать им особую значимость? При этом объём материала О.М. Гусева намного превышает весь остальной текст о В.К. Арсеньеве... Вот и современный «продвинутый» автор Тварец (это псевдоним такой) в книге «ЖП» (Владивосток, типография «Африка», 2008 год) с явным сарказмом пишет: «... Дерсу-Узала убили, конечно, не казачки, а хунхузы. Наверное, казачки разобрались бы, что он – помощник великого русского исследователя Арсеньева и не стали бы его «мочить», а потом шмонать вещички на предмет наличия золотишка...»

Аналогичные «факты» относительно Арсеньева и Дерсу приведены в литературном продукте томского «патриота, писателя-историка» (так он сам представляет себя) Георгия Сидорова «Пути. Дороги. Встречи», книга 3 (М., издательство «Белые альвы», 2012). Правда, это произведение входит в серию «Хронолого-эзотерический анализ развития современной цивили-

зации» и принадлежит к жанру, обозначенному как «Историческая версия» (иначе говоря – фантастика, причём ненаучная). То есть если О.М. Гусев выдаёт свои теории за непреложную истину и вступает в активную полемику с «традиционными» историками, то Г.А. Сидоров предусмотрительно называет написанное альтернативой «официальной» истории. Однако «аргументы» и «факты» обоих авторов настолько схожи, что возникает стойкое впечатление: не одной ли рукой написаны оба «творения»?..

Не хотелось бы такое перепечатывать, но… Приведём отрывок из книги «Пути. Дороги. Встречи», исполненный в виде диалога, только для того, чтобы показать, насколько бесстыдными и лживыми могут быть слова, если они написаны людьми, одержимыми идеей опорочить собственное прошлое.

Рассуждая о современном и вполне объективном процессе проникновения китайцев в Россию, доморощенный «антрополог», «историк» и «тайновед» дядя Ёша (почему-то еврей – для усиления эффекта?) делает довольно неожиданные и оскорбительные для памяти Арсеньева выводы. Прошу читателя приготовиться внимать им.

«– Печально то, что к такой вот экспансии китайцев к нам на Восток и в Сибирь уже давным-давно всё подготовлено… С российской стороны – Миллером и многими другими прозападными, русофобски настроенными историками. С китайской – летописцами-иезуитами во главе с Маттео Риччи. Теперь всё дело во времени. Время же пока, к сожалению, работает против нас, – на этой минорной ноте дядя Ёша, о чём-то задумавшись, сделал очередную паузу.

– Кроме Миллера ты можешь мне назвать кого-нибудь ещё из явных русофобов и вредителей? – вернул я к разговору антрополога.

– А о ком ты хочешь услышать? – чисто по-еврейски, вопросом на вопрос ответил мне дядя Ёша.

– Конечно же, о самом матёром и известном.

– Но тогда речь у нас пойдёт о втором после Миллера иуде земли русской – Владимире Клавдиевиче Арсеньеве.

– Как?! – чуть не упал я со стула. – Ты что несёшь, дорогой мой дядя Ёша?!

– Но если не хочешь слушать, рассказывать тебе о его художествах не буду. Когда-нибудь узнаешь о них и из других источников.

– Нет, нет, мне как раз хочется знать правду об Арсеньеве. Он ведь историческая личность. Тем более я читал его книги, и они мне понравились.

– Но ты наверняка читал их в детстве, мой юный друг. Иначе бы ты обратил внимание, что всем падям, ручьям и рекам Приморья Володя Арсеньев с упорством маньяка вместо их древнерусских, нанайских и удэгейских названий давал китайские... Понимаешь – китайские? – по слогам произнёс последнее слово знаток всего тайного.

– Не веришь? Возьми в архиве старые до 1902 года карты Приморья и сверь их с теми, которые оставил после себя Владимир Клавдиевич. На арсеньевских картах – сплошная китайская топонимика. Кстати, процесс изменения древнерусских, казачьих и гольдских названий хорошо прослеживается и по художественным работам Арсеньева, таким как «В дебрях Уссурийского края» и «Дерсу Узала». Просто надо повнимательнее их читать. Вот, посмотри, – положил передо мной раскрытую карту Уссурийского края лектор. – Почитай! Китайцев здесь никогда и в помине не было. А сейчас с подачи «великого русского землепроходца-исследователя» – названия сплошь китайские! Только по одному Сихотэ-Алиню их более трёхсот! До подвижничества Арсеньева, как видишь, – дядя Ёша раскрыл ещё одну карту, – китайская топонимика вообще в Приморье отсутствовала.

Вторая карта оказалась очень старой и схематичной. Она была выпущена в конце XIX века. Но на ней, на самом деле, никаких китайских названий не было... Не менее получаса я изучал и сравнивал обе карты. Река Ломоватая вдруг стала Ле-фу-хэ, речка Арзамасовка превратилась в Дадун-Гоу, залив Владимира стал называться заливом Хулай, залив Талоуза почему-то принял странную «кликуху» Да-пао-цзы... Река Тадушу нареклась – Лит-фу-хэ... И так по всему Уссурийскому краю!! От волнения и возмущения у меня перехватило дыхание.

– Он, что, этот штабс-капитан, спятил? «Крышу сорвало»?

– Отнюдь, нет, русич. С головой у Владимира Клавдиевича было всё в порядке. Просто он, как русский масон и ставленник Ватикана на Востоке, усердно выполнял возложенную на него миссию...

– Скажи честно, дядя Ёша, что ты шутишь? – поднялся я из-за стола и стал, чтобы как-то успокоиться, ходить по комнате.

– И не думал шутить, русич. Всё это я узнал из закрытых источников. И вполне надёжных...

– Хочешь сказать масонских? – спросил я прямо.

– Можно сказать и так, – просто ответил специалист по тайнам. – Не удалось выяснить: является ли Владимир Клавдиевич агентом британской разведки? Хотя некоторые его действия косвенно указывают и на эти связи.

– Какие ты имеешь в виду действия? – растеряно спросил я. – Час от часу не легче! То Арсеньева ты записываешь в масоны, то пытаешься обвинить его в шпионаже...

– И не только в пользу британской разведки, но и японской, – резко отчеканивая каждое слово, сказал историк.

– Ещё и японской?! – чуть не закричал я. – Японцы-то тут при чём? А потом, с чего ты взял, что Владимир Клавдиевич мог работать на японскую разведку? Он же топонимику наносил на карту совсем не японскую?

– Но для японцев... – помрачнел антрополог.

– Ты что-то стал говорить загадками... – начал, было, я.

– Никаких загадок тут нет, – резко прервал меня дядя Ёша. – Японцы всегда считали Китай своей провинцией. Как видишь – никаких загадок.

– И всё-таки, почему ты решил, что Арсеньев был связан с японцами?

– Да потому, что он имел дело с загадочным Дерсу Узала. С человеком, которого в Уссурийской тайге из местных жителей мало кто знал. Гольды же, за кого он себя выдал, своим его так и не признали...

– Откуда ты всё это знаешь? – задал я вопрос.

– Не был бы я евреем, если бы досконально не проверил этого Дерсу. Несколько лет через своих надёжных людей в Приморье я пытался нащупать хоть кого-то из его рода. Каких-либо родственников Узала или что-то подобное. Все оказалось тщетным: как я тебе уже сказал, гольды Дерсу Узала своим не признали...

– А что тебя подвигнуло на такой вот поиск? – поинтересовался я.

– Японцы, мой юный друг! Японцы! Их желание поставить фильм о Дерсу Узала. Кстати, Куросавой с нашим гениальным Соломиным в роли Арсеньева фильм был создан. И ты его наверняка видел.

– Видел, конечно, – кивнул я.

– Подумай сам, Гера, зачем японцам понадобилось ставить фильм о российском подданном? Они не стали создавать фильм о том же Улукиткане, Семёне Лиханове или проводнике-эвенке Тимапчике – ге-

роях книг Федосеева? Они тоже монголоиды. Родственники по расе. Да и подвиги у этих ребят посерьёзнее, чем у проводника Арсеньева. Нет, подавай японцам Дерсу!

– Но то, что ты говоришь, доказательством не является. Мало ли что японцам могло придти в голову? Может, Г. Федосеева они не читали.

– Согласен, все, о чём я сказал выше, – из области предположений, но есть кое-что такое, что заставляет задуматься.

На несколько секунд специалист по тайнам сделал паузу, а потом, указав на карту Уссурийского края сказал:

– Достоверно известно, что Владимир Клавдиевич китайского языка не знал. Ни одного китайца в его экспедиции не было. Учёного синолога, специалиста по китайскому языку, тоже. Откуда, спрашивается, взялись все эти названия? Да ещё с переводами на русский? Либо он имел готовую сделанную японцами «китайскую карту», либо с ним был хороший консультант. Последним мог быть только Дерсу. Других аборигенов рядом с Арсеньевым не было. Я лично убеждён, что без китайской карты не обошлось. Потому что у Арсеньева были периоды, когда Дерсу с ним не было, но китайские названия на свою карту Приморья он наносил.

– Но откуда у него могли взяться эти японо-китайские карты? Неужели они попали к нему через Дерсу?

– Через проводника – исключено. Для обоих слишком большой риск: скорее всего Арсеньев привёз эти карты из Польши, где он служил поручиком в Олонецком полку, расквартированном в г. Ломжа. В Польше его могли запросто завербовать как агенты Ватикана, так и англичане. Как тебе известно, именно англичане готовили Японию к войне с Россией. Они создали для неё и флот и помогли с организацией армии... Как видишь, всё сходится.

– Согласен, косвенные доказательства, что Арсеньев работал против России, имеются...

– Их более чем достаточно! – взволнованно сказал дядя Ёша. – Взгляни на карту: за эти вот художества, за китаизмы Арсеньева, по моему мнению, могли бы расстрелять... По его карте, Приморье не наше, оно, судя по топонимике и гидронимике, – китайское! Нам надо радоваться, что Арсеньеву не удалось изменить названия реки Амур, рек Уссури, Бикин, Хор, Арсан и хребта Сихотэ-Алинь. Ты помнишь по книге смерть Дерсу? – грустно улыбаясь, спросил меня историк.

– Конечно, помню. Его убили разбойники, и в похоронах его участвовал сам писатель.

– На-ка вот, почитай, – протянул мне несколько печатных листов специалист по тайнам. – Это из воспоминаний жены Владимира Клавдиевича Анны.

Я взял из рук протянутые листки и стал читать…

– Так выходит, Арсеньев в своей книге всё наврал? – поднял я глаза на историка. – Что он видел труп Дерсу Узала и по обуви определил, что это был именно он.

– Вот именно, почему-то по обуви, но не по лицу. Это тоже настораживает.

– Почему? – не понял я.

– Да потому, что мы имеем дело с подстраховкой. Если этот Дерсу вдруг где-то объявится, то Арсеньев вроде бы и ни при чём. Видел только ноги, но не лицо. Ну не рассмотрел труп, был очень расстроен... С другой стороны, в его книге написано, что старого гольда убили. Как говорится: «и волки сыты, и овцы целы». Со всех сторон вполне профессионально.

Логика специалиста по тайнам была железной. После всего этого разговора на душе стало архискверно.

– Я со многим с тобою согласен. Действительно, Арсеньев натворил с Россией немыслимое, понятно и с какой целью...» (окончание фрагмента из книги Г.А. Сидорова).

Комментировать эту якобы «историческую» спекуляцию на жизни Арсеньева и смерти Узала даже не хочется. Думаю, что читатель сам способен разобраться в диком нагромождении откровенной лжи и передёргивания фактов. А заодно составить собственное впечатление об авторах подобных работ.

Немного отвлечёмся от темы Дерсу Узала и приведем только одну цитату из работы В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», которая позволяет понять подлинное мнение Владимира Клавдиевича насчёт мнимого «окитаивания» географических названий Уссурийского края. Оно действительно имело место в определённый исторический период, но отнюдь не по злой воле и уж тем более не по некоему умыслу самого В.К. Арсеньева, как и других исследователей края. В главе под названием «Транскрипция географических названий» автор пишет следующее:

«Рассматривая карту Уссурийского края, мы замечаем, что китайскими названиями пестрит только южная ее часть, долина р. Уссури и низовья ее правых притоков. Вся же центральная часть страны и в особенности к северу от р. Хора и Самарги до Амура имеет названия исключительно туземные – орочские и гольдские. Здесь нет даже и маньчжурских названий. Из этого мы вправе заключить, что *в северной части Уссурийского Края никогда не было ни маньчжур, ни китайцев* (выделение курсивом здесь и далее – авторское – И.Е.).

Затем, на побережье моря китайские названия имеются только в Посьетском районе, в заливе Петра Великого и распространяются на восток до реки Судзухэ, затем они становятся реже и у мыса Поворотного совсем исчезают. Отсюда к северу все мысы, все заливы и бухты – все окрещено русскими. Оно и понятно – *первые мореплаватели, появившиеся в проливе Невельского, были не китайцы, а русские.*

… Но так как в Зауссурийском крае (не на берегу моря, а дальше вглубь материка) китайских названий все же очень много, то позволительно будет допустить, что китайские колонисты двигались сюда не морским путем, а сухопутным… Русские, переселившиеся сюда впоследствии, большею частью удержали китайские названия, повторяли их, сильно искажая и совершенно не понимая их значения. Получилась невозможная путаница, разобраться в которой теперь очень затруднительно, а во многих случаях даже и совсем невозможно. Это затруднение увеличивается еще и тем обстоятельством, что китайцы по прибытии в Край сами застали много туземных названий, которые они тоже переделали по-своему…» (окончание цитаты из В.К. Арсеньева).

К этой главе автор даёт ещё и такое примечание: «…Генерального Штаба полковник Тихменев прислал в дар Гродековскому Музею Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества старинные карты Маньчжурии, Уссурийского края, Сахалина и Амурской области. Съемки эти были произведены в 1857 г., в бытность его покойного отца первым губернатором Приморской области, генералом Тихменевым.

Рассматривая эти карты, мы видим, что в то время в Уссурийском крае названия всех рек, урочищ, гор, стойбищ и т. д. – были исключительно маньчжурские, и ни одного названия нет китайского. Так, наприм., р. Хор называется Хоре-Бира, р. Иман значится под названием Ниман-Бира, Суйфун – Фур-дань-Бира, Хунгари – Хачгарула, Уссури – Уссури-Ула, Бикин – Бишень-Бира и т. д. Из этого мы вправе заключить, что в 1857 году китайцев в Уссурийском крае было еще так мало и были они там так недавно,

что не могли маньчжурские географические названия заменить своими китайскими. Эта замена произошла значительно позже. В. Арсеньев».

Так что ни вымышленные «японо-китайские» арсеньевские карты, ни мнимый «японский шпионаж» Дерсу Узала тут ни при чём – у топонимики свои закономерности… Географические названия выяснялись Арсеньевым расспросным путём, а их «китаизация», произошедшая как минимум за полсотни лет до экспедиций Владимира Клавдиевича, достаточно разумно им же и объяснена.

Ещё один широко известный миф, связанный с Дерсу, – это таёжная плантация женьшеня, якобы подаренная гольдом Арсеньеву. О ней написано много и с упоением; с «достоверными» деталями, таинственными «загадками» и «неожиданными» догадками; практически ни один автор не обошёл этого факта (на самом деле – скорее выдумки или, скажем деликатнее, художественного вымысла). Понятно, что само слово «женьшень» и многочисленные легенды, связанные с этим «корнем жизни», волнуют воображение, а наличие ореола «тайны» приводит к желанию разгадать её…

Напомню, что Владимир Клавдиевич изложил эту историю в конце главы XXII «Завещание» повести «Дерсу Узала». Давайте вспомним содержание речи Дерсу:

«Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика китайца научился искать жень-шень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации жень-шеня он был лет пятнадцать тому назад (т. е. примерно в 1892 году – И.Е.). Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет – вероятно, сохранились, потому что посажены были в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

– Это все тебе! – закончил он свою длинную речь».

Владимир Клавдиевич, понимая ценность подарка, поначалу отказывался от него, но Дерсу настаивал на своём. Далее Арсеньев пишет:

«В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мной в Хабаровск. Дерсу согласился тоже. Мы порешили весной отправиться на реку Лефу в поиски за дорогими корнями».

Но именно в начале весны следующего, 1908 года, Дерсу Узала трагически погиб…

Хотя весной, надо сказать, женьшень не ищут – в это время года растение практически невозможно обнаружить, да и в верховьях Лефу (Илистой) ещё лежит снег. Но суть лично моих сомнений даже не в этом.

Сама идея выкапывания корней женьшеня и перенесения их на новое место для доращивания представляется довольно странной, особенно учитывая период начала прошлого века. Обычно корни выкапывали для продажи или собственных нужд, а семена рассаживали поблизости, делая зарубки на деревьях. Не доросшие до нужного размера корешки оставляли на прежнем месте, поскольку известно, что даже незначительные повреждения могли заставить женьшень «замереть», остановиться в своём развитии, порой на несколько лет. Но даже если Дерсу почему-то решил завести такой «таёжный огород» (отметим – неохраняемый), вызывает сомнение то, что можно как-то практически «передать» растения, находящиеся в тайге, причём в местности, где сам В.К. Арсеньев не бывал...

А более всего фантастичен «план» женьшеневой плантации, известный со слов брата Владимира Клавдиевича, Александра, записанных спустя много лет Г.Г. Пермяковым. Эти «коричневые горы и зелёные деревья», среди которых «голубели верховья реки Лефу», смешные «красные стрелки» более напоминают детский рисунок, чем практическую схему, указывающую, как добраться до нужного места. И поистине наивно выглядит «потайная рощица» среди бескрайнего зелёного моря тайги, выделенная почему-то «красным квадратом». Впрочем, обо всём этом достаточно подробно и со знанием дела написал Григорий Григорьевич Левкин (тот самый, к которому обращено «открытое письмо» О.М. Гусева), бывший военный топограф, в материале, помещённом в приложении к книге.

НЕМНОГО СТРАННОГО

Утверждение, что Дерсу Узала был японским шпионом – ещё не самое удивительное, что связано с его именем. В числе совсем уж парадоксальных измышлений, относящихся к личности Дерсу Узала, имеются и такие, почерпнутые в бескрайнем Интернете.

Некий Альберт Голиков на сайте http://proza.ru/2012/09/22/924 публикует статью, смысл которой сформулирован так: выяснить причину трагической гибели Дерсу Узала «по его коду полного имени». За это имя он принимает почему-то Дерчу Очжал, даёт буквам цифровые обозначения, основываясь на «применении логикологии к судьбе человека», и после элементарных вычислений приходит к окончательному выводу. Получив общую цифру 264, он расшифровывает её так: 264 = 43-УДАР + 221. Где 221 = 151-ПАЛКОЙ ПО ГОЛОВЕ + 70-ИСХОД. Затем он рассматривает дату гибели Дерсу 13.03.1908. По его мнению, это 13 + 03 + 19 + 08 = 43 = УДАР. В общем чувствуется, что товарищ начитанный… Желающие могут проверить расчёты на указанном сайте (дата обращения – 27.12.2012 г.).

Ну и ещё одно интернетовское «открытие», о котором поведала широкой публике Светлана Капинос, жительница Владивостока, религиовед, член Приморского отделения Союза писателей России. Якобы в конце 1970-х годов, в возрасте 15 лет, на Морском кладбище Владивостока она лично видела… могилу Дерсу Узала. Вот подлинный текст сообщения:

«И вдруг я наткнулась на памятник, выполненный из серого камня, в виде стиленного дерева – сучковатого пня, на котором выгравирована надпись: «Дерсу Узала» и год смерти (без года рождения!). Я тотчас окликнула подругу, но на неё впечатления памятник не произвел: «Подумаешь, Дерсу как Дерсу!» Но я, будучи весьма начитанной девочкой, не могла прийти в себя от изумления – ведь, согласно запискам Арсеньева, Дерсу отправился помирать в тайгу!!! А тут такая находка! Да и вообще, ЧТО памятник (могила?) Дерсу делает на Морском кладбище?! В те годы не было Интернета, а все краеведы и прочие умные люди Владивостока лишь снисходительно мне улыбались: какая, мол, глупость: могила Дерсу Узала на Морском кладбище…».

Сначала я решил, что это оригинальная выдумка. Пожалуй, даже похлеще, чем Дерсу – японский шпион. Но, встретившись со Светланой Николаевной и поговорив с ней, я убедился: она абсолютно уверена в том, что видела могилу Дерсу (которая, разумеется, сейчас не может быть найдена). Не знаю, как этот факт прокомментировать; будем считать, что такова одна из загадок столь непростого человека. От себя лишь добавлю, что обычай ставить могильные памятники в виде пня с обрубленными сучьями ранее существовал и относился к людям, на которых прервался род (Дерсу, как известно, таковым и был). И последнее: именно такое надгробие (без таблички) на Морском кладбище Владивостока мной найдено, сфотографировано и приведено в иллюстрациях к этой книге. Единственное, что можно предположить: это чья-то попытка увековечить память о Дерсу Узала, а не его могила и не надгробный камень…

На фоне модного увлечения именем Дерсу Узала россияне уже не удивляются самым абсурдным новостям, которым априори не следует доверять. Так, в июле 2007 года психологический форум Psy-DV.org сообщил, что Приморской Краевой психиатрической больнице № 2 присвоено имя Дерсу Узала. Далее последовала следующая переписка (стилистика и орфография сохранены):

«Ведущий специалист: «Это та, что в п. Заречном под Уссурийском? У меня такое предположение. Там неподалёку находится Горно-таёжная станция ДВО РАН. Вероятно, врачи больницы и ученые-биологи достаточно тесно общаются, отсюда и эти литературно-художественные, краеведческие мотивы».

Специалист: «Мотивом послужило признание заслуг больницы, в результате чего и был издан приказ о присвоении больнице этого почётного звания, а для скептиков привожу почти полный текст вышеупомянутого приказа:

Приказ М.Ю. Зурабова «О присвоении Приморской Краевой психиатрической больнице № 2 почётного имени Дерсу Узала».

Как известно, в период ещё до распада СССР на территории Южно-Уссурийского края жил и работал первый национальный герой и психотерапевт Дерсу Узала. Как показали исследования В.К. Арсеньева, Дерсу Узала первым в мире занялся милиотерапией и разработкой ландшафта под психиатрические больницы, стал выпускать БАДы с женьшенем и элеутерококком, проводил стресс-терапию шизофрении – «Амба-терапия», бубно-терапия,

прижигание трубкой эрогенных зон, а также сплав больных на плотах горными реками в Уссурийский залив.

В последующем, в краевых психиатрических больницах №№ 1, 2, 3, 4 и т. д. сформировались целые плеяды врачей-психиатров, интуитивно воспринявших дело мудрого Дерсу. Так, в Уссурийской краевой психиатрической больнице дело дошло до того, что врачи-психиатры целыми группами выезжали в районы Сихотэ-Алиня, где бродили тропами Дерсу, а также делали подворные обходы в селах нанайцев, орочей и тазов, в надежде найти амулеты, обереги, остатки заговоренного пепла.

ГУЗ ПКПБ № 2 вообще была построена на святом месте ночевки Дерсу в 1913 году, когда люди, побывавшие там, излечивались от брюшного тифа, туберкулеза, СПИДа и кори. Молодые девки беременели, а трезвенники спивались вдрызь.

Долгие годы больницей заведовала главный врач – по слухам, внучатая племянница Дерсу. Ее боялись как огня – говорили, что она могла вызывать дух Дерсу и тот наводил порчу, корчи и смерчи.

Под патронатом духа Дерсу и его культурно-психиатрического наследия, больница добилась умопомрачительных успехов. Количество коек растет как грибы в Сихотэ-Алиньском лесу во времена Дерсу, за счет принудительного лечения. Так как не все еще люди в Приморском крае понимают выгоду психиатрического лечения, поэтому лечить их приходится принудительно.

Но в больнице сохранены и старые фонды туберкулезников и брюшнотифозников, не долеченных в те же славные годы Дерсу Узала.

Сегодня больница – это новое поколение врачей, надежно сохраняющее старые традиции, но зорко смотрящее вперед, как их наставник Дерсу Узала.

Во-первых – это прогрессивные методы принудительного лечения со связыванием и применением пролонгов в высоких дозах, но часто.

Во-вторых – это групповые, многопрофильные способы общения с психологами, социальными работниками и медицинскими сестрами.

В-третьих всегда бывает достаточно первого и второго.

На основании вышеизложенного приказываю:

1. Присвоить больнице имя первого национального героя, психотерапевта таёжного края Дерсу Узала.

2. Утвердить на базе больницы им. Дерсу Узала школу передового опыта по давно забытым методикам таежных способов психотерапии.

грутовых принудительных методов социо-реабилитации с помощью пролонгов, изоляции, фиксации и психолого-психиатрических знаний.

3. Психотерапевта больницы наградить медалью «Верный друг, соратник и поборник мудрого Дерсу».

4. Всем сотрудникам при начислении пенсии год считать за 0.6 года как работающим в санаторном и благоприятном для здоровья климатическом районе заповедника Дерсу Узала .

13.06. 2007 г. ЗУРАБОВ».

Врач спрашивает: «Это дословная цитата из текста Приказа? (спрашиваю потому, что мне показалось достаточно длинным и подробным)».

Сообщение: «Оно, конечно, красиво звучит: «реформы здравоохранения», «национальная политика» и пр. ... Но, ознакомившись с цитатой Приказа Министра здравоохранения «О присвоении Приморской краевой психиатрической больнице № 2 почётного имени Дерсу Узала» (если это действительно оригинальный текст), что-то энтузиазма у меня значительно поубавилось: разумной политики в сфере охраны психического здоровья, да и здоровья вообще, в России не будет. А жаль...

Ответ: «Это же шутка».

Врач: «Ладно, буду считать этот приказ шуткой. Тогда вопрос повторяю: зачем и почему больницу наградили этим именем??? или не наградили??? (надеюсь, не поименовали все-таки).

Врач: «Ну вот и славненько, что разобрались: всё было шуткой. А то, знаете ли, в контексте происходящего в окружающем мире, я не удивлюсь уже никакому приказу и решению...»

Вот такие диалоги, абсолютно подлинные. От себя добавлю: и эти люди нас лечат???

Напоследок – немного поэзии. О владивостокской рок-группе «Дерсу Узала» уже упоминалось, а вот и текст «Песни о Дерсу Узала»:

Как только тени от пустых бутылок лягут на столе,
Мы все садимся и играем об Дерсу, об Узале.
Те, кто отнялся от стены,
Упасть на пол обречены,
Кто не дополз до двери, ляжет во дворе.

Там, где все триста тридцать дней в году зеленая тайга,
Все дело в спирте и патронах, а не водке и деньгах,
А за спиной надежный ствол,
И в сердце ноет рок-н-ролл –
Ты первый удэгеец в своих краях.

Под чистым небом лишь ему знакомой и родной земли
Он спал и видел сон, как в дальний порт приходят корабли.
В объятиях дурман травы
Он не запомнил той тропы,
Которой в этот вечер его ноги шли.

Никто не смел нарушить сон усталого проводника:
Ни птичий крик, ни зверь, ни шум травы, ни быстрая река —
Но из лесу на огонек
В круг света вышел паренек
С бутылкой виски и гитарою в руках.

Эй, Дерсу! Не ходи один ночью.
Пьяным криком звезды нечего пугать.
В темном лесу за бердан тебя прикончат –
От судьбы да смерти некуда бежать.

Дерсу курил свой самосад, а парень пел о тех краях,
Где расстилается коврами земляника на полях.
Там верят во вчерашний день
И видят солнечную тень,
И все живут в подводных желтых кораблях.

А когда над далеким морем начинало расцветать,
Дерсу кидал траву в костер и принимался танцевать.
Он в бубен бил, чтоб древний лес
Взвил от костра дым до небес,
И, надышавшись дымом, день ложился спать.

Они увидели, как солнце встало и опять зашло.
Дерсу курил, а парень пел, да благо выпить было что.
В то время на планете всей

Двух ближе не было людей,
Чем удэгеец и хипповый друг его.

С тех пор прошло немало лет, но помнят горы и леса,
Какие посреди глухой тайги творились чудеса,
Когда две пьяные души,
Все песни мира заглушив,
Срывали струны и свои живые голоса.

Под звездным небом Сихотэ Дерсу курил, а парень пел.
В тот час никто бы и ничем остановить их не сумел.
Звук бубна-сердца удэге
Метался от Луны к Земле,
И звон английских струн вослед ему летел.

В глухой тайге кострище есть, где до сих пор тепла зола.
Тропа, где двое вышли из лесу, ещё не заросла.
Один – с гитарой, а второй –
С берданкой старой за спиной:
Джон Леннон и Дерсу Узала.

Эй, Дерсу! Не ходи один ночью.
Пьяным криком звезды нечего пугать.
В темном лесу за бердан тебя прикончат –
От судьбы да смерти некуда бежать…

Существует довольно много стихов – как хороших, так и не вполне удачных – в которых упоминается Дерсу Узала, но этот пласт народного творчества освещать не будем ввиду того, что вирши продолжают сочиняться, а книга не резиновая…

Как бы там ни было, «лесной человек» Дерсу – несмотря на его «раздвоенность» на реального гольда и литературного персонажа – вызывает неизменную симпатию всех, кто читал книги В.К. Арсеньева и видел фильмы по его произведениям. Наверное, это объясняется тем, что мы невольно, подспудно чувствуем в Дерсу Узала и живость характера, и таёжную суровость, и некую лукавинку, и чувство юмора, и решительность в необходимых случаях, и жизненный опыт. Мы видим ЖИВОГО чело-

века. И тогда обычный текст о путешествиях вдруг превращается в книгу о пути, о жизни, в настоящую мужскую прозу. Как такое литературное волшебство удалось Владимиру Клавдиевичу, напомню – непрофессиональному писателю? На эту тему написано множество научных трудов, в которых разобраны составляющие литературного мастерства, характеристики персонажей, значение пейзажа; в общем, гармония по возможности поверена алгеброй (при всей их принципиальной несочетаемости). Удачно или нет – другой вопрос…

Но мне кажется, что главное – это тёплая любовь, искреннее чувство уважения и даже восхищения автора, просто и непритязательно рассказавшего нам о человеке, которого и знал-то всего два неполных года. И который, наверное, так и остался бы безвестным гольдом, если бы не стал Дерсу Узала, литературным образом, созданным Владимиром Клавдиевичем Арсеньева.

На этом закончим наши (и не наши) изыскания, хотя они, несомненно, могут быть продолжены. Например, оживлённейшую полемику в Интернете вызвал… нож Дерсу (вернее, каким он мог быть). Столько мнений, столько взглядов, столько знатоков – хоть отдельную книгу пиши! Желающие могут обратиться, например, к сайтам http//:allzip.org/topic/popgun.ru/forum/, http//:popgun.ru и http//:guns.allzip.org. Много интересного (и в целом правдивого) о Дерсу можно прочесть на форуме Комсомольского районного общества охотников и рыболовов http//:hunterservice.ru/forum/

В приложении целиком приведены следующие тексты: С.П. Кучеренко «Тайна смерти Дерсу» из журнала «Дальний Восток» № 2 за 1983 год; работа Г.Г. Левкина «Легенда и быль о Дерсу Узала», к которой я позволил себе дать краткие комментарии; рассказы П.П. Бордакова и В.В. Арсеньева. Первый (о смерти Дерсу Узала в рождественскую ночь и его путешествии в мир мёртвых) воспроизведён по тексту газеты «Приамурье» (Хабаровск), номера от 24 и 30 мая и от 14 и 21 июня 1909 года. Два рассказа В.В. Арсеньева, сына Владимира Клавдиевича – «Из воспоминаний о Дерсу Узала» и «Дерсу Узала после смерти» – печатаются по тексту книги «Тропой, завещанной Дерсу... Сборник рассказов», издание Дальневосточного арсеньевского благотворительного фонда, Владивосток, 2002 год. Очерк П.П. Бордакова «На побережье Японского моря» (журнал «Юная Россия», №№ 1–12 за 1914 год) воспроизведён частично – выбраны фрагменты текста, относящиеся непосредственно к впечатлениям автора о Дерсу Узала.

Дерсу Узала. Снимок 1906 года. Фото из архива ОИАК

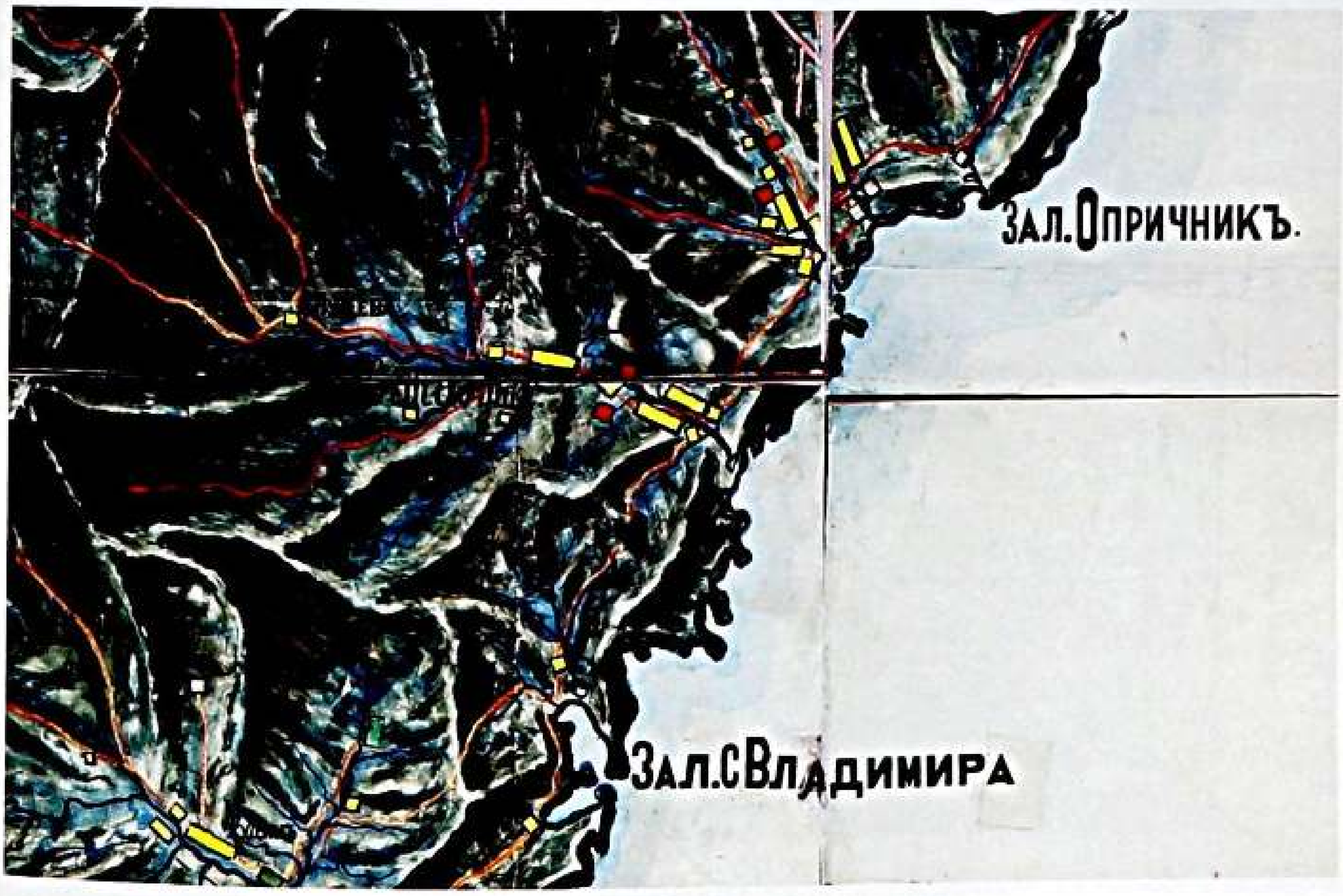
В.К. Арсеньев и Дерсу Узала. Фото из архива ОИАК

В экспедиции 1906 года. 1-й слева – В.К. Арсеньев, 2-й – Дерсу Узала.
Фото из архива ОИАК

В экспедиции 1907 года. 1-й слева – Дерсу Узала, 1-й справа – П.П. Бордаков.
Фото из архива ОИАК

Редкий снимок Дерсу Узала.
Фото из архива ОИАК

Дерсу Узала на привале.
Фото из архива ОИАК



Фрагмент рукописной карты В.К. Арсеньева
с маршрутом экспедиций 1906–1907 годов

Прiемъ по внутреннимъ болѣзнямъ отъ 5 до 7.
По праздникамъ отъ 10 до 1 часу.
Пріемъ по внутреннимъ болѣзнямъ отъ 5 до 7.
По праздникамъ отъ 10 до 1 часу.
Приамурье 37, домъ Самсыгина, Средняя гора, спускъ къ Восточной. 1418 12-9
детскихъ, повторительныхъ и увѣдомительныхъ курсовъ. Прiемъ больныхъ ежедневно съ 10 до 12 и съ 2 до 5 час дня, кромѣ праздничныхъ. Адресъ: Средняя гора, Линейная 14, противъ Дѣтскаго сада при Восточно-товарищескомъ отд. Телефонъ № 86. 438- 7-16-сч.
свѣтъ горнаго дешар
предположенія о пос
земного горнаг хо
уральскихъ горныхъ

Дерсу Узала.

Таежный рассказъ.

Какъ ни бушевала вокругъ разыгравшаяся къ ночи буря, какъ ни обсыпала лицо и шею обгоняемая вѣтромъ съ вѣтвей сѣвшая пыль, старый гольдъ Дерсу Узала сидѣлъ неподвижно, положивъ подъ себя обутыя въ тарбаза ноги и глубоко втянувъ голову въ плечи, какъ будто это могло защитить его отъ захватившей его въ тайгѣ непогоды. И если-бъ не легкое движеніе губъ подъ рѣдкими, смерзшимися усами и не невольное, временами, передергиваніе отъ холода плечей, можно было-бы подумать, что онъ давно уже умеръ.

О чемъ думалъ старикъ въ эту бурную рождественскую ночь, одинъ, передъ своимъ костромъ, въ тайгѣ? И по нахмуренному лицу его было видно, что не радостныя мысли занимали его. Отъ колеблемаго вѣтромъ пламени костра, словно фантастическія принцѣссы, выступали изъ мрака мрачныхъ стволовъ свои иглы. Временами, когда огонь вспыхивалъ особенно ярко, освѣщались рогожи по сторонамъ холодца завѣшенныя елки и хвощи разноцвѣтныхъ вскръ разлившись по нимъ, и казалось тогда, что это не сѣчежники, а бездѣнные кавсея, и что никакія сокровища міра не сравнятся съ ними.

По Дерсу не видѣлъ и не смотрѣлъ на нихъ. Онъ крѣпко зажмурилъ глаза и даже низко надвинулъ на нихъ картузъ, какъ будто то, что онъ могъ-бы увидѣть, не могло доставить ему ничего, кромѣ ненужныхъ страданій и безконечнаго огорченія.

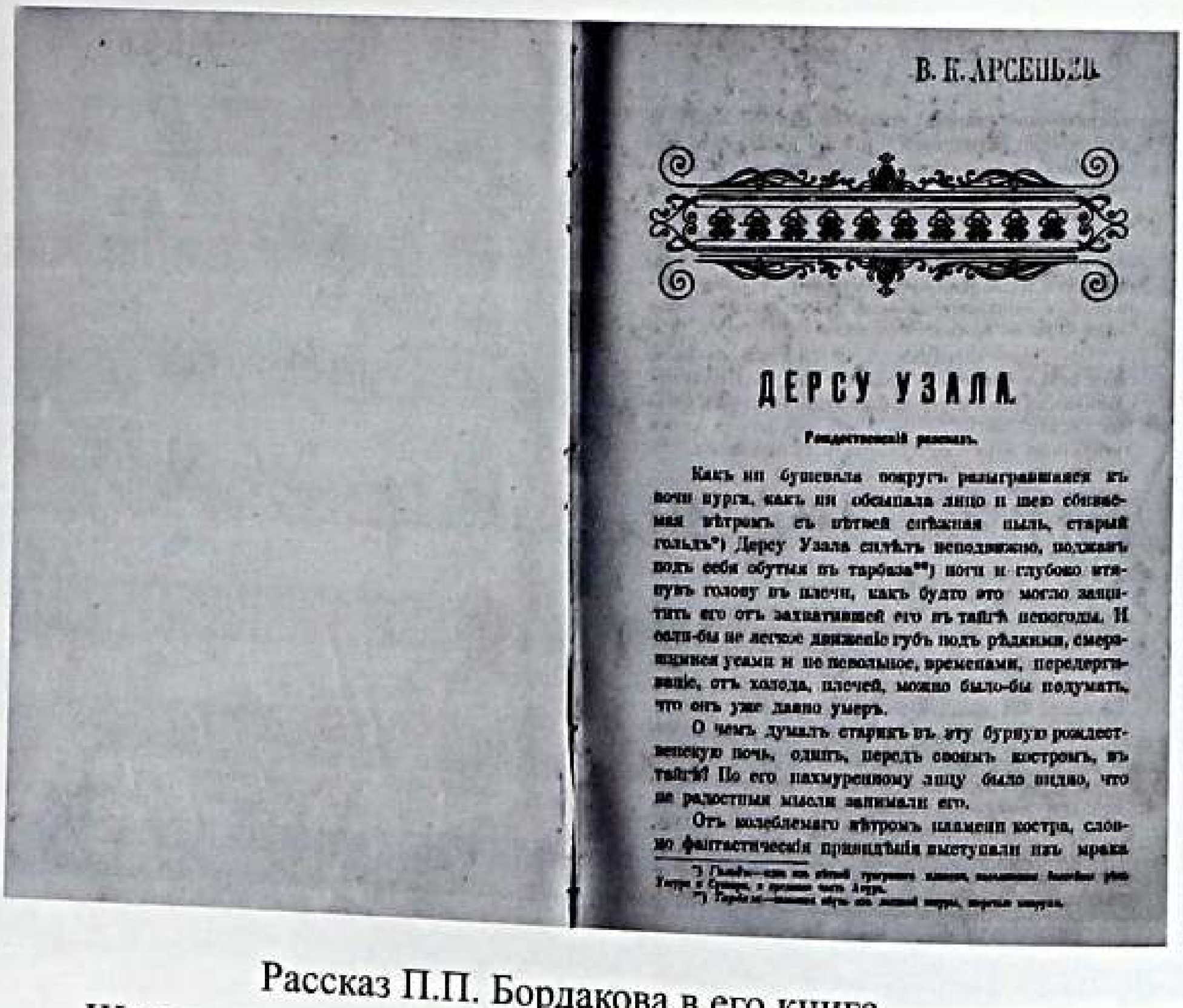
Да и какъ могло быть иначе? вѣдь Дерсу старъ, очень старъ; онъ даже не можетъ припомнить, сколько ему лѣтъ, и теперь, какъ никогда еще, его старость мучительно отзывалась на его одряхлѣвшемъ тѣлѣ и наполняла горечью его душу. У другихъ есть домъ, семья; у Дерсу нѣтъ ничего, и онъ вретъ отдѣлить его отъ порога засѣленнаго угола. Другіе сыти, а Дерсу не ѣлъ уже четверые сутки... Но онъ не чувствуетъ голода. Ему горько, безконечно горько, и если-бъ онъ могъ плакать, сколько слезъ пролилъ-бы онъ въ эту глухую ночь!

Онъ не [illegible] что жизнь его окончи
его плечахъ. И какъ
еще утромъ онъ чувст
и не думалъ о смерти
но нѣтскихъ видѣнія
охотничьей жизни.
нялся къ нему
далекъ и дѣтски—
защищалъ свои прав
не повѣрилъ-бы, ес
его сочтены.

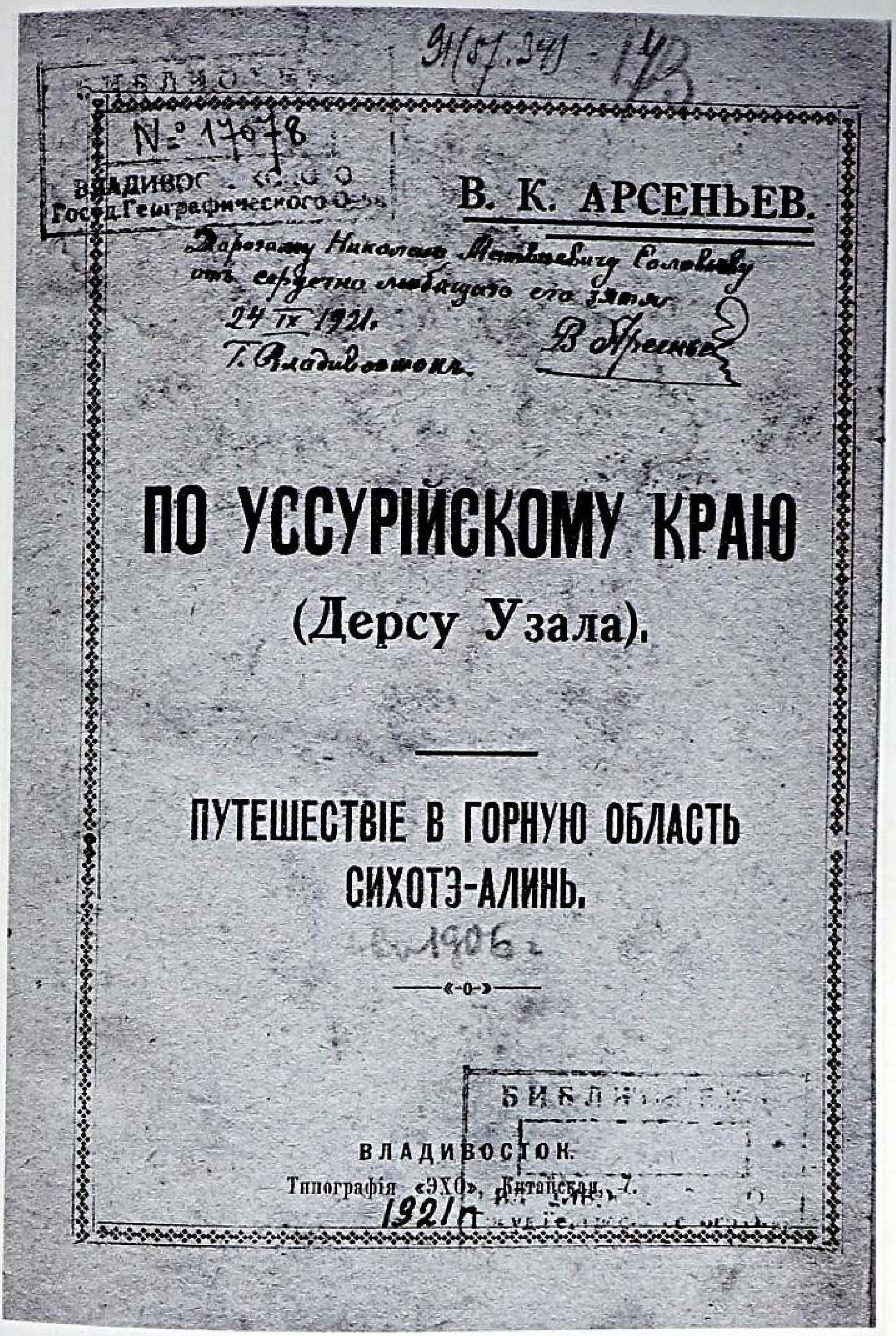
Но теперь все
куты, какъ неумол
и непрерывно прохо
ясно различать ихъ
уже видѣть ихъ во
то тонкое и невоо
не болѣе, но кото
свои безконечныя г

Вотъ какъ и
за три до захода с
ровому находил
Путь уже начи
крутящій снѣгъ
разсѣянъ вверху,
плечи, вдоволь

Начало рассказа П.П. Бордакова,
газета «Приамурье» (Хабаровск), 24 мая 1909 года



Рассказ П.П. Бордакова в его книге.
Штамп вверху справа – свидетельство принадлежности
к личной библиотеке В.К. Арсеньева



91(57.34) - 1/3
БИБЛИОТЕКА
№ 17078
ВЛАДИВОСТОКСКОГО
Госуд. Географического О-ва

В. К. АРСЕНЬЕВ.

Дорогому Николаю Матвеевичу Соловьеву
отъ сердечно любящаго его зятя
24 IX 1921.
Г. Владивостокъ.
В. Арсеньев

ПО УССУРІЙСКОМУ КРАЮ
(Дерсу Узала).

ПУТЕШЕСТВІЕ В ГОРНУЮ ОБЛАСТЬ СИХОТЭ-АЛИНЬ.

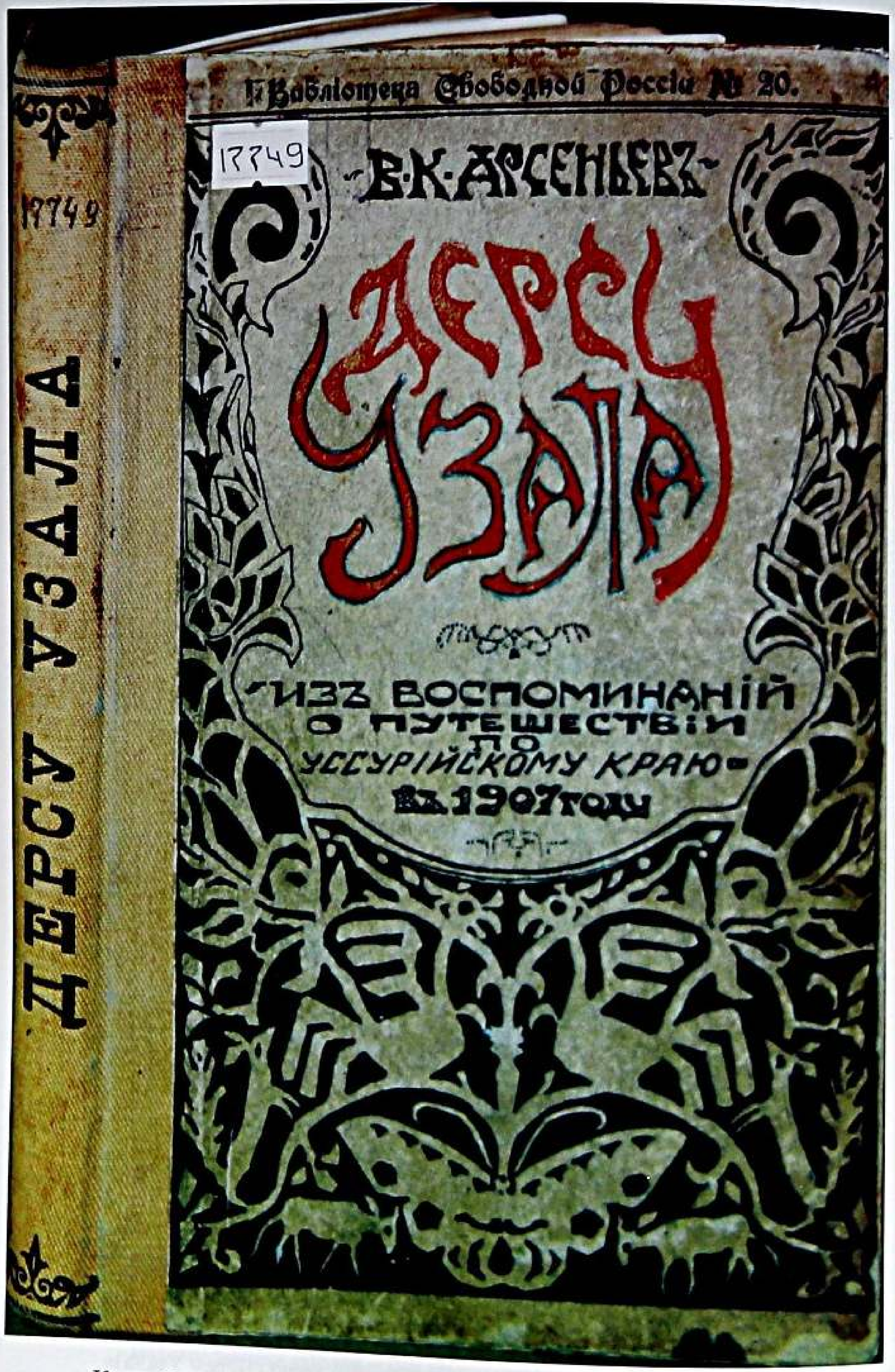
1906 г.

—«-0-»—

БИБЛИОТЕКА

ВЛАДИВОСТОК.
Типографія «ЭХО», Китайская, 7.
1921 г.

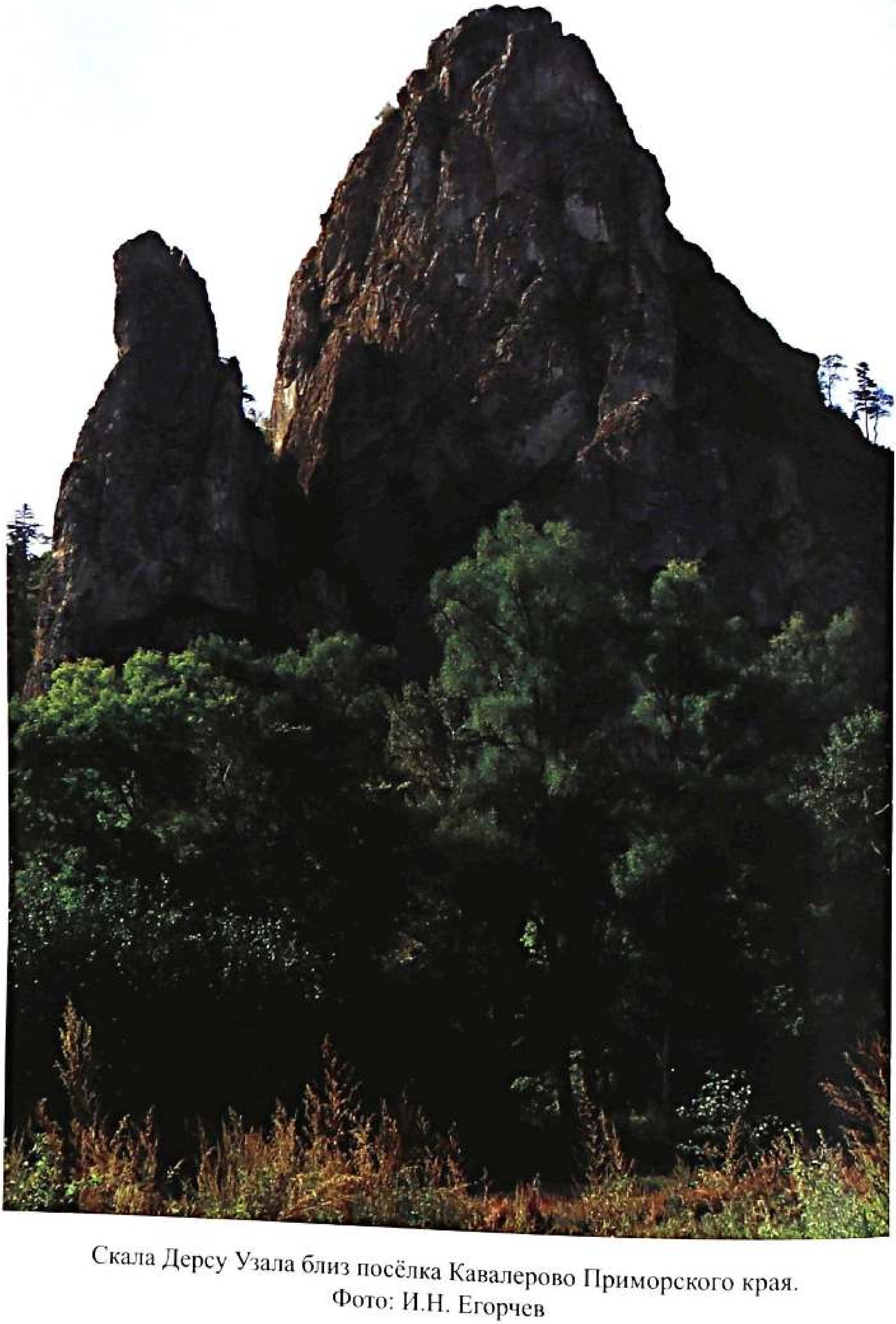
Книга В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)», первое издание 1921 года



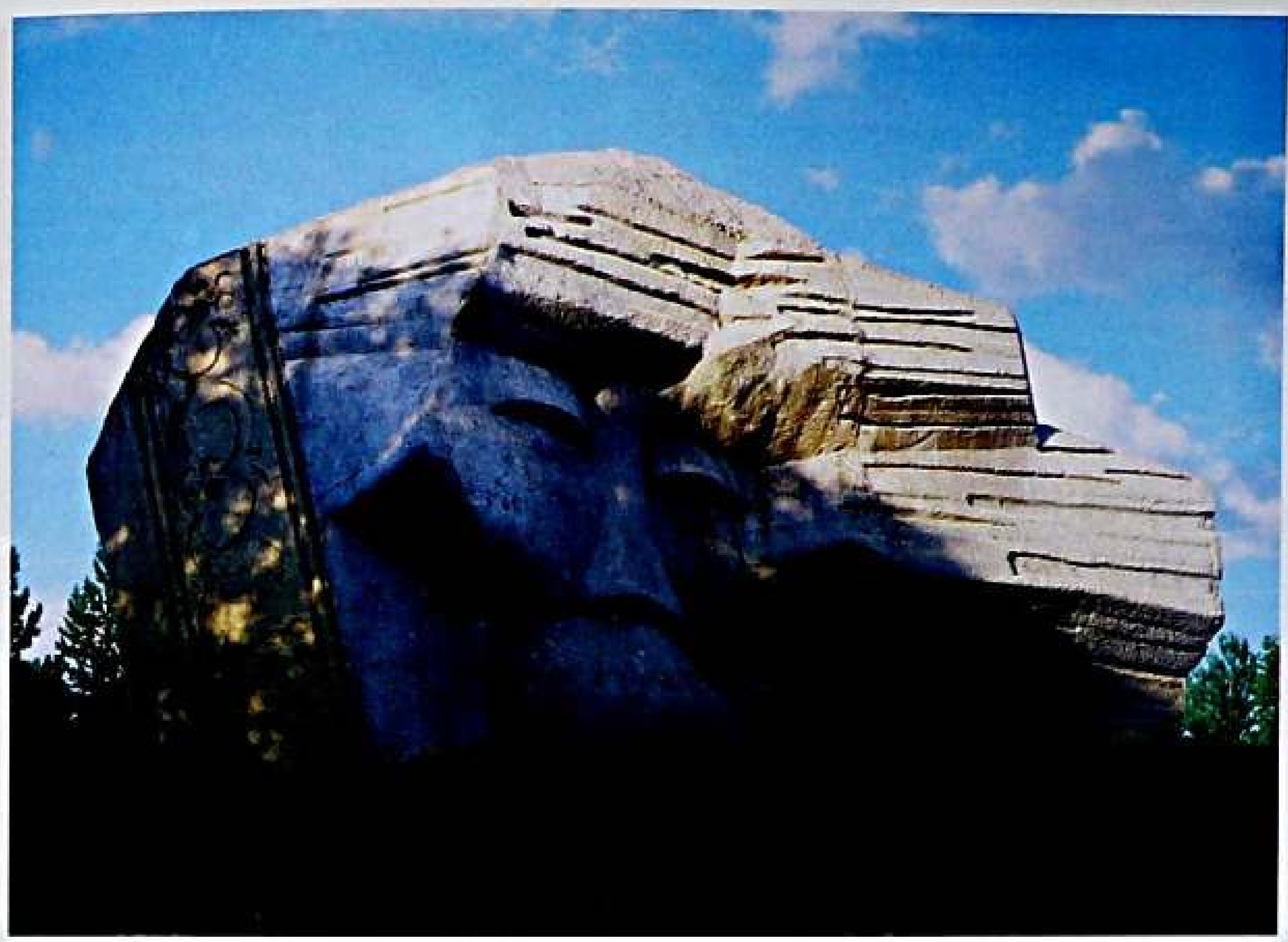
Книга В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», первое издание 1923 года

Тамги, гербы	Варианты нанайского и русского произношения	Варианты древнего произношения, их значения	Комментарии
рис. 8 рис. 9 рис. 10	Одя́л, Одза́л, Одзала́, Удзала́ (Одзя́л, Ача́н, Узала́). Ударение на последнем слоге	Одял, Одя, Удяла, Ходял, Ходяхал, Одчнхал – озёрские (эвенк.); Уоди, Уди – таёжные. Древние «уоди» («воцзи») имели контакты с монголами, тюрками и т. п.	Ходял (Ходяхал) – род или племя следопытов. Из Одял, Одзял образовано русское «Ачан». На рисунке 8 тамга старейшины озерского тунгусского рода Одял. На рисунке 9 тамга уссурийских Одялов (Узала) из деревни Фурмэ или Поён (Фуюань). На рисунке 10 изображен герб рода Одзял (см. стр. 55)

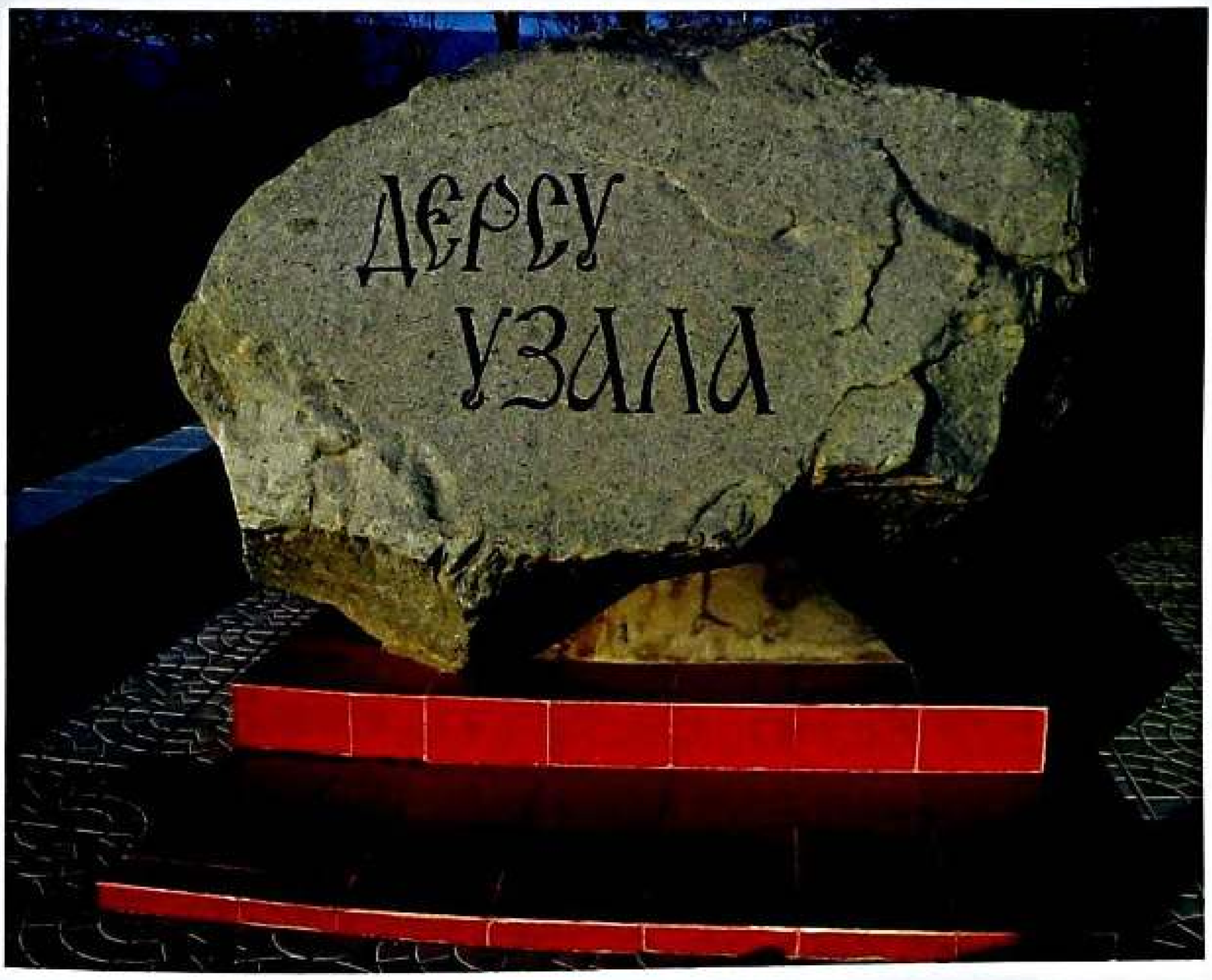
Книга Н.Н. Бельды «Сокровища края сильной воды» (Хабаровск, 2009) и фрагмент её текста



Скала Дерсу Узала близ посёлка Кавалерово Приморского края.
Фото: И.Н. Егорчев



Дерсу Узала мемориальный (город Арсеньев Приморского края).
Фото: И.Н. Егорчев



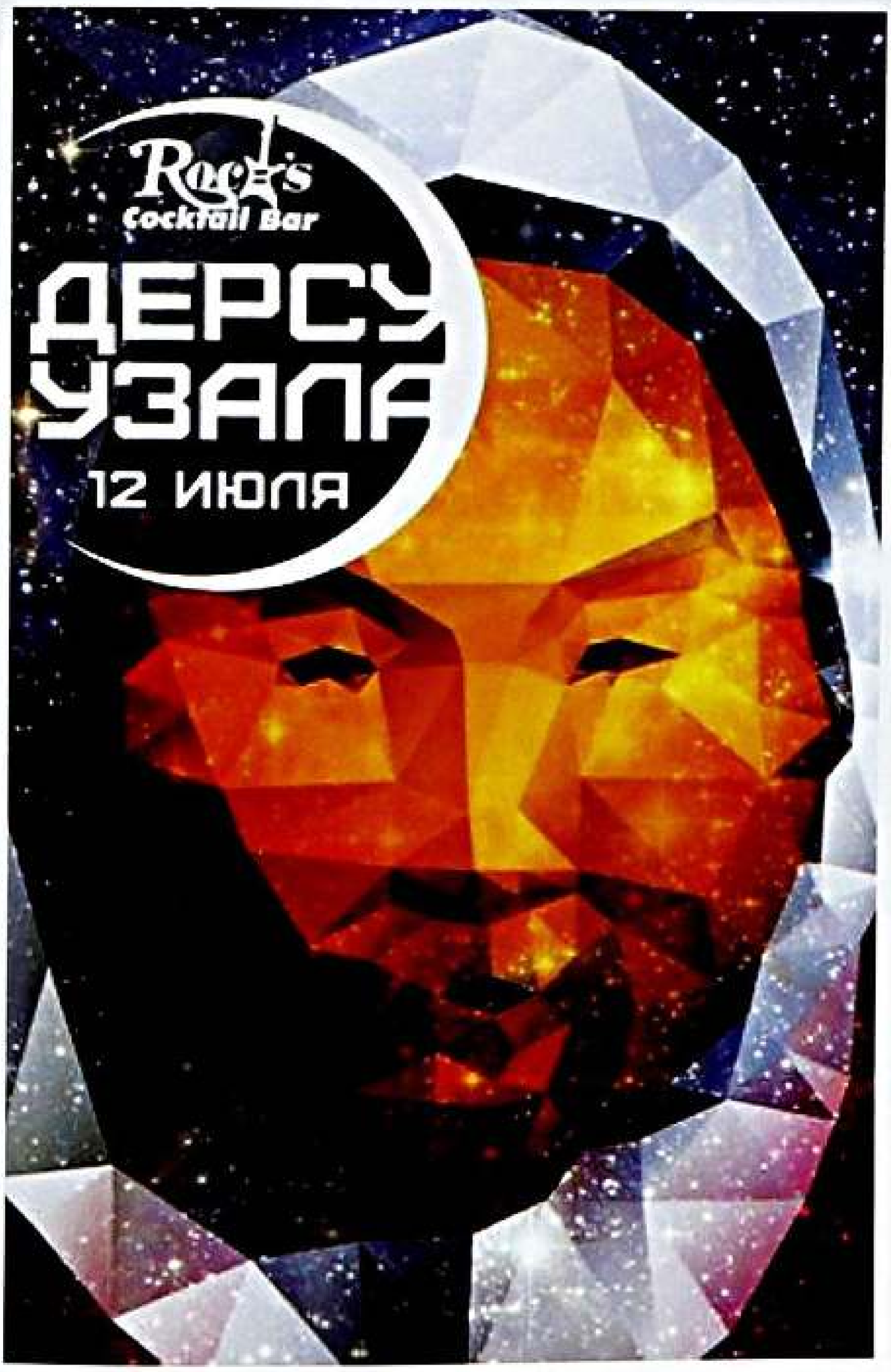
Памятник Дерсу Узала на станции Корфовская (Хабаровский край).
Фото: А.Л. Мезенцев

Безымянный памятник в виде пня на Морском кладбище Владивостока.
Фото: И.Н. Егорчев

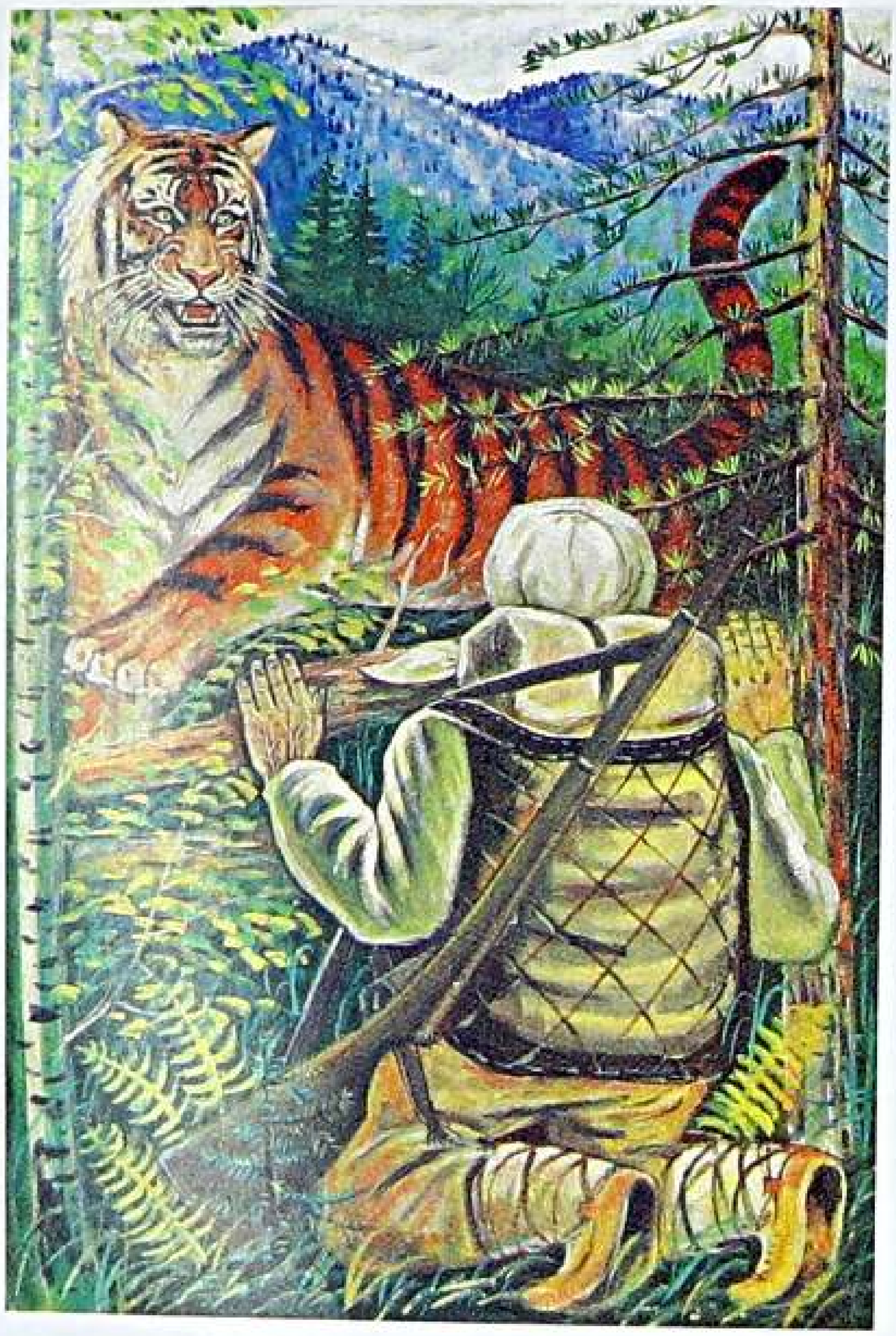
МАКСИМ МУНЗУК

100 ЛЕТ DERSU

Эмблемы фонда «Дерсу Узала» имени Максима Мунзука, Республика Тыва



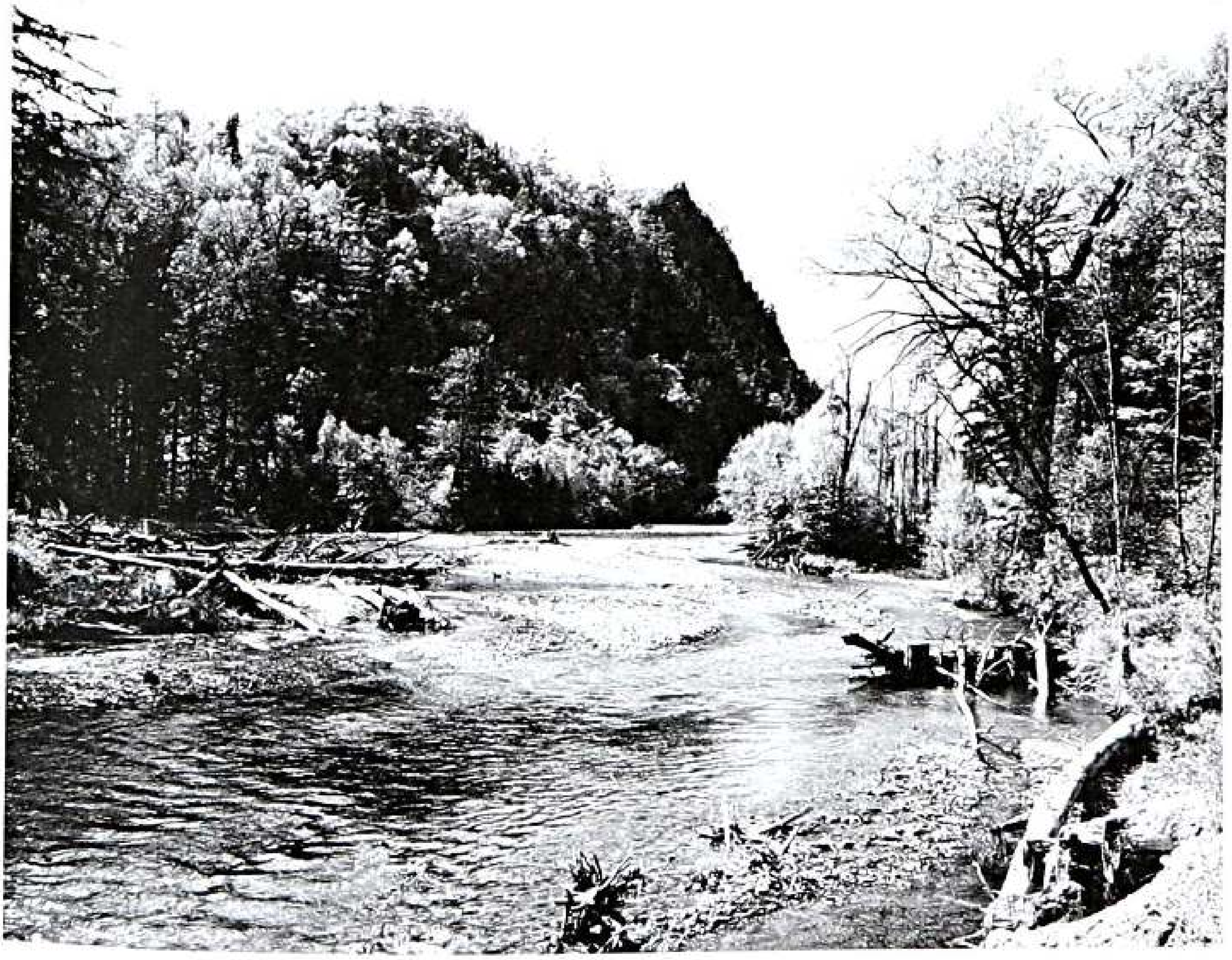
Афиша одного из концертов владивостокской группы «Дерсу Узала»



Репродукция картины И.И. Дункая «Дерсу Узала и тигр». 2005

Репродукция картины И.И. Дункая «Дерсу Узала и Арсеньев». 2010

ПРИЛОЖЕНИЯ



Сергей КУЧЕРЕНКО

ТАЙНА СМЕРТИ ДЕРСУ

Давным-давно, в пору ранневесенних дней моей жизни, дочитав последние страницы арсеньевской книги «Дерсу Узала», я очень невесело задумался: кто же и как, почему убил гольда, никому никогда не творившего зла, но готового бескорыстно прийти на помощь любому встретившемуся на трудных таежных тропах? Человека, неразрывно и гармонично сросшегося с первобытной природой и прекрасно ее понимавшего, одухотворявшего и всю ее в целом, и в мелких частностях: «Его все равно люди, только рубашка другой...». Кто убил мудрого и наблюдательного скитальца?

Годы улетали, но не было ответа.

И все же мне довелось узнать, как, кто и зачем убил Дерсу Узала, и узнать совершенно случайно...

С Павликом Кращенко мы познакомились в юности, когда нас объединяли золотые буквы на черных лентах наших бескозырок: «Тихоокеанское высшее военно-морское училище». Мы были в разных классах, и дружба нас не связывала, тем более что Павлик был чемпионом училища по классической борьбе в наилегчайшем весе и имел определенные основания смотреть на таких, как я, рядовых салаг, свысока.

Потом судьба разбросала выпускников училища по всем морям и флотам, кораблям и базам, и встретились мы с Павликом, вернее, с Павлом Мефодьевичем, почти через тридцать лет, когда оба вошли в солидный возраст, стали «гражданскими», прочно окопались в Хабаровске. И крепко сдружились.

Он не утратил неуемного задора, лихорадился сотнями идей и планов, заразительно смеялся, лихо гонял свой видавший виды мотоцикл и, как мальчишка, горел рыбацкими страстями и частенько таскал меня за дальние сопки – по грибы.

Как-то в лесу он, увлекшись разговором, наступил на великолепный боровик и раздавил его. Присели мы около снежной белизны грибного разлома, погоревали, и я упрекнул его полушуткой: «Как твоя глаза есть, а посмотри – нету!» Он виновато улыбнулся, а через минуту спросил: «А ты знаешь, Серега, кто убил Дерсу?» И тут же ответил за меня: «Нет, не знаешь. Никто не знает. А я знаю...»

Я посчитал это его очередной шуткой, но он, белыми колесиками обрезая ножку большого зачервивевшего подберезовика, совсем серьезно сказал: «В молодости я вел дневник, записывал занимательные происшествия,

рассказы бывалых людей… Давай присядем, смотри-ка, пни какие, будто для нас. Так вот. Нашим соседом в деревне Степановке, около Уссури, где я рос, был дед Саенко. Мудрый такой, добрый. Промысловый охотник. Меня он почему-то особенно любил и вниманием не обходил, да я – безотцовщина – и сам частенько приставал к нему с расспросами и слушал внимательно. Всякие мне истории рассказывал: как ходил на тигра, как выслеживал хунхузов, как охотился на медведей, кабанов, как искал женьшень. А однажды он долго вспоминал, как встретил в глухой тайге умирающего беглого каторжника и тот исповедался, как убил Дерсу Узала... Ну, идем, надо вон тот распадочек осмотреть, там всегда есть белый гриб!».

Какие мне тогда были грибы! Догнав Павла, я попросил его присесть, а он все носился по лесу, то и дело наклонялся и, посверкивая ножичком, восторгался: «Нет, ты посмотри, какой красавец! Богатырь! Осанистый, как адмирал...» Пока я подходил, он уже шумел в другом месте: «Ай-яй-яй! Гномики-красноголовки. Целый взвод! Давай сюда свою корзину!..».

А потом, услышав еще далекий, будто предупредительный удар грома, он бросил мне: «К мотоциклу!». И опять замелькал меж корявых дубовых стволов и белой березовой нежности, восклицая: «Смотри-ка, ведьмин круг-то какой нарядный! Тут и белые должны быть... О! Кесаревы грибы! Да сколько их! В Древнем Риме был наипервейший гриб, да и теперь в Италии... Замечательно вкусный, а у нас не знают его: думают – мухомор, хотя на мухомора он лишь похож... Срезай его».

Но выбрались наконец мы на широкую тропу, и, размашисто вышагивая по ней, мой неугомонный друг сжалился надо мной. «Обстоятельства гибели Дерсу Узала, – начал он, – дед Саенко поведал мне в сорок шестом году... Сколько после того прошло лет? Тридцать шесть? Каждому его слову надо верить, потому что выдумывать, а тем паче врать он был не способен – я-то хорошо знаю. Его рассказ я и теперь помню, но лучше дам тебе тетради, в которых записал тогда его... Вот только найти их надо – прошла ведь добрая половина человеческой жизни. Где-то в гараже тлеет мой ворох мемуаров. Поднажмем еще немного, еще чуть-чуть. Сейчас грянет гром... Ты погляди-ка, какая черная туча наваливается на нас. Вымочит, не успеем...».

Мы все же успели, сбежали от грозовых туч: стрелка спидометра качалась около «80», стягивало на затылок каску, а я мысленно повторял: «Быстрее, быстрее», – не потому, что боялся вымокнуть, а чтобы скорее заглянуть в заветные тетради...

Я не выпустил Кращенко из гаража до тех пор, пока он не переворошил свой застарелый архив. За распахнутой дверью стояла стена ливня, а мой

друг раскрывал то одну тетрадь, то другую и начинал листать их, читать, уносясь в давнее прошлое, забывая не только о моем нетерпении, но и обо мне самом, а я дрожал от страха – вдруг не найдет те тетрадки...

Но он все же нашел их и обрадовался вместе со мной: «На! Дарю тебе безвозмездно. Читай и пиши. Для всех. Освети тайну в три четверти века. Только упомяни, что к раскрытию тайны этой причастен я, Кращенко Павел Мефодьевич, тысяча девятьсот двадцать седьмого года рождения, русский, уроженец Приморья, из крестьян, ветеран флота...»

Я не дал ему договорить свои «реквизиты», отобрал тетради и отошел к двери, не в силах успокоиться.

Тетрадок было две. Школьные, по двенадцать листов. От времени желтые, исписанные еще не окрепшим мужским почерком. Я лихорадочно и жадно пролистал их, выхватывая из страниц одно лишь слово «Дерсу», разобрал почти выцветшую дату под последней строкой на последней странице – 15 июля 1946 года. Потом прочитал бегло и еще раз – внимательно.

В записях Кращенко передавались рассуждения Саенко о тайге, о людских характерах, об охотничьем промысле и другое. Опуская не относящееся к делу, рассказ старого промысловика я посмел изложить так, как сам рассказал бы его, доведись мне стать свидетелем тех далеких событий.

«Дело было в самом начале нашего века. Край только лишь заселялся, крестьянские деревни и казачьи станицы стояли редко, и жались они к Уссури. Охотников было не то что сейчас – мало, тайги и зверя всем хватало...

Теперь и рассказывать трудно, какой зверовой была уссурийская тайга. Видел я такие табуны кабана, что за ними земля оставалась будто плугом вспаханной. Изюбр – зверь строгий, подойти на видимость к нему трудно, но вот, когда разукрасит осень лес, по всем распадкам и речкам ревут быки, как петухи, – с одного места штук пятнадцать слышно. Косуль по первым снегам, когда они начинали кочевать, хоть палкой бей, а на весенних переправах гольды да удэгейцы кололи их копьями и складывали на берегу штабелями. От медведя и тигра житья не было. Ну, а о пушном звере и говорить не приходится. Да, было времечко...

Промышлял я тогда по Синему хребту да речке Крыловке. По первым осенним снегам – добывал кабана и изюбра, расставлял капканы на колонка и соболя, подстреливал белку. В мае и июне пантовал, в августе искал женьшень. И на домашнее хозяйство время оставалось, хотя на огороде и пашне работать больше приходилось жинке и детям. В магазине покупали самую малость – соль, сахар, материю, мыло...

Встретился мне как-то на зимней таежной тропе охотник-гольд. Невысокий такой, крепенький. Улыбнулся приветливо, протянул руку и представился: «Моя Дерсу Узала. Деревня ходи, чего-чего покупай надо».

Было к вечеру. Мы посидели, покурили да и порешили заночевать вместе. Смастерили и зажгли большой костер из толстых валежин; устроили постель из хвойных веток, натянули полог. Поужинали, потом почаевали.

В тайге к незнакомому человеку я всегда внимательно приглядываюсь, пытаюсь разгадать его: всякий ведь люд бродит. Но этот гольд сразу же вызывал душевное расположение. Простой такой оказался, совсем бесхитростный, добрый. Разговаривать был он не охоч, а на вопросы отвечал с готовностью, коротко и ясно. Но размышлял он, как я заметил, много. Уставится этак в костер, потягивает трубку – и думает.

Заметил я, что глаза у него были не как у гольда, а серые, и волосы не очень черные, а русые с сединой. Спросил, почему. Он долго молчал, а ответил коротко: «Совсем давно такой люди гольда было много». Поинтересовался я, где его стойбище, и опять он молвил не сразу: «Моя стойбище сопка, дом нету. Туда-сюда ходи, живи тайга». Помолчав еще, он улыбнулся, похлопал по котомке и сказал: «Моя дом здеся». И опять задумался, посасывая потухшую трубку. Поправил огонь в костре, пододвинул к жару котелок и еще сказал: «Дядька Анучина живи».

Я стараюсь определить незнакомого человека по глазам и улыбке. Что глаза – зеркало души, говорят правильно, но улыбка раскрывает мне больше. Бывает она открытая и какая-то затаенная, хитрая и откровенная, душевная и казенная. Случается, губы растянет человек – в смехе будто, а глаза не смеются: остаются холодными, как у змеи. У Дерсу, как я потом убедился, глаза были умные и добрые, взгляд – открытый такой и совсем бесхитростный. От собеседника он его не отводил, а смотрел в самые что ни на есть зрачки, глядел ласково, доверчиво, внимательно и ненадоедливо. Спокойно так и приветливо. Как брат или отец на сына. А тогда я в сыновья ему годился.

Смеялся он, что дите, хотя попусту не смеялся. Смеялся всем лицом: глаза сузятся в щелочки, от них морщины по щекам разбегаются. Только вот не в голос смеялся он, потому как за долгие годы, проведенные в тайге, привык жить во всем тихо, оберегая свое присутствие от чужого уха. В тайге слух поважнее глаза.

Этот гольд был как камешек на ладони, в нем совсем не было скрытности. Спросил я его, как поохотился он. Большинство отвечает на такой вопрос, особенно случайному встречному в тайге, уклончиво и неопределенно: да так, мол, себе. А Дерсу тут же раскрылся: «Соболь речка Нота

хорошо лови, восемь есть, продавай надо. Чушка там стреляй пять штука, конь вези проси, продавай кому-кому».

Была у него старенькая берданка. Когда-то на ее темном прикладе откололся снизу угол, вместо него теперь светилась хорошо подогнанная, приклеенная березовая планка, прихваченная деревянными гвоздями. На ложе чернели какие-то зарубки. Унылым мне показалось это ружье. Зато нож был очень хорош. В меру большой, стали крепкой. На ножнах блестела чеканка. Дерсу заметил мой интерес, расстегнул ремень, снял нож и подал его мне: «Посмотри. Капитан дари насовсем. Моя его похода проводник работай. Арсенев Владивостока. Шкотово – Сихотэ-Алинь ходи вместе».

Ночью я почти не вставал. Стоило мне подумать, что пора поправить огонь в костре, как Дерсу поднимался и начинал возиться с бревнами, где сбивая лишнее пламя, а где прибавляя его.

Лишь только забрезжил рассвет, он натопил снегу в чайник и подвесил над жаром, нарубил в котелок мяса и пристроил его рядом с чайником. В движениях он был нетороплив и точен. И тих – тогда я думал, что он не хотел помешать моему отдыху, а после узнал, что он все время слушает тайгу и сопки, небо и речку, дерево и траву. Такая в него врезалась привычка от одинокой жизни.

За завтраком он поинтересовался, где я живу, спросил, можно ли зайти ко мне, если придется проходить мою Степановку. Поев, он плотно упаковал свою котомку, ловко набросил ее лямки, взял в руки длинную ореховую палку, махнул рукой на запад: «Моя туда. Потом ходи Нота. Мала-мала соболь лови. Весна дядька Анучина шагай». Широко улыбнулся, пожал мне руку, дружески хлопнул по плечу и легким шагом двинулся по тропе. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за деревьями. И подумал тогда: «Хороший гольд, умный, скромный, откровенный и добрый. Терпеливый. Трудяга». А потому так подумал, что по походке тоже видать человека. Как он о себе понимает, что из себя представляет – так и ходит. У губернатора там, строевого офицера или бывалого моряка – у каждого своя походка. Это в общем, но есть в походке и такое, что выдает характер и привычки: важность или простоту, беспокойство, достоинство или забитость. Силу, выносливость, здоровье. Об этом словом не расскажешь, это нужно нутром понимать, чутьем. Как понимает, скажем, хорошая собака незнакомого человека сразу.

Встретился Дерсу мне и на следующую зиму. Узнал меня и дружески засмеялся. Не изменился он ни в лице, ни в одежде и снаряжении. Будто вчера мы с ним виделись.

Я тогда стаскивал кабанов и изюбров к речке, чтобы потом на лошадях вывезти к деревне. Он предложил свою помощь, хотя я и не просил об этом. Таскали три дня, умаялись. Хотел отблагодарить его шкурками колонка, но он отказался наотрез и даже обиделся: «Тайга охотники други. Теперь я тебе помоги, потом ты меня выручай. Братья». И странное дело: вместе-то были всего ничего, а стал он мне как старший брат или отец. Большой был человек, всему живому друг.

Летом он наведался ко мне в Степановку. Как нашел – бог весть. Перед этим он в тайге переболел простудой и был еще слаб. На бедре гноилась большая рана: раненый медведь цапнул. Не пошел ни в дом, ни на летнюю кухню, а вот на сеновале обосновался с удовольствием. Расстелил там свою палатку, козью шкурку, одежонку развесил – вроде отаборился. Без дела не сидел: что-то шил, что-то штопал. Помогал жинке на огороде, колол дрова, отремонтировал мне лодку и нарты.

Он очень любил детей, особенно малолеток. С моим младшим пацанчиком сдружился, будто сам в его возраст завернул. В войну с ним играл, на зверя «охотился», на четвереньках возил его на спине, в лес с ним ходил, на речку. Сшил ему из кожи аккуратненькие олочи.

Я поинтересовался, есть ли у него дети, на что он ответил: «Моя такой дети помирай. Оспа. Давно». Задумался, запечалился, надолго запыхал трубкой и ушел в свои мысли.

А какой был он любопытный – и не обскажешь. Начну я, к примеру, сбрую чинить или плуг ремонтировать, а он тут как тут, внимательно наблюдает. Особенно любил за жинкой в огород ходить. Все смотрел, допытывался: «Это чего такой?», «Это какой люди расти?», «Твоя делай, как моя понимай?» И все норовит понять да тут же и помочь, а то и умный совет даст.

Пацаны мои на зорьках бегали рыбу удить, так он с ними зачастил. Видел я раз, как смеялся и радовался он, когда на крючок попалась большая рыба... Удаче всяк радуется, не новость это, но ведь гольд радовался и своему улову, и, нисколько не менее, когда кто другой хорошо подцеплял. Такой был дружелюбный и совсем не завидущий человек.

Подлечили мы медвежьим жиром его нутро и рану, окреп он и ушел в тайгу. Думал попантовать, потом покорневать, а к зиме вернуться на свою речку Ното, которая рядом с моим охотничьим участком. Там мы еще встречались несколько раз.

Довелось с ним и за женьшенем три недельки побродить и еще раз убедиться в его мудрости и доброте. Столько он мне без утайки секретов

и примет про этот корень и всю корневку рассказал, что не узнать бы мне того и за двадцать лет.

Вечера в тайге, особенно зимой, долгие, и было время поговорить с ним обо всем – про охоту, про жизнь и тайгу, про зверя и птицу.

Для него все были «люди» – человек то или зверь, луна или туча, только разные «люди»: среди них он выделял друзей и врагов, полезных и вредных, добрых и злых, и к каждому соответственно относился. К добрым и нужным тянулся, злых же, бесполезных и даже врагов не преследовал, а просто сторонился их, уходил.

А как он знал тайгу – и не обсказать, просто колдун какой или ясновидец. Я уже говорил, что он все время слушал и прислушивался, ничего не пропуская мимо ушей. Я и сам смолоду кое-что знал из примет, но вот Дерсу посидит, послушает, как звенят ключи и речка, как шумит лес и шелестят листва да хвоя, как чирикают птички и бормочут зверушки, осмотрит небо, звезды, помнет в руках траву, понюхает ее да и говорит: «Завтра жарко, потом два дня мелкий дождик сыпи, три дня дождик кончай, солнце свети». И будь спокоен – так и будет. Или присмотрится, как улетают осенние птицы да те же зверушки ведут себя, как созревают семена и опадают листья, и вот тебе готово предсказание: «Осень теплый будет, зима долго не приходи и тоже теплый ходи, однако снегу потом много сыпи». А природа то предсказание как приказ себе принимает.

Больше встречать его мне не пришлось. Мужики говорили, что работал он в какой-то экспедиции проводником. Потом я услышал, что убили его, а попозже узнал, как это случилось.

Давно это было, год уже не помню. Зимой. Выходил я из тайги за конем, чтобы добычу вывезти. На устье Крыловки стоял барак. Построили его давно, но зверя там поубавилось, и охотники в нем не жили. По пути в тайгу да при возвращении в село останавливались, но тоже редко, потому что барак тот как бы в стороне от промысловых дорог оказался.

Дело было вечером, в сумерках. Подхожу к бараку, вижу – дымок над крышей вьется. Обрадовался: жилье обогрето, обжито, можно и отоспаться в тепле, и с человеком наговориться. В тайге-то месяцами молчать приходилось, того и гляди слова забудешь. Снег был тогда глубокий, шел я на лыжах, а на виду барака поддал ходу.

И вдруг забеспокоился: увидел на снегу следы не то сапог, не то ботинок – охотники не ходят в них; и не заметно было у дверей ни лыж, ни ружей, ни котомок. Подхожу, снег подо мной скрипит, крякнул для пущей важности – никто не выходит, как это принято в тайге – встретить путника

на дворике, поприветствовать, помочь ему освободиться от груза, от снега да куржака отряхнуться. Мало ли в какой усталости человек к бараку добирается, иной раз чуть ли не на карачках.

Очень тревожно стало на душе, будто учуяла она недоброе. Снял лыжи, котомку. Ружье разряжать не стал и на всякий случай поставил его у косяка. Открыл дверь, переступил порог и громко сказал в темноту: «Мир дому! Есть кто живой?»

Печка была у двери и чуть светила, дальше – густая темнота. Присмотревшись, увидел человека, стоящего у дальней стены, и услышал его хриплый басовитый вопрос: «Кто такой?». Пока я соображал, что охотник своих гостей, пусть нежданных, так никогда не встречает, вопрос был повторен громче и угрожающе: «Кто такой, спрашиваю?» – «Как кто, промысловик, конечно. Кто еще зимой в тайге ходит? Неприветливо встречаешь!» И опять получил столь же злой вопрос: «Зачем пришел?» Пытаясь его успокоить, ответил как можно миролюбивее: «Как зачем – отдохнуть от дальней дороги, переночевать». И получил начальственное распоряжение: «Ладно. Раздевайся. Располагайся».

Вытер ноги, шагнул к печке, снял шапку. И только тут заметил, что на меня направлено ружье. Жуть взяла такая, вроде готового к прыжку озверевшего тигра увидел неожиданно. Но взял себя в руки и не подал вида, что испугался.

Разделся, подбросил в печку дров, присел на нары. А человек тот напряженно следил за каждым моим движением, внимательно меня разглядывая. Огонь разгорался, щели в печке засветились, по избе заметались тени. Я тоже незаметно стал рассматривать странного обитателя барака, благо глаза в темноте пообвыкли.

Он был огромного роста, кряжистый. Изможденное лицо с темными глазницами густо заросло сивым волосом, промеж которого синими тонкими губами прорезался большой, как у сома, рот. Одет он был в не по росту малую изорванную и грязную серую крестьянскую рубаху, из-под которой у ворота виднелось до черноты замусоленное нижнее белье. И в дым истрепанные и также засаленные штаны были ему явно не по росту. Из носков солдатских ботинок торчали портянки, на голове сидела, будто с огородного пугала снятая, шапка. Оглянул стены – больше никакой одежды не увидел, только в изголовье нар темнело что-то вроде телогрейки. И подумал я: очень недобрый этот человек и сильно бедствует.

На печке стал посвистывать чайник. Я спросил: «Как тебя звать-то? Может, угостишь чайком?». Не отвечая, он поставил на стол чайник, зажег

в печке лучину и воткнул ее в горлышко бутылки с краю стола, пододвинув коробку с накрошенными сухарями. Звякнул металлом, достал из-под стола кусок мяса.

И тут я увидел его руки. Они были маленькие, черные и иссохшие. На левой кисти у мизинца и безымянного пальца два сустава отпали, оголив белые косточки, на правой не было большого пальца. Тошнота сдавила мое горло, в жалости я спросил: «Что с тобой, что с руками?». Положив их на край стола, он стал рассматривать их, будто чужие, и неожиданно спокойно ответил: «Сохнут... Высохли... Хана мне...» – «Да как же это получилось? Дом-то твой где?» Помолчав, ответил: «Долгая история... Ешь». А сам он, закатав на левой руке рукава верхней и нижней рубах, стал рассматривать темную синеву, обволакивающую кость почти до локтя. Какая уж тут еда...

Захотелось помочь несчастному, но как? Я еще раз сказал: «Да где же твой дом? Давай выведу тебя, лечиться надо», – на что он опять, помолчав, как бы выдавил из себя: «Нет у меня дома... Беглый каторжник я». И снова стиснула меня жуть.

Была у меня фляжка спирта, который я всегда беру в тайгу и берегу на случай какой хвори. До села оставалось два дня ходу, и порешил я, сам не знаю почему, употребить теперь его с этим несчастным беглым каторжником, обреченным на смерть. Хотел сделать ему посильное добро, может быть, последнюю радость в жизни, не подумав, что опьяневший преступник может стать опаснее трезвого.

Жалостью к нему я проникся еще и потому, что отбывал сахалинскую каторгу мой сосед по селу, добрый и смирный, работящий крестьянин, в припадке ревности удушивший изменившую ему бабу-стерву.

Принес я спирт, остатки сахара, чай, сало. Поставил ковш с водой, разлил из фляжки по кружкам. Свою он зажал обеими сухими черными ладонями и опрокинул в горло. Изголодавшим волком накинулся на сало.

Быстро опьянев, он уронил голову на стол и страшно заплакал... Много я пожил на свете, но такого плача не слышал ни до, ни после того дня. Да и не плакал он, а ревел хриплым басом, катая лохматую голову по грязному столу, стуча по нему мертвыми ладонями, непонятное что-то приговаривая. Но скоро выплакался, уставился в черное подпарившееся стекло барачного окошечка, а потом и заговорил.

Я не перебивал его, ни о чем не спрашивал, а только долго слушал и глядел в запавшие глаза. Были они будто из мутного стекла, совсем без блеска...

– Расскажу я тебе свою жизнь, – начал он. – Конец ее близок, попа здесь не найдешь, исповедаюсь тебе. Ты крещеный? Вот и ладно...

С Раздольного я, Козлов Иван Митрофанович. Крестьянствовал. Была жена, два сына, скотина: конь, корова, чушки. Сеял хлеб, картоху садил, овощ всякий. Небогато жил, но и не голодовал.

На свадьбе у соседа поднапились да передрались, и убил я во зле и хмелю оглоблей пьяного тоже лавочника, приставившего нож к горлу моего дружка.

Осудили на десять лет каторги, отправили пароходом на Сахалин, в Дуйскую тюрьму.

Поначалу жутко было, хошь башку об камень. Грязь, вонища, параши, клопы, вши, надзиратели. От работы к вечеру руки и ноги тряслись. И так скучал на той каторге по дому, что усталое тело сон не брал. Да что ни день, то все сильнее тосковал по своей родине, по жене, сынам. Даже по коню и корове.

В первый год держали меня в ручных и ножных кандалах, да еще прикованным цепью к тачке, на которой днями работал на строительстве дороги, а ночью спал с ней рядом. Потом от кандалов и тачки отставили, можно было свободно ходить по деревне, как ходили другие каторжники. Режим там был не такой строгий, как в наших тюрьмах. Ну, и убег я как-то. Убег сломя голову, в надежде, что поможет бог добраться до материка.

Летом бежал. Поблукал по сахалинской чащобе да чуть не подох от голода, гнуса и мокроты всякой, хорошо – изловили меня да назад водворили. Всыпали пятьдесят розог и добавили четыре годика. Подумал я, что быть мне каторжником еще тринадцать годов да после сроку десять лет поселенцем, а там и старость... А по дому и семье тоска сосет и сосет.

Сговорились мы как-то с одним старичком сбежать. Бегал он уже пять раз, и стала ему каторга бессрочной. Опытный был дед в этом деле, мудрый. До Благовещенска доходил, а там оплошку давал и попадался.

Рассказал он, что бежать по Сахалину надо не вдоль берега, где посты и людно, а горами тайгой, строго на север, сначала вдоль речки Тыми, потом по ее левому притоку и только недели через две поворачивать на запад, к узкому проливу. Зимой по льду его одолеть можно за два-три часа, а летом надо переплывать на плоту из бревен. Говорил он, что на материке не к Николаевску на север нужно переть, а вдоль пролива на юг, до низкого места, по которому в западном направлении вдоль большого озера за три-четыре дня выходишь к Амуру у Софийска, а там вдоль реки до Хабаровска два месяца ходу, не больше.

Небо понимал старик, северную звезду показывал, остров на песке рисовал в подробностях и Амур тоже. Когда, где, какая ягода поспевает, рыбу как изловить, зверя петлей добыть, от погони или караула уберечься. «Первое дело, – говорил он, – надо денег накопить. Будут оне – будет и продукт, и одежда, и помощь от населения, токо бы до Амура добраться».

И стали мы их собирать, деньги-то. По пятнадцать копеек в день нам за работу выдавали, приноровился я лапти плести да продавать их по десять копеек за пару. Дед ухитрился украсть у майданщика поболе двух сотен, рубликов... Такой ханыга был тот майданщик, истинно грабитель каторжников, его не только обворовать, но и убить надо было...

Все вроде хорошо шло. Готовили мы лес для тюремного хозяйства – в восьми километрах от Дуя валили бревна и волокли их бурлаками. На двадцать каторжников один-два охотника. Убечь в горы было легко, да с топорами убечь, а загодя на деляне накопить продуктов и какое другое нужное имущество.

Назначили побег на весну, чтобы по теплу до Хабаровска допереть. Да закавыка вышла: ударил я сгоряча собаку-надзирателя, и заковали меня в наручные кандалы. В феврале заковали.

Погоревали мы с дедом, погоревали, оглядел он наручники и мои руки – а они, для моего роста, небольшие были, – и говорит: «Ежели долго и густо смазывать их мылом, они меньшают, сохнут вроде, потому как мыло вытягивает из них соки, и тогда их можно ослобонить. Да ежели ишо похудать при ентом».

Сушить стал с марта, когда уже теплеть стало и ручей потек, но еще можно было в рукавицах ходить без подозрения. Отойду к ручью и начинаю намыливать да еще намазывать слоями размоченного мыла руки свои. Густо так. Потом обмотаю их тряпкой – и в рукавицы. Когда мыло подсыхало, очень больно было, вроде огнем горели руки-то, чуял, как стягивало их обручами. Перед едой облуплю их, оботру, пожру немного, и снова за мыло, снова в рукавицы. Даже спал в них... Правда, не спал, а маялся... А тем временем с дедом мы припрятывали недоеденные куски хлеба.

От болей, беспокойства и недоедания весь худеть стал. Уже через недельку-то вижу – окостлявились руки, подаваться стали, но еще не пролезали в окову. «Ишо недельку», – рассудил дед. И стали мы окончательно готовить свой час побега. Напрятали за деляной одежонки, сухарей, муки, сахару, чаю подкупили. Соли. Посуды. Договорились так: после обеда дед будет отвлекать охранника всякими побасенками да особливым поведени-

ем, а я стану снимать наручники. И уговорились быть возле наших тайников, как только солнце коснется сопки.

Удалился это я к ручью и начал. Оголил руки, обтер, попробовал – не пролазят. Намылил их, железо – и стал продирать силой. Ногами упрусь в цепь и тяну. Глаза на лоб вылазят из орбит, чую – косточки хрумкают. Левую-то протащил кой-как, а вот с правой еще час возился. Когда освободился, руки ничего не чуяли, в кровище, огнем горели, потом стали пухнуть, багроветь. Однако я потихоньку побег.

Сошлись, упаковались и – деру. Дули по тропке часа два, пока не стемнело. Привел дед в какую-то нору, переночевали мы в ней, а чуть свет – снова в побег. Руки ломит, жжет по-страшному, в другое бы время волком завыл, а тогда будто не до них было, вроде бы чужая то боль была...

Козлов задумался, уронил голову на грудь, потом плеснул в свою кружку спирту и воды, выпил, утер рукавом рот, положил руки на край стола и надолго замолчал. Странно так молчал и страшно, вроде припоминал что: лицо было каменное, а по нему текли слезы, тяжелые и мутные. В душе моей страх перед этим человеком совсем заменился жалостью, мне хотелось узнать его историю до конца, но я не смел просить об этом, потому что видел его уже почитай мертвецом. Я только побаивался: а не буян ли он во хмелю? Не набросится ли на меня? Успеет ли досказать о себе? Слежу за ним и жду. И дождался, когда он заговорил:

– Была середина апреля, днем тепло, ночью мороз, но нас выручали суконные куртки и полушубки, хоть и драные были они. Снег таял, шагать было трудно. Сахалинская тайга – это страх: бурелом, багульник, курумник, крутяки... Только на четвертый день вышли к речке Тыми, но обрадовались сразу: вдоль нее и прямо на север была хорошо натоптанная оленями тропа. По ней пошли быстро. Да встретили еще охотника-инородца в юрте, отдохнули у него, отремонтировались. Он, конечно, сразу догадался, кто мы такие, да мы и не скрывали. Сунули ему хорошие деньги, он дал нам нож, копье, мяса, юколы, легкую обувку из кожи, обсказал, как бежать дальше, где еще юрты есть.

В начале мая мы выбрались к проливу и на другой его стороне увидели синие горы. Верст шесть или семь до них было. И опять бог дал нам удачу: нашли мы с зимы дохлого и в сугробе замерзшего, но еще не оттаявшего и не завонявшего оленя. Разделали его, подпорченное мясо выкинули, а съедобное – пуда два было – подсолили и развесили вялить, сушить.

Сами стали сооружать из сухостоин плот, связывали его ремнями из оленьей кожи, выстрогали весла. Жрали мясо, набирались сил, поджидали попутного хорошего ветра, несильного, чтобы и плот гнал, и волну не разводил.

И дождались все же. С темнотой оттолкнулись, натянули мешки парусами на палки, подставили ветерку спины свои, подгребли, направили – и к рассвету ткнулись в материк. И, дай бог ноги, побежали берегом на юг.

Сначала чертыхались на камнях у воды, потом, когда обходили обрывы, набрели на тропу. Она нас и в Кизи-озеро уперла и его берегом на Амур вывела. Как будто бог направлял нас, даже деду моему не верилось, что за полтора месяца так далеко от каторги убежали... Даже радостно бывало от свободы, хотя руки не переставали болеть.

У Софийска понаблюдали мы за крайними домами, приглядели к их хозяевам, выбрали почему-то одинокую бабу-молодуху да по темну и постучали к ней. Обмерла та поначалу, но успокоили мы ее, показали себя политическими беглыми. Вдовой и бездетной была, муж утонул в Амуре. Отвела нам ночлег в коровнике, в яслях. Для осторожности мы спали по очереди: один в щелку следил, не побежит ли куда с доносом. Не побежала. Да и по всему видно было, что славная бабенка попалась, приятная такая и лицом, и статью, и в обхождении.

Утром дали ей пятьдесят рублей, чтоб купила кое-какой крестьянской одежонки да харчей на дорогу. Ввечеру она истопила баньку, подстригла наши лохмы, помыла, одела в чистое. Кое-что мужнее легкое дала. Руки мои парила в каких-то травах, гусиным салом мазала... Был, однако, я, когда отмыла и одела, мужиком ничего себе, и поглядывать она на меня стала... да еще жалела. Пожалел и я ее... Уговаривала остаться, обещала паспорт выхлопотать, да не мог я: старика же не бросишь, и дом в Раздольном, жена, дети притягивают.

Ушли.

Началось лето. Передвигались тропами, а кое-где и дороги попадались. Справа Амур, а слева горы – не заблудишься. Шли осторожно, прислушивались, присматривались. Вечерами полавливали рыбу. У туземцев покупали соль, муку, другой раз отдыхать они приглашали нас, помочь в каких-нито работах. И руки вроде подживать стали, не так горели и ныли, опухоль стала опадать. Правда, темнеть начали и вроде бы неметь... Слушаться переставали.

Все шло вроде бы гладко, но к концу лета, когда дошли мы уже до Троицкого, напоролись на конных казаков. Остановили они нас, потребовали документы. Дед шепнул мне: «Беги, Ваня, мне уже не убечь». Я нырнул

в кусты – дай бог ноги... И осиротел. Без деда я не то чтобы как дите без матери сделался, но стало мне не хватать сообразительности, сноровки, спокойствия. Оказалось, что был я у него, как у Христа за пазухой. Когда теряем хороших людей, тогда и ценим...

С того дня начались мои беды. Руки слушались день ото дня хуже, хотя боли не прибавилось. Деньги пропали вместе с дедом. Подпирали холода, а одежда на мне была легкой, летней. Ночью комары заедали, днем – мошка. Голодал. В сентябре прибился к гольдам, ловил с ними кету. Запасся юколой, разжился солью, добыл кое-что из теплой одежонки. Попозже, уже к зиме, набрел случайно на охотничью избу с заготовленными на зиму всякими припасами, набрал себе побольше и подошел к сопкам, что за Хабаровском, обойдя его Ситой-речкой. Думал передохнуть немножко и – на Уссури, к Раздольному, да прижали меня там пурга и холода, захворал простудой. Соорудил в косогоре нору, устроил около костер и решил, что тут мой конец, не одолеть зиму. Но снова добрый человек поперек моих дорог встал: набрел на меня туземный охотник, я опять сказал, что политический беглый, за народ, мол, пострадал. Он и приютил меня в своей охотничьей избе на речке Одыре, что по Хехцирским горам течет.

Оклемался, оздоровел только к рождеству, хотя руки становились все хуже. У того охотника был я вроде батрака – пилил, колол дрова, таскал из тайги к избе убитого зверя, а вот пушные шкурки обрабатывать уже не мог: пальцами плохо владел, словно совсем чужими стали...

В месяц раз ходил мой хозяин в Корфовскую деревню со станцией, продавал пушнину и возвращался с нужным продуктом и спиртом. Несколько дней не просыхал и меня поил; а потом снова начинал охоту. Хороший был человек, но спивался.

А в начале марта он ушел и не вернулся. Харчи кончились, одно мясо оставалось, одежонка изорвалась. Какое-то беспокойство одолевало: может, в беду мой хозяин попал и выручать его надо... И пошел я в ту Корфовскую деревню его тропой.

Подняла она меня по Одыру в самые горы, потом повернула на восход солнца. Такая там была чащоба – не приведи господь. Кедры – втроем не обхватишь, елки – словно небо подпирают да царапают его, кругом корчи, валежник, держи-дерево. Уткнулся я глазами в тропу, и одна думка: не потерять ее. Успокоился тем, что знал от хозяина: когда идти строго на восход солнца – обязательно в железную дорогу упрешься.

К вечеру услышал паровозные гудки. Тропа круто опустилась в глухое ровное место. Иду сквозь чащу, выбиваюсь из последних сил и думаю, где

разжечь костер да переночевать. Потом гляжу: огонек мелькнул в кустах. Стал подходить к нему тихонько: человек у него сидит, трубку курит. По всему видать, на ночь остановился.

Еще далековато я был, как он отошел от огня и крикнул: «Какой люди ходи?». Понял я, что нерусский он. Отвечаю ему: «Свой я, заблудился, пусти погреться». Не ответил, ждет меня. Когда я приблизился, вышел из-за дерева. С ружьем был. Точно – нерусский, по всему видать, охотник.

Осмотрел он меня и опять спрашивает: «Твоя какой люди?». Соврал я ему: «В город иду за продуктами и мылом. Из деревни я». Не поверил он: «Зачем тайга ходи?». Еще соврал ему: «Да смолы хотел пихтовой нацарапать для лечения – и блуданул». Поверил будто, пригласил сесть на хвою. «Кушай хоти? – спросил. – Каша еди». И подал мне котелок, сухарей, ложку.

Жрал я, конечно, жадно, а он все глядит на меня со строгостью, потягивает трубку, а потом скажи: «Твоя плохой люди. Твоя долго не кушай, твоя беги, прятайся люди».

Решил, что распознал он меня, но не задрожал я: в тайге ведь были, один на один, а я немного здоровше его. Он был маловат, со мной бы не совладал, а из ружья стрелять, должно быть, убоялся бы, потому как очень не всякому хватит духу поднять руку на человека. Но убеждаю его: «Да что ты, мил-человек, куда, почему беги, из деревни я. А оголодал – точно». И продолжаю уплетать кашу, гремлю сухарями. А он приглядывается ко мне.

Конечно, не поверил он мне, говорит: «Твоя нет деревни. Твоя рубашка долго-долго не стирай, голова не мой, не стриги, дырка не шей. Кто твоя люди?» – «Вот переспим, – отвечаю, – и пойдем в город, пусть полиция разберется, кто я, если не веришь». Он согласился и успокоился: «Угу, утром ходи станция вместе». Однако налил мне в свою кружку чаю, дал сахару, еще сухарей положил...

Заметил я, что в сумке у него был хороший запас продукта: сухари, сахар, мешочки, по всему видать, с крупой и мукой.

К берданке патронов несколько пачек. Очень ладно он был собран для дальних походов. И стала меня одолевать черная думка: кокнуть его, завладеть имуществом и двинуть скорей на юг. Хорошо было бы и одеться охотником, да не полезет его одежда на меня. Тем более что крепко он меня заподозрил, и если не сведет под конвоем на станцию, то доложит начальству обязательно.

А тут еще, гляжу, уставился он на мои руки, потом осторожно взял одну, повертел и говорит: «Твоя руки скоро помирай есть. Совсем сохни... Твоя руки кандалы носи... Тюрьма беги».

Я уж отбрехиваться перестал: видит этот нехристь насквозь. Потягиваю чай вприкуску и все обдумываю свое положение. А он еще спрашивает: «Твоя зачем тюрьма сиди – укради чего или убивай люди?». И ему я тоже соврал, вроде признался, сказал, что политический я беглый, за народ страдаю, против царя иду. И другое всякое наплел. Но глядит он, косоглазый, в самые мои зрачки и приговаривает: «Твоя ври. Твоя деревня живи, земля сади, коня, корова держи. Потом кого чего кради, убивай». Достал какую-то маленькую карточку, протянул мне: «Какой чего пиши?». А я ить грамоте совсем не обучен...

Убрался он, когда поел я. Постелил около огня мне лежку, прикрыл ее какой-то парусиной и говорит мне: «Спи».

Засыпал я, просыпался, а он все сидит, курит, в огонь смотрит, дрова подкладывает. Потом он задремал сидя, набросив на спину одеяло, но, стоило мне по малой нужде тихонько приподняться, как он открыл глаза: «Твоя чего вставай?».

Утром он разбудил меня: «Кушай надо». А уже чай дымится, какая-то похлебка пахнет, сахар, сухари разложены на тряпке.

За едой стал я его допрашивать: «А ты кто такой?» – «Охотник моя, Дерсу Узала». – «А что ты здесь теперь делаешь?» – «Моя зима Хабаровска живи, дом капитана Арсенев. Теперь тайга сопка ходи, мала-мала охота». – «Так твой дом в Хабаровске?» – «Нет, Хабаровска моя гости капитана. Моя дом тайга, сопка».

Чудно как-то стало мне. Значит, думаю, можно жить и без дома. Но спрашиваю дальше: «Как же без дома сейчас, когда холод?» – «Огонь клади – холода нету. Дрова много есть, деньги не надо. Дрова деньги город бери, ха-ха! Дурной люди! Дрова – деньги, вода – деньги, дом живи – тоже деньги. Город деньги нету – живи не могу. Моя тайга живи без деньги», – сказал и даже в грудь от гордости ударил.

Подумал я, подумал, но не все понял. «Но что-то и купить надо все ж таки», – говорю ему. Согласился он: «Мало-мало надо. Соль, мука купи, сахар купи, патроны, табак купи. Моя сапсем мало купи. Тайга все давай. Мяса-рыба кушай, суши грибы, трава суши, сумка носи. Кожа зверя все равно сукно, обувай-одевай есть, носи. Деньги надо мала-мала».

Не верилось мне в такую жизнь. Про себя думаю: «Бобыль он, что ли?». И спросил об этом. Помолчал сколько-то, попыхтел трубкой и говорит: «Моя жинка дети нету». И замолчал, замкнулся.

Поели. Он собрал и протер снегом посуду, сложил и увязал котомку. По всему видать, уходить собрался. А мне обсказывает: «Твоя меня вместе станция ходи».

Как обухом ударили меня эти слова, ум помутился и озлился... Нагнулся он над костром, головешки в снег разбрасывает, и я ударил его поленом по голове, крепко ударил. Да и не я ударил-то, а какая-то чужая сила, до сих пор не пойму, как получилось...

Тут он и сел, потом лег, на меня смотрит. Глядим мы друг на друга в неподвижности. Мураши по коже, ничего не соображаю, только трясусь. Увидел, легла хвоинка ему прямо на глаз и прилипла, а он не моргнул. Тогда я понял, что убил человека.

А дальше – пустое. Взял его котомку, ружье. К этой избе пробирался полгода. Руки становились все хуже и хуже, изорвался, изголодался. А главное – после того, как убил охотника, потерял всякий интерес к жизни, и к дому тянуло все слабже и слабже. Безразличным стал. Умирают не только руки мои, а и весь гибну. Слабею с каждым днем, а сил не остается. Лихорадит, знобит, трясучка одолевает. Снится тот инородец, и каждый раз говорит он мне с укоризной: «Твоя плохой люди, твоя убивай моя». И все зовет к себе, простить хочет, а это к смерти...

Здесь я месяц. В снегу застрял. Продукт кончился, уже от голода подыхал, да приблудила к избе собака, я ее и стрелил. Доедаю. Как все кончится – застрелюсь, это точно. А от тебя да и от других нет мне спасения... И в семье, в деревне, о моих делах ничего не должны знать, пусть они помнят меня таким, каким был... Ни жинка, ни дети не должны увидеть, кем стал я, в кого превратился...

Я не сомневался, что он убил человека, но не хотел верить, что то был именно мой друг Дерсу Узала, потому как у туземцев часто одно имя носят несколько человек. Мне было страшно подумать, что погиб мой Дерсу. Подошел к поставленному Козловым в угол ружью, взял в руки, поднес к огню: старая берданка, на темном прикладе отколотый уголок заменен приклеенной березовой планкой, прихваченной деревянными гвоздями, а на ложе все те же зарубки...

Клацнув затвором, вынул из ствола патрон и сказал: «Ты убил знаменитого охотника... Я хорошо знал его, мы были друзьями...».

Козлов долго смотрел на меня, потом, вроде спокойно, взял берданку и хлопнул дверью. Не приходил долго, я забеспокоился, тоже вышел. Тихо было, холодно. Крикнул – ответа не дождался. А через минуту на сопке разорвался глухой выстрел. Я знал, что такой звук дает старая берданка...».

Небольшое послесловие

Надо заметить, что позже, появившись уже в Интернете, рассказ был озаглавлен несколько иначе: ВЕРСИЯ: ТАЙНА СМЕРТИ ДЕРСУ. Начало его стало чуть иным:

«Книгу Арсеньева о Дерсу Узала я прочитал еще в отрочестве. Потом много раз ее перечитывал. Удивлялся, восхищался. Но больше всего недоумевал: кто и зачем убил простого, доброго и мудрого гольда-проводника, никому не делавшего зла, готового бескорыстно помочь любому встретившемуся ему на трудных и опасных таежных тропах? Честного, чистого, неторопливого и спокойного, слившегося с природой всем своим естеством, прекрасно знавшего, понимавшего и одухотворявшего ее.

Сколько раз, глядя на зверя или птицу, дерево или гриб, я непритворно говорил себе словами Дерсу: «Его все равно люди, только рубашка другой...» А в сознании тут же вспыхивало: «Кто и зачем его убил?..» И все же мне довелось, кажется, чуть приподнять завесу над тайной смерти Дерсу Узала. Может, это одна из версий...»

И финал, соответственно, тоже изменился...

«Дед Саенко был уверен, что каторжник убил действительно Дерсу Узала. Вроде бы все говорит об этом: имя, внешность, время и место трагедии. А старая берданка с дефектом ложи и зарубками – словно паспорт... Почти согласен с рассказчиком и я, потому что убедился еще и в том, что в первом десятилетии нашего века у станции Корфовской – между железной дорогой и крутой сопкой – у костра был убит лишь Дерсу.

Но все же нет полной уверенности в том, что от руки беглого многострадальца погиб именно арсеньевский Дерсу. В самом деле: документов, удостоверяющих личность, не найдено, труп не опознан. А двойные тезки среди коренного таежного люда не столь редки. Не исключено и то, что берданка еще до описанной трагедии оказалась в других руках.

И потому-то историю гибели Дерсу Узала я предварил словом «версия».

Вот теперь всё сказано – словами самого автора.

Иван ЕГОРЧЕВ

Григорий ЛЕВКИН

ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ О ДЕРСУ УЗАЛА

Вместо предисловия

Многие сведения и аргументы из очерка хабаровского исследователя Григория Григорьевича Левкина повторяют то, что уже было сказано в основном тексте, но представляется принципиально важным привести этот очерк целиком, без исправлений и изъятий. Автор книги только позволил себе дать комментарии к тем фактам, которые, на его взгляд, выглядят спорными или сомнительными (они помещены в квадратные скобки).

Примерно то же самое Г.Г. Левкин писал ещё в 1989 году («Дальневосточные путешествия и приключения», вып. 12, Хабаровск), но здесь воспроизводится более свежая публикация – из книги «Дом без крыши. Записки о таёжных странствиях», Хабаровск, 2004 г.

Иван ЕГОРЧЕВ

Наш автобус без особой натуги преодолевал подъёмы, легко катился на спусках, и в его окна заглядывала придорожная зелень таёжного Хехцира (Хукчир-Хуриня), и горы, встающие в знойном мареве летнего дня, казались мне такими древними, вечными. Пожалуй, эта их древность заставляла думать о давнем, первобытном, и может быть, под её воздействием в поселке Корфовском моя соседка произнесла:

– А вы знаете, где-то здесь покоится прах знаменитого проводника и друга Владимира Клавдиевича Арсеньева – Дерсу Узала. Арсеньев написал, что его убили неизвестные люди из-за жалких пожитков и ружья. Здесь и похоронили. А могила с тех пор затерялась...

– Знаю. Убили его здесь, да вот только праха никакого не было, и быть не могло...

– Как?

– Дерсу Узала был убит трижды! Первый раз ... самим Арсеньевым, во второй – удэгейским шаманом Миону Кимонко и в третий – Сергеем Кучеренко, нашим дальневосточным писателем.

После этих слов собеседница оторопело посмотрела на меня, и в её взгляде читалось: в своём ли я уме?

Пришлось рассказать, что знал о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве.

Так уж сложилась судьба, что огни моих костров горели на берегах озёр Ханка и Благодати, рек Суйфун (Раздольная), Сучан (Партизанская), Дау-

бихе (Арсеньевка), Фудзин (Павловка), Вангоу (Лазовка), Судзухе (Киевка), Сица (Тигровая), Кенцухе (Высокогорская), Нанца (Обильная), Йодзыхе (Джигитовка), Санхобе (Серебрянка), Билимбе (Таёжная), Та-Кема (Великая Кема) и Сяо-Кема (Малая Кема), Такунжа (Западная Кема), Нанца (Обильная) [второе упоминание в списке – И.Е.], Арму, Кулумбе, Шома (Лиственная), Амгу, Кхуцин (Максимовка), Бикин, Анюй, Хор, Бира, Тормасу, Сооли, Тунгуска, Кур, Немпту (Немту) – умышленно применяю некоторые уже давно вышедшие из употребления и забытые названия, чтобы была более ясной картина повторения маршрутов В.К. Арсеньева. Остался пепел моих костров также на берегах многих других рек на Камчатке, Курилах, Сахалине, Чукотке, и подчас горели они на местах давних биваков Владимира Клавдиевича.

Экспедиции по Дальнему Востоку, естественно, пробудили любовь к этому удивительному краю, его горам, тайге, зелёным мхам марей, хрустальной чистоте таёжных речек, алмазным граням вечных снегов и ледников на вершинах вулканов, пенным валам морского наката... Появился интерес к истории освоения самых дальних пределов России. Захотелось побольше узнать о жизни и деятельности первооткрывателей, первопроходцев. Особенно привлекала личность самобытного учёного, писателя и путешественника В.К. Арсеньева, его литературное творчество и всё то, что написано о нём.

Постепенно чётко вырисовывалось, что в природе никогда не существовал человек по имени Дерсу Узала, что это художественный, типизированный образ, воплотивший в себе лучшие черты аборигенов южной части российского Дальнего Востока. Это образ проводника – идеала, который виделся путешественнику.

За период экспедиций у Арсеньева было около двадцати туземных проводников, и, наверное, от каждого им были взяты и обобщены качества, присущие людям лесов и рек, живущих одной жизнью с природой.

Из дневников путешественника известно, что основным прообразом главного героя его книг был гольд-охотник Дерчу Оджал. Однако почти все, кто в разное время писал об Арсеньеве, полностью отожествляют литературного героя с реальным лицом. Между тем «книжный» Дерсу иногда совершает такие действия, которые живой Дерчу совершить не мог.

Вот конкретный пример. Бывший помощник В.К. Арсеньева по экспедиции 1906 года А.И. Мерзляков в 1947 году, спустя сорок лет, написал воспоминания об этом путешествии. В них он говорит несколько слов о

Дерсу Узала как бы о живом человеке, но внимательное прочтение воспоминаний показывает, что это лишь переложение сведений, взятых из книги В.К. Арсеньева. Однако весьма характерно, что он совершенно не упоминает о столь значительном событии, как передача ему схемы, на которой было помечено местонахождение плантации, якобы подаренной проводником Арсеньеву. Нет сомнения, что Дерчу Оджал не мог подарить Владимиру Клавдиевичу плантацию, так как вместе они никогда не бывали в верховьях реки Лефу. Что же касается красочного описания этой схемы, приведенного Г.Г. Пермяковым, являющимся одним из первых биографов Арсеньева и весьма уважаемым моим другом, в очерке «Где-то в глухой тайге...», то оно вызовет недоверие у любого топографа. Судите сами: «На схеме были нанесены коричневые горы и зелёные деревья. Среди них голубели верховья реки Лефу. Карту прорезали красные стрелки – указания, где достичь потайной рощицы. Место, где рос женьшень, Владимир Клавдиевич отметил красным квадратом».

Верховьев у реки Лефу (современная река Илистая) четыре: Правая Лефу, Левая Лефу, Лефу (Большая Лефу), Малая Лефу. Так что из схемы, где показано одно верховье, понять невозможно, где же конкретно находилась плантация. Рассуждение о «потайной рощице» – свидетельство, что написано это человеком, никогда не бывавшим в такой таёжной глуши, какой являют собой верховья реки Илистой. Там на многие километры сплошные массивы леса даже без маленьких полянок, не говоря уж о «рощицах». «Красные стрелки» и «красный квадрат» ничем не могли бы помочь Владимиру Клавдиевичу, а тем более Мерзлякову, пришлось бы искать «подаренную» плантацию, как минимум, на площади в сто квадратных километров. А это всё равно, что не иметь никакой схемы, ибо мимо женьшеня можно пройти в трёх-пяти метрах, не заметив его.

Таким образом, сведения о «подарке» Дерсу скорее подтверждают вымышленность книжных событий, чем их реальность.

Поскольку сведения о «зелёной книжке» и схеме местоположения плантации были получены Георгием Георгиевичем Пермяковым от брата путешественника Александра Клавдиевича Арсеньева, то хотелось бы предостеречь многих от безоглядного доверия ко всякого рода семейным преданиям. Критически надо относиться и к воспоминаниям других лиц, написанным спустя много лет после реальных событий. Так, у А.И. Тарасовой, написавшей книгу «Владимир Клавдиевич Арсеньев» на документальном архивном материале, справедливо вызывают удивление сведения, что участник экспедиции 1907 года П.П. Бордаков вспомнил о первом

своём знакомстве с Дерсу Узала в 1908 году в квартире Арсеньева, то есть перед самой смертью проводника.

Ошибка Георгия Георгиевича Пермякова мне вполне понятна. Будучи сам честным человеком, он ни на йоту не сомневался в правдивости слов Александра Арсеньева, который мог и не знать деталей, а лишь владел общей информацией.

Чтобы судить о степени достоверности тех или иных событий, надо обращаться не к художественным произведениям В.К. Арсеньева, а к его дневникам. Из дневников же путешественника нам известно, что Дерчу Оджала он впервые встретил на реке Тадушу (ныне Зеркальная) 3 августа 1906 года. Из этого и надо исходить, а не из описания в книге «По Уссурийскому краю». Там В.К. Арсеньев пишет, что встретил Дерсу Узала (а не Дерчу Оджала) у истоков реки Лефу в 1902 году. При этом не уточняет, какая Лефу имеется в виду: Правая, Левая, Большая или Малая. При внимательном изучении маршрутов экспедиций Арсеньева оказывается, что он сам лично в верховьях Лефу не бывал, он исследовал её, начиная со средней части.

Однако ни неясность указаний точки встречи, ни – самое главное – противоречие между дневником и книгой не смутили владивостокских краеведов, которые в связи со 100-летием со дня рождения В.К. Арсеньева организовали экспедицию по маршруту путешественника и установили памятную доску якобы «на том самом месте», где в октябре 1902 года в верховьях реки Лефу Арсеньев «впервые встретился со своим будущим другом и помощником Дерсу Узала».

Но это ещё что! Н.Е. Кабанов в статье «Путешественник, учёный, писатель» пишет: «Наконец, в связи со 100-летием со дня рождения В.К. Арсеньева, в г. Арсеньеве Приморского края на горе Увальной – месте первой встречи Арсеньева с Дерсу Узала – 9 сентября 1972 года состоялось торжественное открытие памятника В.К. Арсеньеву вместе с глыбой-барельефом Дерсу Узала, сооружённого скульптором Г.И. Потаповым и архитекторами И.И. Лелякиной и С.Ф. Поповым».

Гора Увальная, однако, находится в среднем течении реки Даубихе (ныне река Арсеньевка)!

По существу, там открыт мемориальный ансамбль. Дерсу (рельефное изображение лица человека с восточно-азиатскими чертами) запечатлён на скальном обломке. Разумеется, это не портрет Дерсу Узала, как пишут некоторые авторы, а обобщённый образ. Барельеф сливается со скалой, словно растворяется в ней, точнее – выходит из глубины Природы.

Итак, в разных источниках названы три разных места первой встречи Арсеньева и Дерсу Узала. Два из них полностью игнорируют третий (вернее, первый по времени и строго документальный – дневниковое свидетельство самого путешественника); странно, что некоторые биографы, годами «занимаясь Арсеньевым», строят свои умозрительные схемы, отталкиваясь от его книг, а не от протокольных записей. Как Н.Е. Кабанов может настаивать на полном отсутствии в книгах В.К. Арсеньева элементов писательского вымысла и не обращать внимания на хронологическую неувязку между первой встречей Дерчу Оджала и Владимира Клавдиевича в 1906 году и их якобы совместным путешествием на озеро Ханка в 1902 году?

Эту хронологическую неувязку довольно своеобразно объясняют в своей публикации дневников В.К. Арсеньева 1906 года Л.И. Сем и Ю.А. Сем; дело в том, что дневник 1906 года переписан с черновика (тетрадь № 3) и в него включены дополнительно два эпизода: трёхнедельная голодовка на реке Хуту (симптоматично, что на языке удэгейцев это слово означает голод!) летом 1909 года и описание пурги на озере Ханка в 1902 году. Л.И. Сем и Ю.А. Сем объясняют вставку в дневник «воспоминаниями» и записью их в тетрадь. Но они не обращают внимания на то, что В.К. Арсеньев описание голодовки даже переносит на зимний период и связывает его с другой экспедицией. То есть, здесь налицо творческий процесс подготовки материалов к изданию книги и свидетельство художественности, а не документальной точности в книгах Арсеньева. Для хорошо подготовленного путешественника и охотника и его спутников голодовка в летний период в дальневосточной тайге противоестественна!

Топографы и геологи-поисковики в ходе полевых работ ведут журналы полевых работ и дневники, в которых отмечают всё, что связано с особенностями выполнения задания, вплоть до указания погоды в конкретный день, а также наиболее интересные события. В.К. Арсеньев занимался составлением военно-географических описаний местности и оценкой местности в колонизационном отношении, и, разумеется, встречу с проводником в 1902 году отметил бы в своих записках, но до 1906 года о проводнике нет ни слова [дневников Арсеньева периода до 1906 года не сохранилось – И.Е.]. Следовательно, дату встречи с Дерчу Оджалом 3 августа 1906 года правомерно считать истинной, а описание пурги на озере Ханка – литературным эпизодом, подчеркивающим сложность работы в полевых условиях.

А.А. Хисамутдинов, бывший в своё время учёным секретарём в филиале Географического общества во Владивостоке, сделал мне замечание,

что в дневнике Арсеньев сразу же, при первой встрече, назвал проводника именем Дерсу Узала. Но он не обратил внимание на то, что дневник переписывался, и при первом издании книги Арсеньева во Владивостоке в 1924 году на первой же странице сделано примечание, что настоящее имя проводника Дерчу Оджал [первое издание книги «По Уссурийскому краю» относится к 1921 году, а в примечании имя записано как Дэрчу Очжал – И.Е.].

Вот ещё одно свидетельство в пользу художественного вымысла: Дерсу при возвращении с озера Ханка якобы впервые увидел железную дорогу, о которой слышал ранее. Но ведь при движении вдоль Лефу к озеру путешественники прошли (проплыли) под железнодорожным мостом, и Дерчу Оджал уже тогда мог увидеть стальную магистраль.

Арсеньев для полноты художественного образа и с целью придания книге более стройной композиции начинает повествование с 1902 года, ибо в данном случае перед ним не стояла цель точного копирования действий и поступков реального человека. Это был творческий процесс воссоздания таёжного быта аборигенов, их культуры, их миросозерцания, их прекрасных душевных качеств. Писателю было удобнее отнести события к 1902 году, что он и сделал. И скорее всего, у него тогда не было нужды сверяться со своими дневниковыми записями, поскольку точность датировки значения не имела.

Уже на основании портрета проводника в книге, каким он вышел из-под пера Арсеньева, можно усомниться, что Дерсу был гольдом. Вот описание: «...Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были глаза. Темно-серые, а не карие, они смотрели спокойно и немного наивно».

В дореволюционный период гольдами называли нанайцев, относящихся к монголоидам. Тому, кто хорошо знает нанайцев, после прочтения вышеприведенных строк вряд ли пришло бы в голову, что это портрет нанайца.

А вот как описан проводник в дневнике при первой встрече 3 августа 1906 года: «Небольшие каштанового цвета редкие усы, редкая в несколько волосков борода, выдающиеся скулы у глаз изобличали в нём гольда... Глаза его, маленькие, с поволокой у крайних углов, казались зоркими и дышали умом, сметливостью и гордостью. Мы спросили, кто он. И он с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд».

Чувство превосходства гольда над китайцами было вполне понятным, так как в конце девятнадцатого века маньчжуры включили гольдов в зна-

мённое сословие, то есть приравняли в правах с маньчжурами, чего не имели китайцы, большая часть которых на протяжении трёх веков рассматривалась маньчжурами в качестве рабов и низшего сословия Дайцинской империи.

В книгах Арсеньева Дерсу Узала показан одиноким скитальцем, не имеющим ни родных, ни близких. Из дневников же Арсеньева мы узнаем, что у Дерчу Оджала был брат с русским именем – Степан. Существует даже их совместная фотография, сделанная Арсеньевым 15 сентября 1906 года.

Нанайский род Очжал (Оджал, Одзял) жил у озера Болонь (во времена не столь давние оно называлось Очжал, Болони-Очжал). Этимологию топонима и названия рода, пожалуй, следует искать в эвенкийском языке. Название озера Болони-Очжал переводится с эвенкийского языка как Место Осенней стоянки рода Очжал.

Правда, Сергею Кучеренко, автору очерка «Тайна смерти Дерсу», во время одного из его походов по реке Бикин нанаец Фёдор Уза с гордостью заявлял, что Дерсу из их рода, и правильная его фамилия Уза (по-удэгейски «Кабарга»), а не Узала.

А один из проводников В.К. Арсеньева, Миону Кимонко – последний шаман удэгейцев – рассказывал геологу Владимиру Соловьеву, будто Дерсу Узала был удэге, и родители его удэге, и жили они на Сихотэ-Алине у моря!

Многие нередко отожествляют гольдов со всеми нанайцами без исключения. Сами же нанайцы (нани, нанай) применяют несколько названий своей народности: гольды (гольди) – люди, живущие вверх по реке; хедзеэн – живущие вниз по реке; основное же самоназвание – нанай – означает местный человек (на – «место, земля», най – «человек»). Л.Я. Штернберг считал, что нанайцы «по составу и истории своих родов представляют конгломерат самого разного происхождения», и многие роды берут своё начало от тунгусов, являются потомками эвенкийских родов.

В генетическом отношении нанайский народ представляет собой сложную этническую общность. Её ядром служили несколько родоплеменных групп, вокруг которых консолидировались эвенки, удэгейцы, орочи, ульчи, маньчжуры, солоны, а также, возможно, и палеоазиаты, и айны. Многие нанайские роды имеют эвенкийское происхождение: Киле (Килен, Килэн), Самар (Самагир), Дигор, Хайтани, Гайер, Донкан, Экиминкэн, Удынкан (последние три рода называли себя – Киле), а род Пассар включил в свой состав солонов и маньчжуров. Включение маньчжуров произошло после вытеснения русских с Амура в 1689 году, так как только в

1635 году Абахай (сын и преемник первого маньчжурского хана Нурхаци) издал специальный указ, в котором предписывалось объединение племен маньцзу, хада, ула, ехэ и хойфа называть маньчжурами.

Род Очжал, вероятно, также относился к эвенкийским. Всё дело в том, что в русском языке отсутствует свойственный эвенкийскому особый звонкий согласный звук «д», который воспринимался русскими первопроходцами неодинаково и отражался при написании различными сочетаниями русских букв: дж, джь, дз, дзь, а в сочетании с гласными – е, ё, и, э, ю, я – буквосочетаниями: дже, джо, джа, дё, дю, дя... Вероятно, более правильно следовало говорить – Одял.

Если рассматривать способы камлания Дерсу Узала, которые видел и описал Арсеньев, то и здесь просматриваются элементы, свойственные эвенкийским ритуалам. Общаясь посредством камлания с душами умерших родственников, Дерсу называл их эвенкийским словом «ханя», «ханяла».

Итак, в облике Дерсу для внимательного читателя проступает всё больше эвенкийских черт. А как быть с версией Миону Кимонко (не будем забывать, что он тоже был проводником Арсеньева)? Кстати, он поведал геологу В. Соловьеву несколько иную версию гибели Дерсу Узала.

По словам бывшего шамана, Дерсу согласился быть проводником каких-то торговцев, нанявших его для путешествия по Уссури и Сихотэ-Алиню, но он, поняв, что это были контрабандисты, перевозившие опиум через границу, ушёл ночью с бивака. Контрабандисты, боявшиеся разоблачения, выследили и убили проводника.

Но так ли это? Правду ли сказал бывший шаман, утверждая, что Дерсу Узала был удэгеец и погиб он от рук контрабандистов? Пожалуй, нет!

С точки зрения лингвистики, имя Дерчу Оджал не удэгейское, а источник информации о гибели Дерсу шаман сообщить отказался. Но и полностью отбрасывать эту версию гибели друга В.К. Арсеньева не следует, ибо известную нам сцену прощания с останками Дерсу Узала Арсеньев переписывал для придания ей более глубокого философского смысла, то есть, у нас нет основания считать её стопроцентно достоверной.

О том, что писатель-путешественник допускал в своих произведениях немало «вольностей», говорит и употребление им таких чисто литературных приёмов, как символические названия, имена и т. п. – вспомним хотя бы голодовку на реке с названием Голод (Хуту).

Давайте посмотрим, не содержится ли что-нибудь символическое в переиначенном имени проводника – Дерсу Узала.

В 1968 году издательство «Просвещение» выпустило небольшую книжку «В.К. Арсеньев», написанную В.И. Маловым, в которой есть такая фраза: «Перед Арсеньевым был настоящий следопыт, словно сошедший со страниц так любимых им в детстве романов Фенимора Купера». Биограф не подозревает, сколь близко он оказался к разгадке тайны имени Дерсу Узала! Об этом же говорил и А.М. Горький в письме из Италии Арсеньеву, когда прочитал его книгу «Дерсу Узала»: «Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, – это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественная».

Да, Владимир Клавдиевич не случайно Дерчу Оджала сделал Дерсу Узала. И отнюдь не самой главной его целью было выйти за рамки фактов, связанных с конкретным лицом, как сделал он в случае с проводником-китайцем Чан Гинчином, назвав его Чжан Бао (Начальник Дружины Охотников), погибшим – по слухам – от рук хунхузов в 1913 году в Хуми-Санза.

Цело в том, что в эвенкийском, эвенском, орочском, удэгейском языках слово «уза», а в нанайском и негидальском – «оза», означает «выслеживать, идти по следу». Суффикс же «ли» (русифицированный в «ла») в эвенкийском языке означает длительность действия, протяжённость.

Таким образом, Владимир Клавдиевич дал своему герою имя Следопыт, или же более точно – Идущий Всё Время По Следу.

Благодаря талантливому перу Арсеньева собирательный образ представителя туземных людей, таёжного скитальца и странника, знающего тайны тайги и любящего её, вошёл в нашу литературу мягкой поступью охотника, идущего по следу зверя, стал жить своей особой жизнью в умах и сердцах людей. Художественный образ обрёл плоть и кровь.

Как писатель, В.К. Арсеньев имел право назвать своего героя гольдом, это было обусловлено всем замыслом повествования, социальной значимостью и взаимосвязью характеров, нравственно-психологических и этнических ценностей, которыми обладали автор и его герой. Точно так же Арсеньев имел право оборвать тропу своего главного героя там, где это диктовалось композиционным построением произведения.

Но так ли уж дик был «дикий гольд»?

Дерсу объяснялся и понимал по-китайски, по-корейски, по-нанайски, по-удэгейски, по-русски, по-орочёнски – не правда ли, полиглот? [Объясняться можно, владея двумя-тремя десятками слов; вряд ли это может считаться знанием языка – И.Е.]. Кроме того, понимал он и язык солонов – монголизированных эвенков. Лингвист может заметить, что часть

названных языков родственна, относится к тунгусо-маньчжурской группе, но родство само по себе не обеспечивает понимания – много ли славян способны общаться без переводчиков?

Уже этот один пример говорит о том, что литературный Дерсу – человек более сложной натуры, чем бесхитростное «дитя природы». Кое в чём он порядочно отдалился от своих соплеменников. Так, однажды, отыскав подмороженную бруснику, Дерсу спросил у Арсеньева, что это за ягода и можно ли её есть. Не правда ли, весьма странный вопрос для таёжника?

И правы были писатели, и в частности Пришвин, отмечавшие, что в самом Арсеньеве было больше Дерсу, чем в диком гольде...

Я всегда с удовольствием читаю всё написанное Сергеем Кучеренко о нашей дальневосточной тайге, он её хорошо знает и собственное восприятие окружающей природы в художественно-познавательной форме умело передаёт читателю. Естественно, я сразу же прочитал его очерк «Тайна смерти Дерсу», напечатанный в журнале «Дальний Восток».

Вскоре «Тайна смерти Дерсу» была опубликована в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Мои друзья-охотники начали говорить, что наконец-то стала известна тайна смерти следопыта, и на мои замечания, что это лишь художественное произведение, а не правда факта, отмахивались: «В журнале лучше знают, чем ты».

При написании очерка С.П. Кучеренко допустил две ошибки: во-первых, доверился тетрадным записям друга своей юности, а во-вторых, не проверил дневники Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Вкратце содержание «Тайны...» таково. Павел Кращенко передал Кучеренко две тетради, в которых записан рассказ современника Арсеньева, охотника-промысловика Луки Саенко, хорошо знавшего Дерсу Узала, и которому, как на духу, перед своей кончиной исповедовался беглый каторжник, убивший Дерсу. Кращенко говорил при этом: «Обстоятельства гибели Дерсу Узала дед Саенко поведал мне в сорок шестом году. Каждому его слову надо верить, потому что выдумывать, а тем паче врать, он был не способен – я-то это хорошо знаю. Его рассказ я и теперь помню, но лучше я дам тебе тетради, в которых я записал тогда его...».

Рассматривая содержание тетрадей, будем всё время иметь в виду: Арсеньев встретил Дерчу Оджала 3 августа 1906 года, а смерть гольда датируется началом 1908 года, – как определяет это писатель в своей книге «Дерсу Узала», – то есть, знакомы они были всего-то один год и восемь месяцев.

Итак, встретился Лука Саенко с гольдом, и тот представился: «Моя Дерсу Узала. Деревня ходи, чего-чего покупай надо». За несколько минут до смерти следопыт якобы также говорил каторжнику: «Охотник моя, Дерсу Узала».

Не мог Дерчу Оджал называть себя именем, которое даст своему герою писатель спустя два года после его смерти, в 1910 году, начав писать книгу «По Уссурийскому краю». (В публикации дневников Арсеньева Лидией Сем и Юрием Сем сказано, что с первого момента встречи 3 августа 1906 года Арсеньева с гольдом он назвался Дерсу Узала). В крайнем случае, Дерчу мог сказать: «Моя Дерсук», так называли его казаки и стрелки путешественника, полагая, что для встреченного им русского будет более понятно, если он назовет себя так, как именовали его другие русские. Саенко же с первого мгновения знакомства употребляет имя литературного образа!

Встреча эта произошла зимой, и Дерсу будто бы показал Луке нож: «Посмотри. Капитана дари насовсем. Моя его похода проводник работай. Арсеньев Владивостока. Тайга Уссури ходи вместе». Следовательно, это могло быть только в зиму 1907 года, ведь Дерчу встретился с Арсеньевым в августе 1906 года. И сделаем маленькую заметку на память!

А пока обратим внимание, что Дерсу называет Арсеньева жителем Владивостока. С декабря 1905 года Арсеньев жил в Хабаровске и служил в штабе Приамурского военного округа. Именно с этого периода открывается наиболее яркая страница жизни бывшего начальника владивостокской крепостной конно-охотничьей команды, а в период Российско-японской войны – командира военной разведки владивостокской крепости.

В мае 1906 года Арсеньев вместе с начальником штаба округа генерал-лейтенантом П.К. Рутковским (интересно, что начальником экспедиции был Владимир Клавдиевич, и Рутковский на некоторое время как бы стал его подчинённым) отправился в экспедицию, в которой встретил Дерчу Оджала и которая продлится сто девяносто дней [на самом деле – 180 дней – И.Е.], до самой зимы. (Сделаем ещё маленькую зарубку на память, она нам пригодится несколько позднее: до зимы!). И возвратилась экспедиция в Хабаровск.

Рассуждения Дерсу об Арсеньеве, как жителе Владивостока, мог сочинить лишь человек, знакомый с описанием путешествия на Ханку, то есть путешествия 1902 года, в котором реальный Дерчу Оджал не участвовал. Реальный Дерчу непременно сказал бы, что Арсеньев житель Хабаровска, ведь туда уехал его друг после экспедиции.

Согласно развивающимся в очерке событиям, во второй раз Саенко встретил Дерсу вновь зимой, то есть это могла быть зима только 1908 года. Но путешествие 1907 года, в котором принимал участие реальный Дерчу Оджал, закончилось 7 января 1908 года, а через короткий промежуток времени, по книге Арсеньева, он был убит в районе Корфовской, на Хехцире, вблизи от Хабаровска, следовательно, никак не мог оказаться на хребте Синем в Приморье, где промышлял Лука.

Не мог Саенко «с ним и за женьшенем три недельки побегать» по одной простой причине: женьшень ищут в августе-сентябре, а Дерчу Оджал в 1906 и 1907 годах как раз в сезон корнёвки был в экспедициях Арсеньева. Не мог он, стало быть, и отлёживаться на сеновале у Саенко после схватки с медведем, залечивая раны, а также играть с детьми русского охотника и делать им игрушки в период, когда, согласно фактам, он уже познакомился с Арсеньевым. Равным образом не мог Саенко видеть у беглого каторжника берданки Дерсу: в момент убийства у охотника была винтовка, подаренная Арсеньевым.

Описание же встречи Саенко с убийцей Дерсу в бараке вообще крайне сомнительно: во времена экспедиций Арсеньева в Приморье не строили охотничьих бараков, тогда в ходу были фанзы, балаганы, полуземлянки, зимовья. Бараки в тайге появились в наше время, с введением бригадной формы охоты. Не могло быть в охотничьей избушке и железной печи, в то время очаг устраивался открытым, на камнях, с боков обмазанных глиной, ею же обмазывали ближайшие стены, чтобы не устроить ненароком пожара, а дым выходил через отверстие, прорубленное в потолке, одновременно бывшем и крышей. О металлической печи вообще не могло быть речи: слишком дорогое удовольствие для охотника по тем временам – вспомним, как берёг каждую железную вещь и даже стеклянную бутылку Дерсу Узала.

Итак, хронология событий, описанных в очерке Кучеренко, охватывает как минимум пять-шесть лет, в течение которых Лука Саенко узнал, что Дерсу уже побывал у Арсеньева проводником, – вспомним нож, якобы показываемый Луке, подарок Арсеньева, – а время знакомства Арсеньева и Дерчу Оджала составило в действительности лишь чуть больше полутора лет. И вторая зимняя встреча Саенко с Дерсу начисто исключается, ибо в это время гольд был уже мёртв.

Приведённых доказательств достаточно, чтобы не верить словам деда Саенко и записям Павла Кращенко, который, передавая тетради писателю, сказал: «На! Дарю их тебе безвозмездно. Читай и пиши. Для всех. Освети

тайну в три четверти века. Только упомяни, что к раскрытию тайны этой причастен я, Кращенко Павел Мефодьевич».

Но, к сожалению, раскрытия тайны смерти Дерчу Оджала не произошло! Скорее наоборот, введены в заблуждение многие читатели.

Биограф Арсеньева А.И. Тарасова в письме ко мне так высказалась о смерти Дерсу Узала: «Версию В.К. Арсеньева (в конце книги «Дерсу Узала») проверить нечем – нет источников. Скорее всего, в основе она достоверна».

В принципе, однако, проверить можно, если сохранился дореволюционный архив, ведь полицейские чины обязаны были составить протокол по факту убийства. Но вот сохранились ли документы?

Работая с материалами государственного архива Хабаровского края, в списке партизан-нанайцев, участвовавших в борьбе за установление советской власти на Нижнем Амуре, я встретил фамилию Одзял, партизана из стойбища Джаури (Джаори, ныне официальное наименование – село Джари, что вблизи центра Нанайского района Троицкого). И дохнуло чем-то близким, почти родным.

В книге «Широкая дорога нани», выпущенной в свет Хабаровским книжным издательством в 1984 году в связи с 50-летием Нанайского района, есть несколько тёплых слов об охотнике Троицкого коопзверопромхоза за Николае Головиче Одзяле, там же помещена его фотография. Это один из лучших охотников коопзверопромхоза.

Разумеется, нельзя утверждать, что Николай Одзял является прямым потомком Дерчу Оджала, но нет сомнения, что не прервался его род, как это можно понять из книги В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», где знаменитый проводник показан, так сказать, «последним из могикан».

В зиму семьдесят пятого года я охотился вблизи горы Купол на горах Пржевальского (прежнее название хребта Да-дянь-шань, что означает Большие Остроконечные Горы), в непосредственной близости от мест, где, по книжному описанию, произошла встреча Дерсу и Арсеньева. Многодневные одиночные скитания с ружьем по глухой тайге, среди укутанных снегами сопок, искрившихся бриллиантовыми отблесками, запомнились на всю жизнь. Чарующая красота тайги, где след человека воспринимается как целое событие, навсегда покоряет того, кто смог прикоснуться к ней хотя бы краешком души. И не случайно Арсеньев, описывая встречу с Дерсу (я имею в виду именно Дерсу, а не Дерчу Оджала), избрал эти места. Вот всего лишь небольшой штрих. Там, у южного подножия одной из гор, в глухой тайге на пяти трубах установлен щит размером около квадратного метра, увенчанный серпом и молотом. На щите надпись: «Здесь

в 1921–1922 гг. была Серебрянская база красных партизан по борьбе с белогвардейцами и иностранными интервентами». Базу партизаны устроили, конечно, в самой что ни на есть глуши, в нетронутых человеком местах, и было это всего лишь спустя полтора десятка лет после экспедиций Арсеньева.

Легко понять, почему Владимир Клавдиевич выбрал место встречи со своим литературным героем в глубине девственной тайги, – чтобы с первых же шагов повести читателя по сказочно красивым местам, показать удивительный мир дальневосточной природы, познакомить с Сихотэ-Алинем, каким он был в то время.

Могу лишь сказать, что некоторые места и доныне остались прежними. Всё так же несут свои воды Уссури, Великая Кема, Арму, Амгу, Бикин, Анюй и другие горные реки (правда, часть географических объектов с тех пор переименована). Однако на месте ряда троп, пройденных Арсеньевым с проводниками, пролегли дороги; где были бесконечные гари, вырос молодой лес, а на местах некогда величественных кедровников торчат пни и тоненькие стволики подроста лиственных пород деревьев, которые всегда приходят на смену хвойному лесу после пожаров. Всё так же каждую осень тайга превращается в храм красоты, равный которому едва ли найдётся в мире, и, забросив за плечи котомки и ружья, устремляются в него из городов и сёл последователи Арсеньева и Дерсу, словно растворяются в безбрежии лесов, сливаются с природой в одно целое.

Бывает, что кто-то из них не возвращается, остаётся навечно в зелено-золотом безмолвии. Не обо всяком из таких сгинувших узнаем мы впоследствии что-либо достоверное: их последний шаг окружён тайной, ведь тайга умеет хранить свои секреты даже от самых замечательных следопытов...

Петр БОРДАКОВ

ДЕРСУ УЗАЛА. ТАЁЖНЫЙ РАССКАЗ

Необходимое предисловие

Несколько лет назад, просматривая газету «Приамурье», издававшуюся век назад в Хабаровске, я наткнулся на большую статью с заглавием «Дерсу Узала». Она была напечатана в четырёх номерах: от 24 и 30 мая и от 14 и 21 июня 1909 года. Общий объём – около 16 страниц текста формата А-4. Статья имела подзаголовок «Таёжный рассказ» и подпись «Старый таёжник». Первоначально я предположил, что это – ранее неизвестное произведение В.К. Арсеньева, содержащее первое печатное упоминание имени Дерсу. Как известно, проводник путешественника стал знаменитым литературным персонажем значительно позже: повесть «Дерсу Узала» была впервые издана только в 1923 году во Владивостоке. Так что появление в печати имени Дерсу Узала более чем за 10 лет до этого вполне могло считаться сенсацией. Разумеется, требовалось подтверждение авторства рассказа; к тому стиль повествования не был похож на арсеньевский.

Специалистам известно, что книга В.К. Арсеньева «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» (издание товарищества «Свободная Россия», Владивосток, 1923) заканчивалась следующим текстом: «П.П. Бордаков, мой спутник, о котором я уже говорил, узнав о смерти Дерсу, обратился ко мне с просьбой позволить ему описать воззрения гольда на загробный мир. Зная, с какой симпатией П.П. Бордаков относился к покойному, я одобрил его намерение и просил не откладывать эту работу в долгий ящик. П.П. Бордаков не знал, при каких обстоятельствах умер Дерсу, и описал его замерзшим в тайге в Рождественскую ночь. Читателей, желающих узнать, что ожидал Дерсу встретить по ту сторону смерти, я отсылаю к книжке П.П. Бордакова «Дерсу Узала. Рождественский рассказ». Хотя название материала, опубликованного в «Приамурье» в 1909 году, было несколько иным («Дерсу Узала. Таёжный рассказ»), я предположил, что это и есть упомянутое В.К. Арсеньевым произведение П.П. Бордакова. Оставалось найти этому документальное подтверждение, что потребовало около двух лет.

П.П. Бордаков был студентом Киевского университета (видимо, ботаником или зоологом), принимал участие в экспедиции В.К. Арсеньева 1907 года; в 1908 году, по некоторым сведениям, стал заведовать Гродековским музеем в г. Хабаровске. После поисков в библиотеках и архивах удалось установить, что Пётр Петрович Бордаков (1882–1945) в советское время стал известным учёным. К концу 1920-х – началу 1930-х годов относит-

ся публикация многих его научных статей; в 1936–1938 гг. он заведовал кафедрой ботаники Белорусского государственного университета, затем перебрался в Алма-Ату. П.П. Бордаков также известен публикациями под псевдонимами А.Г. Петров, П. Петров, проф. П. Петров.

В личной библиотеке В.К. Арсеньева, в настоящее время хранящейся в ОИАК, имеется переплетённый в единый томик сборник рассказов и повестей общим объёмом в 255 страниц без заглавия. На его форзаце имеется надпись: «Многоуважаемому и дорогому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву на добрую память от П. Бордакова. 23 Янв. 1910 г.». В состав этого сборника, содержащего прозу П.П. Бордакова, входит 33-страничное произведение под названием «Дерсу Узала. Рождественский рассказ». Его текст в целом совпадает с тем, что был напечатан в газете «Приамурье» в мае и июне 1909 года. Итак, первым поведал широкой публике о Дерсу Узала П.П. Бордаков, соратник В.К. Арсеньева по экспедиции 1907 года. Этот факт почему-то затерялся в обширной «околоарсеньевской» литературе, хотя впервые (насколько мне известно) сообщил о нём И.С. Кузьмичев в книге «Писатель Арсеньев», вышедшей в 1977 году.

Разумеется, это отнюдь не умаляет значение В.К. Арсеньева как писателя, благодаря произведениям которого сначала Россия, а потом и весь мир узнали об Уссурийской тайге и «лесном человеке» Дерсу Узала.

Рассказ печатается в полном виде по тексту газеты «Приамурье» 1909 года с необходимым исправлением орфографических и пунктуационных ошибок и явных опечаток.

Неразборчивые фрагменты взяты в квадратные скобки. Примечания, видимо, принадлежат автору рассказа.

Иван ЕГОРЧЕВ

Как ни бушевала вокруг разыгравшаяся к ночи пурга, как ни обсыпала лицо и шею сбиваемая ветром с ветвей снежная пыль и ни пронизывал сквозь изношенную охотничью куртку леденящий холод, старый гольд Дерсу Узала сидел неподвижно, поджав под себя обутые в тарбаза ноги и глубоко втянув голову в плечи, как будто это могло защитить его от захватившей его в тайге непогоды. И если бы не легкое движение губ под редкими, смерзшимися усами и невольное временами передергивание от холода плечей, можно было бы подумать, что он давно уже умер.

О чем думал старик в эту бурную рождественскую ночь, один, перед своим костром, в тайге? И по нахмуренному лицу его было видно, что не радостные мысли занимали его. От колеблемого налетавшим ветром пла-

мени костра, словно фантастические привидения, выступали из мрака облепленные снегом стволы кедров и пихт, и их темные ветви, как огромные руки, размахивали над головой Дерсу и то исчезали, то снова появлялись и с жестким шумом сталкивались своими иглами. Временами, когда огонь вспыхивал особенно ярко, освещались росшие по сторонам молодые заиндевелые елки и мириады разноцветных искр рассыпались по ним, и казалось тогда, что это не снежинки, а бесценные каменья, и что никакие сокровища мира не сравнятся с ними.

Но Дерсу не видел и не смотрел на них. Он крепко зажмурил глаза и даже вплотную надвинул на них картуз, как будто то, что он мог бы увидеть, не могло доставить ему ничего, кроме ненужных страданий и бесконечного отвращения.

Да и как могло быть иначе? ведь Дерсу стар, очень стар; он даже не может припомнить, сколько ему лет, и теперь, как никогда еще, его старость мучительно отзывалась на его одряхлевшем теле и наполняла горечью его душу. У других есть дом, семья; у Дерсу нет ничего, и сотни верст отделяют его от первого заселенного уголка. Другие сыты, а Дерсу не ел уже четвертые сутки... Но он не чувствует голода. Ему горько, бесконечно горько, и если бы он мог плакать, сколько слез пролил бы он в эту глухую ночь!

Сегодня он впервые ясно почувствовал, что жизнь его окончена и что смерть стоит за его плечами. И как-то странно произошло это: еще утром он чувствовал себя вполне бодрым и не думал о смерти, как не думал ни о чем, не имевшем видимого соприкосновения с его охотничьей жизнью. Смерть, не раз подкрадывавшаяся к нему в прошлые годы, была так далека и детски-бессильна, и так уверенно защищала свои права жизнь, что Дерсу ни за что не поверил бы, если бы ему сказали, что дни его сочтены.

Но теперь все переменилось. Последние минуты, как неумолимые удары маятника, гулко и непрерывно проходят над его головой, и он ясно различает их отсчет и в туманной дали уже видит их неизбежный конец, а за ним то темное и непонятное, которого он, правда, не боится, но которое неминуемо затянет его в свои бесконечные глубины.

Вот как это случилось: часа за два или за три до захода солнца Дерсу проходил по заросшему молодняком и таволожником увалу. Пурга уже начиналась, но сквозь налетавший и круживший снег старческий, но опытный глаз разглядел внизу, у маленького незамерзаемого ключика, нескольких изюбрей. Подойти прямо было невозможно, и Дерсу, придер-

живая ружье, стал обегать сопку, чтобы выйти к ним против ветра. На каменистых осыпях он оступился и тяжело ушиб руку и плечо. Спустившись в седловинку, он снова упал и несколько секунд не мог подняться и лежал в снегу, опершись на локоть и сжав от боли зубы. Затем он с трудом взобрался на пригорок и между кустами боярышника прошел к вершине падушки, в которой заметил изюбрей. Здесь он остановился и, приставив руку к глазам, стал напряженно присматриваться к зарослям тальника, где, как он думал, находились животные.

В это самое время, правее и несколько впереди себя, он вдруг услышал легкий треск и едва различимое шуршание тонких веток, словно какой-то большой зверь осторожно пробирался через чащу. Был ли это изюбрь или сохатый? Дерсу сразу не мог определить это и, повернув в ту сторону ухо, стал прислушиваться. Нет, это не мог быть изюбрь и не мог быть сохатый. Эту легкую крадущуюся походку Дерсу хорошо знает и не может ошибиться. Но отчего так потемнело его лицо и нахмурились его брови?

– Проклятый зверь, – прошептал он, исказившись от ненависти. – Ты опять пришел мешать мне?

Он быстро установил на земле сошки и положил на них ружье. Шорох и потрескивание приближались. Уже можно было различить легкое колебание раздвигаемой поросли, и через минуту ловким, гибким движением обогнув вывороченный с корнями ствол кедра, вышел на открытое место тигр. Тут он остановился, и зеленые круглые глаза его неожиданно встретились с угрюмым взглядом охотника. Что почувствовал огромный зверь, так близко от себя открыв своего смертельного врага? Он сильно вздрогнул и окаменел. Страшные глаза его расширились, и вертикальные щели в них загорелись. Кольчатый хвост замер и остановился в своем положении, и было мгновение, когда могло показаться, что это не живой зверь, а дивное, гениальное изваяние.

Но это продолжалось очень недолго, всего лишь один миг. Щеки его дрогнули, по телу пробежала судорога – и зверь очнулся. В мгновение ока сверкавшая золотом шерсть его поднялась дыбом, и огромный хвост, смахнув с нижних ветвей снег, с ужасной силой взвился кверху и изогнулся в дугу. Тигр рванулся назад, вперед, ударился боком о дерево, и неописуемый, ошеломляющий рев внезапно потряс морозный воздух и далеко разнесся по горным увалам и падям.

Нахмурив брови и крепко сдвинув тонкие губы, Дерсу неподвижно стоял перед ним, и пальцы его невольно сжимались и надавливали на спуск. Но он не хотел стрелять.

– Проклятый зверь, – проговорил он, скрипнув зубами, – что тебе нужно? Уйди, я не звал тебя... Не мешай мне делать свое дело: ты знаешь, что я голоден и что мне нужна пища. Уйди... слышишь?

Но тигр не уходил. Он, видимо, страстно, неудержимо, хотел и не мог броситься на человека, как будто железные прутья клетки удерживали его и преграждали ему дорогу. Он яростно прыгал из стороны в сторону, то наскакивая, то снова отбрасываясь назад, бил хвостом и бешено ревел и оскаливал свои страшные зубы. Но он не в силах был выдержать взгляда, и только моментами глаза его прямо устремлялись на Дерсу и зеленые зрачки их пылали тогда таким неукротимым огнем и так страшно содрогались его щеки, что, будь на месте Дерсу другой, он не мог бы без ужаса смотреть на него.

Но Дерсу не боится его; за свою долгую жизнь он видел много тигров и привык ненавидеть и презирать этих хитрых дьяволов, подлых трусов, умеющих нападать лишь из-за угла, и рука его за столько лет еще ни разу не поднималась на них и не запачкалась их презренной кровью.

– Слышишь, проклятый? – прождав с минуту, повторил он. – Ты видишь – я не хочу убивать тебя и брать на себя несмываемый грех. Уйди же и уступи мне дорогу. В тайге места много... уйди... Ты не хочешь? ты не уйдешь?.. проклятый... так вини же себя и пропади, как собака!..

Он пригнулся к ружью и выстрелил. Тигр рванулся назад, споткнулся о камень и судорожно покатился по снегу. Еще раза два-три ударил по веткам огромный хвост, открылась и снова закрылась страшная пасть, быстро задрожали окровавленные усы, – и все было кончено.

Дерсу, не торопясь, молча перезарядил ружье, сложил сошки и подошел к мертвому зверю. Он весь кипел ненавистью, и суровое лицо его выражало бесконечное отвращение.

– Вот ты и погиб, бесчестный, – сказал он, остановившись над ним. – Ты думал одолеть меня, как гурана или как кабаргу? отчего же ты не бросился на меня и не унес в свое логовище? ведь я слабее тебя: у меня нет таких когтей и зубов... а глаз мой стар и я не могу уже метко стрелять. Теперь ты сам виноват в своей смерти. Разве ты не знал, что мешаешь мне? разве ты не мог пойти другой дорогой? зачем же ты стал поперек моей, и своею подлою смертью покрыл меня позором? Лежи же, падаль, и пусть волки растащат по тайге твое нечистое тело.

Он пихнул тигра ногой, плюнул на его голову и, перекинув ружье через плечо, стал медленно спускаться с увала.

И тогда же Дерсу понял, что смерть его близка. Как будто откинулся ветром невидимый полог, закрывший от него будущее, и то, что он увидел за

ним, было ничтожное окончание его жизни, маленький эпилог, а за ним – смерть. Она была так очевидна и несомненна, что Дерсу не может понять, как он не видел ее раньше. Никогда еще не подходила она так близко и никогда еще вид ее не был так решителен и непреклонен.

Попробовать избежать ее, бороться с нею? но Дерсу даже не думает об этом: ведь он не боится ее, и ему не жалко жизни. И, тем не менее, душа его полна горечи и мучительного страдания. Умереть... да разве это страшно? нет; но страшно прожить такую бесконечную вереницу годов и быть не в состоянии припомнить почти [ни одного] мгновения, такого светлого и радостного, как лучи вечерней звезды. И тысячи пережитых картин толпятся перед ним, и внутренним старческим взором он внимательно вглядывается в них и ищет среди них те, которых так хотелось бы ему иметь. Но их нет, и тяжкий камень ложится на сердце Дерсу, и все сильнее сдвигаются его седые брови и опускается его дряхлая голова.

Вот в легкой, нежной дымке, как мотыльки над водой, кружатся перед ним ранние детские воспоминания. Их много. Дерсу даже не думал, что их такое множество. Он никогда не припоминал своего детства, и эти, давно забытые, бледные картины теперь волнуют его и заставляют тревожно биться его сердце. Он видит себя мальчиком, веселым и оживленным, видит отца, мать, маленькую сестру... Это было очень давно. Они жили тогда на берегу Уссури; отец летом занимался рыбной ловлей, зимой уходил в тайгу за пушниной. Дерсу хорошо помнил отца; он и сам чрезвычайно похож на него, такой же низкорослый и ширококостый, и с таким же сумрачным лицом и маленькими, точно подслеповатыми, глазами. Он хорошо помнит и родную юрту. Она стояла на крутом берегу в тени высоких деревьев, и вокруг нее развешивались на жердях для просушки невода и снасти, а рядом был устроен бревенчатый сруб, в котором содержались медвежата.

Хорошо было летом в этом тихом уголке! Мальчик любил бродить по песчаному берегу и смотреть, как ходит на мелких местах рыба и как ловко схватывает ее, кидаясь за ней в воду, синий зимородок; он часто разыскивал легкие следы выдр и хорьков и присматривался к ним, стараясь определить, когда пробегали животные и в какую сторону они ушли. Когда наступала осень и шла кэта, он помогал выбрасывать на берег из неводов серебристую рыбу и ему казалось лучшим лакомством – высосать ее голову, свежую и сочную, как плоды дикого винограда. Как оживленно проходили тогда дни! Отец со старшим братом закидывали сети, мать потрошила рыбу и развешивала ее для вяления на длинных жердях.

Это было важное дело: заготовление пищи на весь будущий год. Сдирали также рыбью шкуру, из которой мать шила затем зимние костюмы, такие теплые и удобные, что их приятно было носить. Иногда в темные тихие ночи отец брал маленького сына на лучение, и Дерсу хорошо помнит, с какой удивительной ловкостью отец колол острогой проплывшую мимо рыбу и как серебрилась и трепыхалась она на острых зубцах. Такого искусства он сам никогда не мог достигнуть.

Зимой отец уходил на несколько месяцев на вершины Хора, Бикина, Имана и других рек, берущих начало на каменистых склонах великого хребта – Сихотэ-Алиня. Мальчик не скучал без него и вспоминал о нем только тогда, когда отец возвращался домой, таща за собой на нартах кучу всевозможных мехов. Когда добыча была особенно значительна, запрягались собаки, и отец уезжал на них к месту охоты. Дерсу припоминал, как любил он теребить за уши медвежью шкуру и валяться в ее густой, длинной шерсти, и как отец, шутя, надевал ее на себя и пугал его. Мальчик прятался за мать, и та нежно прижимала его к себе и смеялась над его робостью.

Но светлое детство продолжалось недолго. Конец его, этот страшный день, Дерсу не мог никогда забыть. Как-то ранней весной, когда уже начали набухать на тальнике и черемухе липкие почки и полился сладкий березовый сок, он, тогда девятилетний мальчуган, отправился с отцом на оморочке к дальнему острову, чтобы надрать на летний шалаш бересту. Когда они причалили к берегу и стали пробираться – отец впереди, Дерсу за ним, сквозь густые заросли, из-под наваленного бурелома внезапно выскочила и набросилась на отца медведица. Это произошло так быстро и так неожиданно, что тот не успел сорвать с плеча перекинутую через него винтовку; он не успел даже выдернуть ножа, и был мгновенно сбит на землю и подмят рассвирепевшим животным. Мальчик бросился убегать, и с ужасным криком, почти без чувств, упал на берегу возле вытащенной на песок оморочки. Да и что мог сделать он, слабый ребенок, для спасения отца?..

И темная туча омрачает эти воспоминания, и Дерсу старается отогнать их от себя, и начинает думать о другом.

Вот он восемнадцатилетний юноша, крепкий и свежий, с сильным телом и неустрашимым духом. Он живет с сестрой и матерью, уже дряхлой старухой, на Бикине и занимается, как и отец, рыбной ловлей и охотой. Но дела их плохи; значительные долги отца тяжким бременем ложатся на него и вырывают из его рук достаток. Он не считает себя вправе отказаться от них, и все соболя, и медведи, убитые им за зиму, идут на уплату кре-

диторам-китайцам неимоверных процентов. Они почти голодают; у них даже нет своей собственной юрты и они беспрестанно перекочевывают с места на место, работая сверх сил и стараясь отложить хоть небольшую сумму.

Но Дерсу не падает духом. Ведь такое положение не может быть вечным. Наступит наконец день, когда все долги будут уплачены, и добыча будет оставаться в его руках. Надо перетерпеть; счастие не дается даром. Правда, теперь тяжело; ведь он молод, он любит, но кто отдаст за нищего свою дочь? откуда достать приличный калым? Когда был жив отец, он купил для маленького Дерсу невесту, тогда шестилетнюю девочку – дочь богатых гольдов, живших на одном из притоков Амура. Он заплатил за нее четыре пары пантов и десять хороших соболей, что выходило, если перевести на деньги, около полутора тысяч рублей. Это было дорого, но родители ее обещали дать почти вдвое, когда она вырастет и выйдет за Дерсу замуж. Но Дерсу лишь смутно припоминает ее; он даже никогда не разговаривал с нею, и они виделись только два или три раза. Девочка вскоре умерла от оспы, и почти одновременно с нею скончался и отец Дерсу. По обычаю, заплаченный калым не возвращался, и теперь нужно было снова добывать средства, чтобы получить право на счастие. Но это пустяки, он достанет. Еще год, много четыре-пять, и он вздохнет всей грудью. Скорей бы!..

Но его возлюбленная выходит замуж; он уже думает о другой, но и эта засватана более счастливым соперником. Ничего, не беда и это: время не упущено, он все еще молод и полон сил. И он работает до переутомления, всю зиму напролет бродя по лесным трущобам, а летом с раннего утра до поздней ночи то ловя рыбу, то подстерегая на водопоях дорогих пантачей. Ему везет, он убивает много, но долги, как снежный ком, пущенный с горы, все нарастают, и он не может уже предвидеть их прекращения.

Да он уже и не так молод: ему под сорок, а то и больше. Мать давно умерла, сестра тоже. Он все по-прежнему ходит на охоту (рыбу он перестал ловить), но уже нет в нем прежней энергии, и он начал пить и курить опий. Правда, долгов стало меньше: богатые сборы жень-шеня освободили его и у него завелись даже небольшие деньги. Но что теперь делать с деньгами? семья более не привлекает его, он весь втянулся в свою охотничью жизнь, и только тяжелые, одуряющие часы попоек прерывают изредка его однообразное существование.

Одно время он начал было откладывать на черный день. Бродя по горным увалам, он собрал много семян жень-шеня и в глухом, недоступном

углу вскопал и засеял ими небольшое поле. Ежегодно, когда наступала осень и жень-шень отцветал, он приходил сюда и вырывал самые лучшие корни. Это давало ему хороший доход, и за несколько лет он успел собрать довольно значительную сумму.

Но однажды, когда он пришел в русский поселок, у него вытащили все деньги. Ему даже стыдно и противно вспоминать об этом, так нечестно и подло поступили с ним: подвыпив в компании с каким-то незнакомым русским и чувствуя, что он начинает ослабевать, Дерсу отдал своему новому знакомому все бывшие при нем деньги (а он носил их с собою все), чтобы тот на время припрятал их; ведь он, пьяный, легко может потерять их, и что тогда? будут утрачены результаты всех трудов и придется начинать сызнова. Русский взял деньги и обещал сохранить, но когда Дерсу проснулся, его уже и след простыл. Как это было дурно с его стороны и как мог он позволить себе подобный проступок! ведь отдай он, русский, Дерсу свой кошелек и скажи: – «Спрячь, Дерсу, я могу упасть и выронить его», – разве Дерсу воспользовался бы им и неужели, по первому же требованию, не возвратил бы его обратно?

И Дерсу опять остался нищим, и горьким осадком лег на его душе этот бессовестный поступок. Он снова ушел в тайгу и снова, с трудом и горем, стал добывать себе средства к существованию.

И так потянулись годы, бесконечные годы, похожие, как две капли воды, друг на друга, и полные лишений и физических страданий. Если бы Дерсу мог забыть о них! Но он не может сделать этого, как не может возвратить своей молодости. Он отлично помнит, сколько лет назад и сколько убил он изюбрей, сколько медведей, сколько собрал драгоценных кореньев и сколько наварил пантов. Он не ошибется, пожалуй, если его спросить, сколько получил он за каждую добычу денег, кому продал ее, насколько обманули его ловкие купцы. Он может припомнить всю обстановку, при которой раздобыл того или другого зверя, сколько раз стрелял в него, куда угодила в него пуля, и т. д., и т. д. Он помнит все, что связано с его охотничьей жизнью и что, так или иначе, отражалось на ней. И сколько интересного и увлекательного он мог бы рассказать о себе! ведь на его старом теле болеет не один рубец, его волосы поседели в тайге, и нет такого уголка от Де-Кастри до Владивостока, в котором бы не был он и с которым бы не были связаны тысячи воспоминаний.

Но отчего ему так тяжело вспоминать об этом? отчего так неохотно рассказывает он о своей охотничьей жизни, когда кто-нибудь начинает рас-

спрашивать его? и почему в эти последние часы его жизни такой болезненной горечью залита его душа и так тяжко нахмурены седые брови?..

– Нечему радоваться, – говорит его грустный старческий вид. – Что дала мне жизнь? Вечное недоедание, вечное недосыпание, переутомление – что в этом радостного? а вот и награда: летом – мучительный гнус, вредные болота, дожди, зимой – нестерпимый холод, и круглый год недостача во всем, в чем так нуждается мое одряхлевшее тело и мой дух. Я болен уже десятки лет... Кто поможет мне? кто сбережет мою одинокую старость? кому я нужен? Когда в прошлом году разнеслась молва, что я погиб, кто с искренней грустью вздохнул обо мне? Меня встретили лишь с удивлением и тотчас же перестали говорить об этом. Почему я не был счастлив, как другие? разве я меньше работал, чем они, или меньше добывал соболей и жень-шеня? Нет! Так отчего же моя прошлая жизнь так темна и так мучительно тяжело на моем сердце? Разве я не имею права на счастие? где же оно?..

И Дерсу стало так больно, что он тихонько застонал и крепко сжал искрошенные от старости зубы.

– Боже, пошли мне смерть, – прошептал он и ему вдруг страстно захотелось умереть и хоть бы этим освободиться от навалившейся на него невыносимой тяжести.

И Дерсу умер.

Как это прошло – Дерсу и сам хорошо не заметил. Он все так же, как и раньше, сидел, поджав под себя ноги, но ни пурги, ни противного снега, ни костра уже не было, а было тепло и его окружала тайга, густая и зеленая, вроде той, какую он видел в этом году на верховьях Имана. Кроме того, была не ночь, а день, и солнце высоко стояло на небе и заливало светом лужайку, на которой сидел Дерсу. Это было так приятно, что Дерсу несколько минут не шевелился и только вдыхал в себя ароматный лесной воздух. Затем он поднялся на ноги, поправил на голове картуз и принялся осматриваться по сторонам.

Да, сомневаться было нельзя: зимы больше не было, а было лето, и он находился где-то в другом месте, совсем не в том и даже непохожем на то, где он расположился табором. Это казалось удивительным и непонятным, но главное, что тотчас же поразило Дерсу, было то, что в дупле огромного тополя, росшего как раз перед ним, по всем признакам находились пчелы, а между тем на коре не были заметны следы медвежьих когтей. Как могло случиться, что медведь не наведался к меду? ведь дупло было так заметно и пчелы так шумно летали вокруг него, что его мог бы отыскать даже ре-

бенок. Дерсу обошел вокруг ствола, но как он ни присматривался – он не мог заметить ни одной царапины.

– Однако, медведей здесь мало, – подумал он и, достав из кармана кисет и трубку, он набил ее табаком и закурил. Затем он сделал ножом на коре тополя знак, чтобы можно было впоследствии разыскать его, спрятал нож обратно в охотничью сумку и пошел к протекавшему невдалеке ключику. Тут он вспомнил, что забыл захватить с собой винтовку. Он тотчас вернулся и стал тщательно обыскивать то место, на котором сидел; но поиски были напрасны: винтовки не было нигде. Это было дурно, и Дерсу рассердился.

– Надо было не ставить ее у дерева, а надеть на себя, – с неудовольствием подумал он. – Что теперь делать? попадется кабан или сохатый – как его убить?

Он сердито плюнул и опять пошел к ключику. Там ему подумалось, что было бы хорошо наловить рыбы и поесть; он стал смотреть в воду, но хотя вода была прозрачная, как горный хрусталь, рыбы не было видно нигде. Ни в омутах, ни под корчами ее не было, и это казалось странным, потому что во всех лесных ключах водится рыба. Дерсу бросил под бурелом камень, но и это не помогло: рыба не появлялась.

Постояв немного на берегу, Дерсу собрал охапку сухих веток и развел большой дымокур: ведь летом в тайге бывает много гнуса и без дымокура обойтись невозможно. Когда ветки загорелись, он уселся на корточки против ветра и, зажмурив глаза, стал дышать едким, одуряющим воздухом. Когда он был молод, он мог целые часы просиживать таким образом и у него никогда не болели от этого глаза и грудь. Но теперь он стар, и уже через несколько минут у него потекли слезы и запершило в горле. Тогда он поднялся и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы удалить из легких набившиеся в них частицы дыма. И в это же самое время он вдруг понял, что совершенно напрасно разводил дымокур: никакого гнуса не было! Это показалось Дерсу таким непонятным, недопустимым, неестественным и противным здравому человеческому рассудку, что он сразу даже не поверил своему открытию. Он отошел от костра и стал напряженно присматриваться к воздуху. Действительно, он не ошибся: ни мошки, ни комара, ни паутов!

– Что такое?! – прошептал Дерсу и даже поднял кверху, от изумления, плечи. – На Ваку, Хоре, Бикине, да и повсюду – тайга летом гудит от гнуса... Почему же здесь его нет?.. Однако, это тайга совсем другая, – задумчиво прошептал он.

Дерсу хорошо знал, что он умер, и что он сам – только душа, и находится где-нибудь в Оне или Мончи[1], и это отчасти объясняло ему то, что он видел. Что же касается самого факта его смерти и того, что тело его осталось где-то на притоках Бикина, а душа – это он сам, Дерсу Узала, – все это нисколько не удивляло его и не казалось ему странным; ведь иначе не могло и быть: каждое животное и каждый человек должны умереть и затем снова жить. Это было совершенно понятно и не могло вызывать никаких сомнений. Единственно, что приводило Дерсу в тупик, было то, каким образом добраться ему до «буни»[2], где ему надлежало устроить свою дальнейшую жизнь и где должны были находиться сейчас его умершие знакомые и родные. Умри Дерсу где-нибудь в селении, где был шаман, попасть в «буни» не составляло бы безнадежного предприятия: хороший шаман легко разыскал бы его душу по положенным вместе с ним в гроб вещам и по камню у его ног, и проводил бы ее в «буни». Но теперь дело значительно усложнилось: при нем не было решительно ничего, что могло бы указать шаману место его нахождения. Да и как сможет узнать шаман, что Дерсу умер?

Раздумывая об этом, Дерсу медленно пошел вдоль ключика. В одном месте, где ключик сворачивал вправо и где начинались заросли орешника, он вдруг заметил в траве узенькую тропинку. Она сильно извивалась между кустами и направлялась, как ему показалось, к густому кедровнику, темневшему на увале невдалеке от ключика. Дерсу остановился над ней и, пригнувшись, стал внимательно разыскивать следы зверей или человеческих ног. Но не было ли их совсем или глаза Дерсу уже потеряли свою зоркость – он не мог найти даже признаков каких-либо следов. Тропинка казалась зверовой, по виду напоминала кабанью; но совершенно гладкая, словно нарочно утрамбованная, поверхность ее приводила Дерсу в недоумение: что могло это значить? какие звери проходили здесь?

Продолжая смотреть под ноги, Дерсу двинулся по тропинке к кедровнику. Здесь тропинка почти терялась среди папоротников и мхов, и Дерсу стоило большого труда идти, не сбиваясь с нее. Когда он прошел с версту, он внезапно наткнулся на старый пень, в который острием кверху была воткнута стрела.

---

[1] Местности, в которые по гольдскому мировоззрению попадает душа тотчас после смерти человека.

[2] «Буни» – вполне соответствует христианскому раю. Понятие это носит такой же реальный характер и по содержанию своему необходимо вытекает из всего духовного склада головы.

Это открытие страшно поразило Дерсу! воткнутая острием кверху стрела! да ведь это значит: – «Невдалеке отсюда расставлены лучки. Берегись!». Кто мог охотиться здесь и где в настоящее время находится охотник? Дерсу со всех сторон осмотрел стрелу, но по ее положению не мог прочитать этого. Будь стрела втиснута наискось и острием книзу – это значило бы, что охотник далеко отсюда, лежи она горизонтально по тропе – Дерсу знал бы, что охотник вскоре придет и что у него есть свой шалаш. Но стрела торчала прямо кверху и говорила лишь о расставленных вблизи лучках. Где же был охотник?

Постояв минуту в раздумии, Дерсу срезал небольшую ветку, сломал ее пополам и воткнул обе части по сторонам стрелы: – «Я был у твоего знака и пойду, миновав лучки, по тропе» – должен был прочитать незнакомец, заметив эти ветки.

Сделав это, Дерсу пошел было дальше, но вскоре остановился, потому что поперек тропы лежала срезанная и очищенная от коры и листьев палка. Тут надо было соблюдать осторожность: это был последний предостерегающий знак.

Действительно, несколько шагов дальше он заметил перетянутую через тропу нитку. Он осторожно миновал ее и нашел среди кустов прикрепленный к деревянной стойке и вполне готовый к удару лучок. Но такого странного лучка Дерсу никогда еще не приходилось видеть ни у гольдов, ни у тунгусов, ни у других, известных ему, народов: он был длиною около сажени, сделан из хорошего лиственничного дерева, но так туго натянут, что Дерсу удивился, как могло дерево выдержать подобное напряжение. Главное же и самое непонятное было в нем то, что вместо одной стрелы на его спуске лежало целых четыре; при этом у них не были простые, заостренные наконечники, как это делается обычно, и не с вилками, какие употребляются на соболей, а с круглыми, отточенными по краям маленькими дисками, вроде двадцатикопеечных монет. Кроме того, тетива лучка была сделана не из медвежьей шкуры, что считается самым лучшим, а из каких-то волокон не то дикого льна, не то крапивы.

Кому мог принадлежать такой странный лучок и на какого зверя он мог быть поставлен? По направлению стрел и по постановке самого лучка можно было с уверенностью сказать, что зверь этот очень высок, вроде изюбря или сохатого; а между тем ударная нитка лежала так низко над тропою, как это делают лишь на куниц или соболей. Такой нелепой постановки лучка Дерсу еще никогда не видел; он даже сплюнул и сердито вскинул плечами. Этот охотник был, очевидно, глупый человек и не имел ни малейшего представления об устройстве лучков. Жалко, что его нет:

Дерсу хорошо посмеялся бы над ним, а затем научил бы его, как надо ставить лучки на сохатого, медведя и на всякого другого зверя.

Он уселся на поваленный ствол кедра и стал закуривать. Тут ему снова припомнилось, что он давно не ел; впрочем, голода почему-то не было, и Дерсу тотчас перестал думать о том.

Когда он выкурил подряд две трубки и хотел было уже встать, чтобы идти дальше, где-то вдали, за кедровником, послышался шум, словно от налетевшего ветра. Этот шум приближался с чрезвычайной быстротой и через минуту стал таким оглушительным, что Дерсу невольно поднес руки к ушам и втянул голову в плечи. Не успел он ясно определить причину этого странного явления, как с громом и свистом налетела и опустилась перед ним уродливого вида птица с длинной, как у журавля, шеей и с обтянутым козульей шкурой туловищем. На ней между крыльями сидел невысокий, коренастый человек, одетый в яркий костюм и с железными рогами на шапке. Дерсу сейчас узнал его: это был знаменитый шаман Оджал.

Как он мог разыскать Дерсу?! Ведь никто же не устраивал по нем «малых поминок»[3], никто не жег перед [ним и] его «фаней»[4] «сэнкурэ»[5] и даже не знает о том, куда он ушел и где умер.

Но шаман Оджал – великий шаман, и равного ему нет ни на Уссури, ни на Амуре. Дерсу хорошо помнит, как «камлал»[6] он на погребении его знакомого гольда, и с какой, прямо сверхъестественной, правильностью узнавал он, в каких местах юрты закопаны пять бурханов Буччу и четыре бурхана Аджеха, и в каком положении лежат на «фане» девять священных камней; а как поразительно верно рассказал он о всех мельчайших подробностях, предшествовавших смерти покойного, которого он никогда не знал и даже в селении которого ни разу до того времени не был![7] Правда, шаман Оджал назначен самим Аяни[8]. Когда он был еще юношей (он жил тогда на реке Горине), ему приснились Аяни и бурхан Амбансо и велели

---

[3] «Малые поминки» устраиваются вскоре после смерти покойного; во время их шаман отыскивает блуждающую по тайге душу умершего и вкладывает ее в «фаню» (см. дальше).

[4] «Фаня» (как и стоящий перед ней бурхан Аями-Фанялко) олицетворяет в себе покойного; она имеет вид небольшой подушки, и в нее на «малых поминках» шаман вкладывает найденную им душу; здесь душа остается до «больших поминок», когда шаман отводит ее, наконец, в «буни».

[5] Курительный корень.

[6] «Камлать» – шаманить.

[7] Правильность отгадываний есть признак настоящего шамана; делается это для успокоения родных.

[8] Аяни – главный гольдский бурхан.

ему сделаться шаманом. Говорят, что он не хотел этого, но бурханы пригрозили ему смертью и недопущением его души в «буни». Тогда и Оджал сделал себе шаманскую одежду и всенародно, в присутствии другого известного шамана Лааба Якомзал, надел на себя священную шапку, сделанную из шкур и украшенную сверху железными рогами «тимо»[9]. Каждый из присутствовавших при этом пытался снять эту шапку с головы юноши, но она приросла к нему и не поддавалась никаким усилиям[10]. С этого времени Оджал сделался шаманом, и слава о нем, как луч вечерней зари, быстро распространилась по большим и малым рекам.

В особенности славился великий шаман умением разыскивать душу в тайге, куда она попадает тотчас после смерти человека, и проводить ее в «буни». Неудивительно поэтому, что Дерсу страшно обрадовался, увидев перед собой знаменитого лекаря и проводника.

Оджал прилетел на священной птице Коори, в сопровождении бурхана Буччу. Он был одет в яркий кафтан и короткую юбку, на которой тушью были нарисованы бурханы Амбансо и Аджеха. Сотни гремящих трубок – «конгокто» висели вокруг его пояса, а на груди, боках и спине было навешено столько блестящих «толи»[11], что Дерсу на мгновение был ослеплен. В левой руке шаман держал бубен и колотушку – «гессен-сеони», а в правой – «бооро-нирка-мафа» – посох с резным изображением на рукоятке двулицего, всеведущего бурхана Аяни-нирка-мафа, могущественного покровителя и помощника шамана. Шапка Оджала была сделана из длинных полов, вырезанных из шкур волка, медведя и лисицы, и украшена рогами «тимо» и множеством колокольчиков и бубенчиков.

Когда он сошел с птицы на землю, Коори немедленно отлетела в сторону и уселась на ветке пихты. То же сделал и Буччу – сильный бурхан с кривой ногой и обтянутыми козульей шкурой крыльями.

Узнав шамана, Дерсу тотчас опустился на колени и трижды поклонился ему до земли. Когда он поднялся, Оджал крепко обнял его и троекратно поцеловал.

– Здравствуй, Дерсу – сказал он, – я разыскал тебя, хотя смерть застигла тебя в глухом месте. Бурхан Аями сообщил мне об этом, победив в жестоком бою бурхана Амбансо, который не хотел допустить тебя до «буни»:

---

[9] Рога «тимо» олицетворяют в себе верхушки священного дерева, с которым связана легенда о происхождении шаманства.

[10] По мнению гольдов, это – вернейший признак не самозваного шамана.

[11] «Толи» – листья с легендарного дерева шаманства. Это хорошо отполированные медные круги; в них, по верованию гольдов, отражаются все хорошие и дурные дела людей.

ведь ты убил тигра, и он непременно отомстил бы тебе, если бы не Аями и не могущественный Аджеха. Они вместе удержали его и не позволили ему запутать твои следы и тем погубить твою душу. Теперь с помощью Коори и Буччу я провожу тебя до «буни». Но знай, Дерсу: путь тяжел, настолько тяжел, что даже не всякий шаман сможет сделать его. Лааба Якомзал, провожая души двух гольдов, восемь раз погибал на дороге, и только священная птица спасла его и души от гибели. Ты принадлежишь к роду Доонка: твой путь поэтому труднее других[12]. Теперь разведи костер и согрей ханшин!

Дерсу поспешно исполнил требование и разогрел переданную ему Оджалом медную фляжку с ханшином. Когда все было сделано, шаман окропил вином бубен, выпил немного сам и дал выпить Дерсу, и начал камланье. Он сильно ударял в бубен, потрясал конгокто и долго призывал Аями и других добрых бурханов: Тереми, Аджеха, Доонта и др., затем он снова выпил ханшина, перекинул через себя бубен и дал знак птице Коори. Та немедленно спорхнула с дерева и опустилась перед шаманом.

– Садись сзади меня, – приказал Оджал Дерсу, – и крепко держись за мой ремень. Не бойся и не смотри вниз.

Они уселись на птицу, и Коори взвилась на воздух. За ней поднялся и Буччу, сохраняя на лету вертикальное положение и быстро размахивая кривой ногой.

От быстрого полета у Дерсу закружилась голова, и он должен был крепко схватиться за ремень, чтобы не упасть и не разбиться о камни. Впрочем, воздушное путешествие продолжалось недолго: дорогу преградил высокий лес. Стволы кедров и пихт были так высоки, что исчезали за облаками, и перелететь между ними не было никакой возможности. Коори опустилась на землю, и Дерсу с шаманом сошли с нее и пошли пешком. Но что это была за ужасная тайга! Дерсу еще никогда не видел ничего подобного: горы бурелома ежеминутно преграждали дорогу, а кустарник был так густ и столько росло в нем различных колючих растений, что платье разрывалось в клочки, а лицо и руки покрывались царапинами и кровью. Не было ни тропы, ни лужайки – ничего, что могло бы облегчить движение!

– Это Болоса[13], – проговорил Оджал, оглянувшись на Дерсу. – Не отставай от меня: мы вскоре выберемся на открытое место.

---

[12] Путь в «буни» не для всех гольдов одинаков: для каждого гольдского рода существует отдельный путь; один из путей легче, другие тяжелее.

[13] «Болоса» – местность, где душа впервые испытывает затруднения.

Действительно, еще несколько минут отчаянных усилий, и они попали на огромную поляну, лежавшую у самой опушки. Посредине ее рос высокий орех. Когда они проходили мимо него, Дерсу заметил под ним остатки табора: торчали прутья от палатки, а над бывшим когда-то костром еще сохранился таган. Дерсу ужасно захотелось поближе рассмотреть тот табор, чтобы определить, кому принадлежал он: гольдам, или орочонам, или китайцам? он направился было в его сторону, но Оджал сердито приказал ему вернуться и следовать за ним.

За лесом начинались обширные мари: Ингила, Сая-Суйгонэ и др., самые разнообразные по своему характеру и страшно неудобные для ходьбы: торфяники качались под ногами, и от разлагающихся трав поднимался одуряющий смрад, от которого болела голова и начинало тошнить. Путники снова сели на Коори и полетели дальше.

Пока все шло прекрасно: Коори и Буччу летели как молния, и Дерсу уже думалось, что его мытарства окончились, как вдруг показался вдали высокий столб – «хоро». Отсюда пути в «буни» разделялись: для рода Джаксора он шел направо, для рода Онжан налево, а для рода Доонка – прямо, и к видневшейся вдали сопке.

Здесь больше нельзя было лететь и приходилось идти пешком. Ужасен был этот путь! Кочка была так высока, что Дерсу ежеминутно падал и проваливался с головою в грязную вонючую воду; нигде еще не случалось ему встречать такой отвратительной кочки: она была скользка, как кожа кэты, и доходила ему до шеи. Оджал тоже падал, но он не в первый раз совершал этот путь, и у него было больше сил, чем у Дерсу.

Пройдя около часу, Дерсу выбился из сил и просил отдохнуть.

– Вставай, – строго приказал шаман, – сейчас будет «Хаджелто»[14], а за ним – Саян-Даура. Если мы перейдем через эту реку, мы спасены.

Дерсу снова пошел за своим проводником, но когда он выбрался, наконец, на ровное место, у него от усталости дрожали ноги и темнело в глазах. Шаман был тоже измучен, они несколько минут отдыхали и курили трубки.

Теперь их ожидало самое опасное место: широкая и бурная река Саян-Даура. Много гольдских душ уже погибло в ее мутных волнах, и даже сильный шаман не всегда мог преодолеть ее течение, так ужасно бурлила вода, и столько огромных валунов было рассеяно по всему ее пространству. Дерсу припомнил, что шаман Лааба дважды возвращался обратно, не будучи в силах переправить душу на противоположный берег, и не будь

[14] Спуск к роковой реке Саян-Даура.

с ним могучего Аджеха, душа неизбежно погибла бы в этой реке и не дошла бы до «буни».

Когда путешественники спустились с крутого берега и подошли к воде, Оджал остановился и снова начал камланье. На это раз он призывал Хафу-Ярга, Колля, Гирки-Аями и других великих бурханов, своих помощников и руководителей.

– Теперь возьмись опять за ремень, – сказал он Дерсу, окончив свои молитвы, – Ни в каком случае не выпускай его из рук, иначе ты погиб.

Он вошел в воду и стал медленно двигаться к середине реки. Дерсу последовал за ним, тщательно ощупывая дно ногами и держась обеими руками за привязанный к поясу шаманский ремень. Коори и Буччу с шумом и громкими криками летали над ними и следили за их движениями.

Эта переправа, как ужасный кошмар, еще много лет спустя припоминалась Дерсу и заставляла холодеть его сердце. Он даже не мог понять, как удалось ему перебраться через реку и как не унесли его бушевавшие волны под бурелом или не разбили, как щепку о камень. Ведь сколько раз вода перекатывалась через его голову, и даже было мгновение (он не мог без ужаса вспомнить о нем!), когда ремень почти выскользнул из его рук.

Но шаман Оджал хорошо знал брод: он провел его по самому удобному месту [и] этим спас его душу от верной гибели...

Когда они вышли, наконец, на песок, Дерсу в изнеможении упал на него и [долго] лежал с закрытыми глазами, весь дрожа и [почти] теряя сознание. Оджал тоже лег и покрыл[ся] бубном, ему нужен был продолжительный отдых. Но и тогда он не сможет сделать обратный путь по той же дороге, и его отнесет на себе из «буни» Коори.

Дальнейшая дорога становилась все легче и легче. Переночевав у реки[15], путники прошли целый ряд различных местностей: «Галинду», «Маничу», «Кокочу» и др.; в «Осянка Бондаха» они увидели первые следы жилья: забытую кем-то острогу и содранную бересту.

В «Буни-Индавачиха» до их слуха донесся лай собак; теперь оставалось уже немного. Ни кочек, ни болот уже не было; их окружала тайга великолепная и густая, и они шли по хорошей тропинке. В нескольких местах на мягкой земле Дерсу заметил отчетливые следы медведей и кабанов, а когда они проходили мимо валежника, из-под него неожиданно выскочил

---

[15] Здесь с давних лет стоял берестяной шалаш и все души, по дороге в «буни», ночевали в нем.

и бросился наутек соболь. Он был так велик и так красиво заблестела на солнце его шерсть, что Дерсу пришел в восторг.

– Вот бы поохотиться здесь! – подумал он, жадно присматриваясь к истоптанной животными почве. – Тут должен быть изюбрь и сохатый... Но сколько же здесь кабанов!! Неужели в «буни» нет охотников, или действительно зверя здесь такое множество?

Но тут Дерсу вспомнил, что забыл винтовку; он сплюнул и сердито нахмурился.

– Ты получишь ружье, – сказал шаман, угадав его мысли. – Здесь ты достанешь все, что тебе нужно. Только помни: говори одну правду, когда Бог начнет расспрашивать тебя; не скрывай ничего!

Вскоре показались и юрты; их было так много, что весь берег реки был покрыт ими. Сотни ездовых и зверовых собак бегали и лаяли возле них и возле развешанных перед ними, для просушки, неводов, а когда путники подошли ближе, из юрт вышли люди, среди которых Дерсу тотчас узнал отца и многих других гольдов, которых он знал при их жизни. Он хотел было подойти к ним, но шаман взял его за руку и повел к большой берестяной юрте, стоявшей посредине селения. Там жил Бог, который совершал суд и решал, достойна ли душа «буни» или нет. В последнем случае душа входила в тело животного и в таком виде снова посылалась на землю.

Когда Дерсу с Оджалом вошли в юрту, Бог сидел, поджав под себя ноги, на покрытых плетеными циновками нарах и курил длинную китайскую трубку. По обеим сторонам Его сидели главные помощники и тоже курили. Две женщины – одна молодая и красивая, другая старая (должно быть, его жены) – стряпали у очага какое-то кушанье.

Подойдя к Богу, путники опустились на колени и по двенадцати раз поклонились Ему до земли. Потом они встали и поздоровались с Ним и Его помощниками.

– Пришли? – спросил Бог, пожав их руки и на минуту вынимая изо рта свою трубку.

– Пришли, – в один голос ответили Дерсу и Оджал.

Бог внимательно посмотрел на Дерсу, и старый гольд заметил на его правой щеке заросший шрам, должно быть, от медвежьих когтей.

– Я много слышал о тебе, – сказал Бог, выколотив трубку об нары и пряча ее за пазуху, – Говорят, ты отличный охотник. Сколько ты убил медведей?

Дерсу несколько мгновений молчал, стараясь вспомнить действительное число.

– Однако, триста будет, – задумчиво проговорил он.

– Ты не бил их спящими?

– Нет... однако, нет. Два или три раза мне пришлось будить их, потому что я заставал их во сне. В последний раз, когда я разбудил белогруда, он сильно помял меня и я лежал целую зиму и весну.

– Ты сделал хорошо, – сказал Бог, одобрительно кивнув головой. – Ну, а много ли убил ты кабанов?

– Кабанов, однако, больше... тысячу или две.

– Порядочно! а попадались ли тебе соболи?

Дерсу с изумлением посмотрел на Бога и даже пожал плечами. Он, старый охотник, получает такой нелепый вопрос!

– Попадались, – сердито ответил он и даже отвернулся в сторону.

Бог улыбнулся.

– Тебя обидел вопрос, значит, ты настоящий охотник, – сказал Он. – Но, надеюсь, ты никогда не осквернял себя убийством тигра?

Дерсу страшно смутился и низко опустил голову.

– Я убил одного, – прошептал он, не поднимая лица.

– Это дурно, – строго сказал Бог, – зачем ты сделал это? – разве ты не знаешь закона?

Дерсу еще ниже опустил голову и не отвечал. Да и что бы он мог ответить? ведь Бог был совершенно прав: ему не следовало убивать тигра.

– Ну? – прождав с минуту, строго повторил Бог.

– Я отвечу за него, Бог, – сказал вдруг шаман Оджал, выступая на шаг вперед. – Я хорошо знаю этого человека; это знаменитый охотник, и нет среди гольдов никого, кто мог бы сравниться с ним по отваге и умению скрадывать зверя; он один на один выходил с копьем на медведя, и за свою жизнь перебил столько зверей, что ни Ты, ни Твои помощники не смогут сосчитать числа их. Не сердись на него. Когда это случилось, он целых четыре дня не видел пищи: пурга застигла его в тайге, и он не мог разыскать даже белки. Наконец, когда он выследил изюбрей и стал незаметно скрадывать их (а ведь Ты сам хорошо знаешь, что испытывает настоящий охотник, скрадывая благородное животное), – проклятый зверь внезапно преградил ему дорогу. Но Дерсу не хотел его убивать; он дважды предупредил его и приказывал ему удалиться. Но тигр не хотел исполнять разумного требования: он начал реветь и этим спугнул изюбрей. Тогда Дерсу не вытерпел и убил злого дьявола. На его месте даже Ты нарушил бы закон, так дерзко помешал нечестивый зверь выполнить нужное дело.

Когда Оджал окончил, Дерсу поднял голову и посмотрел на Бога.

– Правда ли это? – сурово спросил Тот, пытливо глядя ему в глаза.

– Правда, – твердо ответил Дерсу и еще выше поднял голову. Он теперь понял свой поступок и знал, что его нельзя наказать за него.

Бог еще несколько секунд смотрел на него, и строгое лицо Его вдруг распустилось в улыбку. Он протянул к Дерсу руки, и когда тот подошел к Нему, Он крепко обнял его и трижды поцеловал.

– Живи же в «буни», – ласково сказал он; пусть она служит тебе радостным местом для охоты. Здесь много всякого зверя: медведей, соболей и других, и ты можешь охотиться на них, сколько хочешь. Твоя юрта стоит у самой реки; пойди туда; ты найдешь там свою невесту, умершую пятьдесят лет тому назад. Женись на ней, потому что она принадлежит тебе: отец твой уже заплатил за нее богатый калым. Теперь подойди к нарам и выбери себе винтовку.

Дерсу подошел и увидел целую груду всевозможных ружей. Тут были и берданы, и маузеры, и винчестеры, и притом все новые, а не такие, какие продаются на базарах. У Дерсу разбежались глаза, и он не знал, на каком из них остановить свой выбор.

– Я помогу тебе, – сказал Бог, с улыбкой смотревший на его восхищенное лицо. Он взял из груды одно ружье, стер с него рукавом пыль и подал его Дерсу.

– Оно не блестит с виду, но бой у него хороший, – сказал он. – Возьми его, и пусть оно принесет тебе счастье...

Когда Дерсу вышел, наконец, на улицу, его тотчас окружила целая толпа знакомых и незнакомых гольдов. Все хотели поздороваться с ним и высказать ему свою радость. Тут же Дерсу увидел и свою невесту, прелестную Лунзэ, и она была так хороша со своей веселой улыбкой и блестящими глазами, и так очаровательно выдавалась под тонкой одеждой ее трепетавшая грудь, что сердце Дерсу загорелось любовью. Да и он сам уже не был стариком, а свежим и сильным юношей, каким он помнит себя сорок лет назад. И он пошел с нею в свою юрту, и с этой минуты для него началась новая охотничья жизнь, не похожая на прежнюю и бесконечно прекрасная, и радостная.

Старый таёжник

Владимир АРСЕНЬЕВ-мл.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕРСУ УЗАЛА

Бывают воспоминания, даже из самого глубокого детства, которые в продолжение всей жизни памятны и стоят перед вами, как живые, хотя забываются и более поздние. Вот одна из таких ярких картин детства – о Дерсу Узала.

Впоследствии, когда я писал под диктовку отца страницы из его будущей книги о Дерсу, его образ всегда вставал передо мной, как живой. Может быть, этому способствовали частые воспоминания отца и матери об этом прекрасном человеке, который, как бы незримо, всегда присутствовал в нашей семье.

Мы жили в 23-м Сибирском стрелковом полку, где тогда служил мой отец. Полк был расквартирован недалеко от Хабаровска. Деревянные казармы на его территории стояли параллельно друг другу рядом с небольшим оврагом, на дне которого протекал ручей, в котором солдаты стирали бельё. За оврагом размещались три двухквартирных домика для офицеров. Мимо этих домиков шла дорога на реку Уссури, по обеим сторонам заросшая орешником. От окон начинался довольно густой лиственный лес, простиравшийся до железной дороги и продолжавшийся за ней. Запомнились мне в нём журчащие по весне ключи, поросшие яркими цветами.

В центре территории полка был плац, на котором ежедневно проводились строевые занятия, а рядом полковая лавочка, торговавшая разной мелочью и заманчивыми связками винных ягод. В противоположную от реки сторону шла дорога в Хабаровск, также заросшая кустарником по сторонам. Здесь, однажды вечером, было совершено нападение, видимо с целью грабежа, на мать, возвращавшуюся поздно из города с покупками. Но, к счастью, всё обошлось благополучно. Лошади разорвали верёвку, протянутую через дорогу, а пуля, посланная вдогонку, никого не задела. Такие случаи в этом краю были нередки, тем более, что многие здесь имели винтовки военного образца.

Отец, вернувшись из экспедиции, привёз с собой своего проводника Дерсу Узала, о котором ранее много рассказывал и писал в своих письмах.

Мы жили во втором от оврага доме. Квартира была большая, и Дерсу отвели отдельную комнату, расположенную справа от коридора. Рядом с ней спала и огромная собака Хыча. Кровать, столик с десятилинейной керосиновой лампой, два табурета, на стене винтовка, патронташ, два ножа в кожаных чехлах с кисточками на концах – один прямой, другой поменьше, узкий и кривой. Такой нож заменяет жителю тайги рубанок и другие

инструменты для разных поделок из древесины. На матрац, поверх одеяла, наброшена таёжная спутница – козья шкура, а у печи шкура барсука. Вот и всё скромное убранство комнаты Дерсу. По-спартански, как он привык в лесу.

Обыкновенно, Дерсу сидел на барсучьей шкуре с поджатыми ногами, перед топящейся открытой печью, с неизменной трубкой в зубах. Он смотрел на весёлый огонь, на потрескивавшие дрова. Иногда по его лицу пробегала улыбка. Что думал он в эти минуты? Может быть, в причудливой игре огня, в угольках, покрывавшихся пеплом, он видел любимую тайгу, а может быть, вспоминал свою семью, погибшую от оспы, тогдашнего бича таёжных народов, от которой они вымирали целыми стойбищами. Сейчас это даже звучит страшно, а тогда это никого не интересовало.

Часто вечерами я забегал к Дерсу и, сидя перед огнём, он рассказывал мне свои интересные сказки, в которых, кроме людей, фигурировали звери, птицы, шаман и божества его верований. Я привык к его рассказам и почти свободно ориентировался в этой мифологии. Иногда, задумавшись, он гладил меня по голове. Может быть, в эти моменты он вспоминал своих погибших детей.

Дерсу оживлялся, когда к нему вечером заходил отец, садился с ним у огня, и у них начинался оживлённый разговор, сопровождавшийся разными восклицаниями, а иногда и заразительным смехом. Видимо, они вспоминали какие-то весёлые минуты, пережитые в совместных путешествиях.

Спал Дерсу всегда сидя на кровати, с поджатыми ногами, набросив на плечи свою кожаную тужурку. Видимо, таёжная привычка сказывалась и здесь, в доме. Здесь же валялась, выпавшая изо рта, неизменная трубка.

Как-то в один из вечеров отец, занимаясь со мной, склеивал абажур на лампу, с фигурками из сказки «Золотая рыбка». Дерсу, как обычно, при этом присутствовал и с интересом наблюдал за нашей работой, изредка спрашивая о той или иной фигурке. Возле дивана дремал пойнтер Альпа, спутница отца в экспедициях, которая впоследствии и была съедена во время голодовки в тайге, спасая этим жизнь людям.

– Как твоя могу сюда пускать такой скверный баба, – ворчал Дерсу, когда мы наклеивали картинку старухи с новым корытом. – Гоняй его надо, – говорил он и от досады тут же сплёвывал, но, спохватившись, старательно вытирал свой плевок. У него в памяти хорошо сохранилась эта сказка, которую отец рассказывал в экспедиции стрелкам. Дерсу возмущался поведением сварливой старухи, наивно принимая сказку за истину.

Иногда, в тёплые дни, я с Дерсу уходил на целый день на «охоту за тиграми». Это были радостные для меня прогулки. Дерсу с винтовкой, а я с детским ружьём. Конечно, я воображал себя настоящим звероловом, а детское ружьё, в моём воображении, не уступало винтовке Дерсу. Доходили мы и до реки Уссури, где Дерсу разводил костёр, за которым и обедали. Неизменно его взор останавливался на синевшем вдали хребте Хехцира. Видимо, горы вызывали в нём воспоминания о тайге, манили его.

По пути Дерсу объяснял мне встречавшиеся небольшие следы зверьков и птиц, указывал на их различия и как угадать по ним о настроении зверька, на что обращать внимание, как разгадать, что здесь произошло.

Однажды я замахнулся сучком на сидящего поползня. Дерсу сразу рассердился и объяснил мне мой безрассудный поступок.

– Так делать нельзя, – говорил Дерсу, – его «люди» тоже больно понимай есть, его тихий «люди», мешай нет, мал-мал кушай, мал-мал пой. Зачем ему делай больно?

Мне стало стыдно за свой поступок.

Однажды денщик Владек сделал мне клетку и посадил туда несколько синиц. Я прыгал от радости, но Дерсу, присутствовавший при этом, мрачно нахмурившись, сказал:

– Худо, капитан, твоя делай, твоя пока понимай нет, что его тоже «люди», всё понимай, чего-чего думай, понимай есть. Его сопка живи, как я, и клетка живи не могу, всё равно помирай есть.

Вечером отец тоже встал на сторону Дерсу и объяснил мне, что держать вольных птиц в клетке, только лишь для своего удовольствия, нехорошо.

Утром мы с Дерсу открыли клетку на улице. Синицы весело выпорхнули и защебетали.

– Его спасибо говори, – промолвил Дерсу, и радостно засмеявшись, погладил меня по голове. Мир между нами был восстановлен, а я за всю свою жизнь никогда не держал птиц в клетках.

Когда отец вечерами сидел за своим письменным столом и писал, Дерсу, примостившись сбоку на шкуре, внимательно следил за бегом пера по бумаге и причмокивал не зажженной трубкой. Часто отец диктовал матери, а сам расхаживал по кабинету, потирая руки. Это была его всегдашняя привычка, когда он был чем-то доволен.

Всё же Дерсу не выдержал сидения в городе, где было так много для него непонятного и, с его точки зрения, дикого. За воду плати, за дрова плати, костёр разжигать на дворе нельзя, стрелять нельзя и, вообще, больше нельзя, чем можно. Это угнетало его, привыкшего к полной сво-

боде действий. Он стал проситься, хотя бы ненадолго, в тайгу. После ряда просьб отец уступил ему и отпустил на несколько недель в Хехцир, снабдив своей визитной карточкой с надписью, что это его проводник, и проживает он в полку.

Последнее наше «путешествие» с Дерсу было на реку Уссури. Он долго глядел на Хехцир и, чему-то улыбаясь, курил свою трубку. Чувствовал ли он, что там, в синеве гор, его гибель? Конечно, нет!

По дороге назад он был задумчив и молчалив. На следующий день я не застал Дерсу в его комнате. Он ушёл рано утром, чтобы поездом уехать на станцию Корфовскую, а оттуда в тайгу. Я несколько дней не находил покоя, часто забегал в комнату Дерсу, но там было как-то пусто и мрачно. Потом всё по-детски забылось.

Дерсу больше не вернулся. В предгорье Хехцира он был убит. По найденной у убитого карточке отца нам сообщили о его гибели. Отец был в это время в командировке. Присутствовал при погребении Дерсу только начальник станции Корфовской, друг отца, И. А. Дзюль.

Погиб замечательный человек. Вся жизнь его была основана на абсолютной честности, любви к природе, которая платила ему тем же. Мир праху твоему, Дерсу!

Владимир АРСЕНЬЕВ-мл.

ДЕРСУ УЗАЛА ПОСЛЕ СМЕРТИ

Путь от расположения полка до вокзала Дерсу знал хорошо. Он был рад, что «капитан» отпустил его в тайгу отдохнуть от городского шума и странных городских правил. Шёл, напевая какую-то песенку. Взяв билет, он сел в подошедший поезд и с жадностью стал рассматривать в окно проплывавший за ним пейзаж. Всё за окном было знакомым и таким понятным.

Через час поезд подошёл к станции Корфовской, расположенной в предгорье хребта Хехцир. Здесь Дерсу вышел. Радостно забилось сердце при виде чернеющего хребта. Воздух был чист и свеж, дышалось легко. Тишину нарушало лишь гудение телеграфных проводов да тихое попискивание поползня.

Как ни хотелось Дерсу сейчас же идти в сопки, но пришлось отложить это на следующий день. У него было письмо от Арсеньева для начальника станции Дзюля. Кроме того, Дзюль хорошо знал Дерсу и сразу, конечно, не отпустил бы его.

Так оно и вышло. Дерсу ушёл от Дзюля лишь на следующий день, к полудню. Весело шагал он по дорожке к карьеру, за которым начинался подъём на хребет. Дерсу напевал свою песню и полной грудью вдыхал свежий хвойный воздух. Иногда он останавливался, чтобы поговорить со встретившимся поползнем, бурундуком или сидящей на дереве вороной. Он делился с ними своей радостью от вновь обретённой свободы.

Вскоре Дерсу подошёл к карьеру, где добывали камень для амурского моста. Увидев группу сидящих рабочих, он подошёл к ним, снял котомку и винтовку, набил табаком трубку, закурил и присел рядом с ними.

– Куда идёшь, ходя? – обратился к нему молодой рабочий.

– Моя не ходя, моя гольд, – сказал Дерсу.

– А, не всё равно ли, – промолвил рабочий и добавил – одинаковые нехристи.

Смачно сплюнув, он снова спросил:

– На охоту, что ли, собрался?

Дерсу посмотрел на говорившего и ответил:

– Нет, моя сопка ходи, мал-мал отдыхай надо.

– Вот счастливчик, – промолвил кто-то из рабочих. – Видно, с деньгами, раз шляется по сопкам отдыхать, а тут за целковый четырнадцать часов мантулишь, как проклятый.

– Эти нехристи все с деньгами, – сказал первый.

Дерсу не понравились эти разговоры, он поднялся, надел котомку, повесил на плечо ружьё и стал подниматься в гору.

– Далеко пойдёшь сегодня? – спросил молодой.

Дерсу остановился, посмотрел на сидящих и ответив:

– Нет, сегодня мал-мал ходи, отдыхай буду, – снова зашагал в гору.

Вскоре рабочие потеряли его из виду. Лишь молодой всё вглядывался вслед ушедшему и о чём-то думал. Затем встал и со злостью вонзил кирку в камни.

А тем временем Дерсу всё шёл и шёл, не чувствуя подъёма. Перевалив сопку, он прошёл ещё несколько километров и у небольшого ключа стал готовиться к ночлегу. Поставил небольшую палаточку и приготовил дрова на ночь. Вскипятив в котелке чай, вынул хлеб, солёную кету, колбасу и бутылку водки. Надо было отпраздновать приход в тайгу. Бросив в огонь немного рыбы и плеснув водки, как дар добрым духам, Дерсу стал ужинать. Волнения и выпитая водка сделали своё дело, и Дерсу скоро уснул. Ему снилось, что он в кругу семьи, а старые отец и мать зовут его к себе в дом, но жена и дети удерживают его, рассказывая о своём житье без него.

Из-за дерева тихо вышли два человека. Один держал в руках лом, другой – кирку. Они долго наблюдали за Дерсу, и, наконец, убедившись, что он спит, подкрались к нему. Один взмахнул ломом, и страшный удар обрушился на голову спящего. Не издав даже стона, Дерсу повалился набок и застыл.

Убийцы обыскали убитого и его котомку, но кроме нескольких рублей да начатой бутылки водки, ничего не нашли. Выпив водку и забрав винтовку, они скрылись в направлении железнодорожной станции. Была уже глубокая ночь.

Дерсу как бы проснулся и вначале не мог сообразить, что же случилось, но увидев себя с окровавленной головой, а рядом двух русских рабочих, с которыми разговаривал у карьера, понял, что он убит. Теперь он только душа, а тело лежит без движения.

Вначале он горько заплакал, но вскоре успокоился, поняв, что скоро действительно увидит свою семью, отца и мать. Теперь надо лишь попасть в буни, в загробный мир, а пока он злой дух бусеу. Но Дерсу не хотелось быть злобным, и он решил, что лучше будет добрым духом сеон. Шаман объяснял, что убитый всегда становится злым духом. Но ведь шаман может и ошибаться. Ведь добрый дух может превратиться в злого, значит, возможен и обратный переход.

На этом Дерсу успокоился. Он решил посмотреть на свои похороны. Проходивший охотник обнаружил убитого. Известили полицейского пристава, а он сообщил начальнику станции Дзюлю. Рабочие перенесли труп к карьеру, где пристав составил какие-то бумаги. Тело закопали под большим кедром. Всё было кончено.

Когда Дерсу убедился, что его тело похоронено, и, значит, душа свободна в своих действиях, он решил навестить свои старые места охоты. Затем он собрался посмотреть свою тайную плантацию женьшеня в верховьях реки Лефу, а уж потом пробираться в буни, хотя пока и не знал, как сделает это без шамана, сеона Бучи и птицы Каори. Но надеялся, что будущее покажет.

Поначалу Дерсу очень удивился тому, что может проходить сквозь деревья, камни и валежник, но потом привык к этому. Перед ним возник вопрос: как добывать пищу? Ведь никто не справлял по нему поминок и не снабдил его всем необходимым для долгого пути.

– Совсем, совсем худо, – проговорил Дерсу. – Как дальше живи, как ходи сопка? Винтовка нет, кушай нет.

Только трубка с кисетом, где были огниво и трут, сгорели в костре, и теперь были при нём. Закурив трубку, Дерсу двинулся дальше. Встречавшиеся звери и птицы не пугались его, даже если он подходил к ним вплотную. Увидев тигра, Дерсу подошёл к нему, опустился на колени и проговорил:

– Твоя не сердись, Амба, один раз моя стрелял тебя, но твоя сам был виноват, а теперь не надо вспоминать, что прошло.

Тигр, громко зевнув, даже не посмотрел на говорившего.

– Наверное, его сильно сердит, – решил Дерсу и, поклонившись ещё раз, встал и зашагал своей дорогой.

Наконец, он достиг верховьев Лефу и решил здесь заночевать.

– Видно, здесь никто не был, – решил Дерсу, так как сохранились души сухарей, кинутых когда-то солдатами в костёр, кусочки рыбы, четвертушка кирпичного чая и даже котелок. Всё это очень пригодилось ему. Он приготовил чай, поел и закурил трубку. Вспомнилось, что именно здесь он познакомился с капитаном Арсеньевым. Воспоминания были приятны Дерсу, он с удовольствием как бы вновь переживал ту встречу.

Дерсу уснул, ему снова приснилась его семья, которой он объяснил, что скоро придет к ним, но пока не знает дороги, потому что никто не справлял каза-таори, поминки. Надежда на то, что шаман согласится взять его в буни.

Проснулся Дерсу рано, довольный свиданием с семьёй. Он решил осмотреть свою плантацию женьшеня, находившуюся неподалёку. Чужих следов здесь не было. Посаженные им корни росли великолепно. Он с удовольствием полюбовался на плотные, толстые корни панцуя.

– Хороший подарок капитану, – промолвил он и улыбнулся.

На скале он заметил дух тигра – Амбансеон, видимо, он охранял корни, как ему и положено. Низко поклонившись ему, Дерсу продолжил свой

путь. По пути ему попались несколько злых духов бусеу, но он удачно уклонился от встречи с ними.

Верховья Лефу сумрачны, прорезаны глубокими оврагами и имеют массу осыпей. Наконец, Дерсу выбрался на вершину Да-дянь-шаня. Отсюда открывался прекрасный вид на реки Даубихе, Улахе, Цимухе и Сучан. Спустившись по притокам Даубихе, вышел к Кокшаровке, где охотился за пантачами, посетил притоки реки Нотто, где ловил соболей. Отсюда он вернулся на реку Фудзин, где когда-то напрасно стрелял в тигра, и вышел к Ли-Фудзину, где родился и где жила его семья. Надо было подумать об отдыхе. Пока всё шло гладко, и ему удавалось избегать встреч со злыми духами бусеу. Оставшаяся еда от подношений охотников давала возможность подкреплять силы. Устроившись под обрывом, Дерсу предался размышлениям. Родные места и места своей охоты он посетил, теперь надо было подумать о пути в буни.

Дерсу решил идти на Самаргу. И здесь ему повезло. В одном стойбище умер старик гольд, переселившийся сюда с Амура. Пищи здесь было вдоволь от приносимых пожертвований. Надо было воспользоваться случаем, чтобы попасть в буни вместе с умершим.

Душу умершего старика Дерсу, к сожалению, не застал. Она где-то блуждала и будет возвращена шаманом. Дерсу с удовольствием слушал рассказы местных жителей, многих из которых он знал. Ночи он проводил в доме покойного.

Но вот родственники умершего собрали достаточно денег, чтобы справить каза-таори. Шаман отвезёт душу в буни, она успокоится и не будет вредить живым.

Приехавший шаман, переодевшись для камлания, приступил к поискам души. Мерно ударяя в бубен, он стал рассказывать присутствовавшим о всех трудностях пути, о том, как он проходит страшные дебри, пропасти, бурные реки, преодолевает сопротивление злых духов, которые завладели душой умершего и не хотят её отдавать. Наконец, шаман всё уладил и вместе с душой вернулся обратно. Теперь надо было узнать, та ли это душа или другая? Шаман задавал вопросы, окружающие отвечали ему. Все приметы сошлись, и это убедило присутствовавших, что душа принадлежит усопшему. Шаман вдул душу в фаню и начал её кормление. Пока шло кормление души, Дерсу воспользовался этим и тоже влез в фаню. Здесь он узнал в душе умершего своего бывшего приятеля, с которым часто соболевал в горах Сихотэ-Алиня ещё в молодости. Дерсу поведал ему своё горе и попросил взять с собой в буни. Его товарищ охотно согласился, но надо было уговорить шамана. Выход был найден в том, что они явятся шаману во сне

и упросят его. Мёртвым нельзя отказывать в просьбе. Во сне души Дерсу и его приятеля договорились с шаманом, и он обещал взять с собой обоих.

Утром шаман рассказал свой удивительный сон жителям стойбища, которые единодушно решили, что Дерсу, которого они хорошо знали, надо обязательно взять в буни. Дерсу был очень доволен и уже ни на минуту не выходил из фани, где и кормился вместе с умершим другом.

Поминки справляли пять дней. Наконец, в конце пятого дня, когда солнце спряталось за сопки, шаман разрисовал лицо и руки углём и начал камлать. Ударяя мерно в бубен, он сзывал своих добрых сеонов и, раскрывая широко рот, как бы глотал их. Потом шаман просил вселившихся в него сеонов помочь ему найти дорогу в буни. Со специальной лестницы он рассматривал предстоящую дорогу и отвечал на вопросы присутствовавших. Он обращался к сеону Бучи и птице Каори, на спине которой ему предстояло лететь вместе с душами. Вот шаман сел в воображаемые нарты, запряженные собаками и помощниками.

Путь был опасен и труден. Крутые спуски, подъёмы, скалы, переправы через бурные реки, где иногда видны погибающие души, потерянные неопытными шаманами. Некоторых из них взяли с собой.

Но вот видны следы людей, слышен лай собак, показался дым костров и жилища. Путь окончен, шамана окружают души умерших, расспрашивают о новостях на земле.

Дерсу увидел своих родных и побежал к ним. Сколько было рассказов! Дерсу жалел, что не взяли всех душ, потерянных шаманами в пути, и просил своего шамана не оставить их в следующий раз.

Усевшись у костра и закурив трубки, все с большим интересом слушали рассказ Дерсу о том, что ему пришлось пережить на земле и как он попал в буни. Снова началась жизнь таёжника, но в кругу семьи и родичей.

Шаман вернулся обратно на птице Каори и недалеко от стойбища опять пересел в нарты. Много было вопросов к шаману. Спрашивали, кого он видел, как живут умершие родственники, много ли ловят соболя, не надо ли им чего-либо послать? На все вопросы шаман давал обстоятельные ответы. Потом фаню и жертвенные продукты бросили в огонь. Шаман взял верёвку, за другой конец взялись родственники усопшего. Натянув верёвку над костром, перерубили её в середине и бросили в огонь с хорошими пожеланиями отправившимся в буни.

Так заканчивается связь живых с умершими. На этом заканчивается и мой рассказ о посмертном пути Дерсу. За точность не ручаюсь, но если верить мифологии лесных народов, то всё было именно так.

Петр БОРДАКОВ

НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЯПОНСКОГО МОРЯ

Из дневника

Необходимые пояснения

Из документального очерка П.П. Бордакова, опубликованного в 1914 году, выбраны те фрагменты, которые касаются облика и поведения Дерсу Узала, его привычек и пристрастий, его повествований о себе и семье. Любопытно, что описание некоторых религиозных воззрений гольдов, также, очевидно, почерпнутое автором из устных рассказов Дерсу, во многом совпадает с текстом его же художественного рассказа «Дерсу Узала» (в частности, «знаменитый шаман Оджал» упомянут в обоих случаях).

Примечания, отмеченные значком *), принадлежат автору.

Иван ЕГОРЧЕВ

13-го июня 1907 года члены экспедиции (военно-топографической, под начальством штабс-капитана В.К. Арсеньева) прибыли во Владивосток, чтобы отсюда проехать морем в бухту Джигит – начальный пункт нашего путешествия*). Во Владивостоке мы узнали, что пароход Кейзерлинга, поддерживавший сообщение между населёнными пунктами побережья, потерпел аварию и будет готов к отплытию не раньше, как через две-три недели. Это обстоятельство перепутывало все наши планы. Главные приготовления были сделаны, и следовало воспользоваться хорошей погодой, установившейся после весенних дождей.

К счастью, оказалась возможность уехать раньше: по просьбе В.К. Арсеньева нам была предоставлена возможность совершить переезд на миноносцах, через десять дней отправлявшихся в Охотское море... Поэтому было решено, что один из членов экспедиции, подпрапорщик Мерзляков с двумя солдатами, останется во Владивостоке и подождёт парохода, который примет наших мулов и громоздкий груз, мы же (г. Арсеньев, я, ботаник Н.А. Десулави, кадет Олтаржевский, препаратор, проводник и остальные солдаты) поедем на миноносцах, захватив с собой лишь палатки и то, что могло понадобиться в первое время.

.....

*) Бухта Джигит расположена верстах в трёхстах севернее.

30-го июня.

Жизнь на миноносце порядочно надоела мне, и потому я был рад, когда мы сегодня высадились на песчаный берег бухты Джигит…

Мы быстро разобрали выгруженные на берег вещи, и через какой-нибудь час на нашем таборе уже пылал костёр и кипятилась вода для чая. В.К. Арсеньев отдавал солдатам распоряжения, и его блестящие глаза горели воодушевлением…

Мы все, не исключая солдат, была в приподнятом настроении, и каждый по-своему выражал своё удовольствие.

– Наконец, море кончай, – сказал наш старый проводник, Дерсу Узала. – Ехай, ехай, всё вода, земля нету; худо есть. Однако, тут лучше.

Он впервые совершал морское путешествие и едва мог дождаться его конца; ему опротивели и миноносец, и море, и качка, которая свалила его с ног, и всё, что было связано с этим, непривычным для него, способом передвижения.

……

5-го июля.

Дни проходят незаметно. Парохода всё ещё нет, и мы с раннего утра до вечера экскурсируем по окрестностям бухты. В.К. Арсеньев занимается глазомерными съёмками; г. Десулави собирает растения, я тоже коллекционирую, а остальные либо охотятся, либо погружены в хозяйственные хлопоты: готовят пищу, собирают дрова, рыбачат и т. д. После продолжительной городской жизни все чувствуют себя бодро и с увлечением занимаются каждый своим делом. Дерсу убил двух коз, и мы имеем запас отличного свежего мяса…

По вечерам мы приводим в порядок собранные коллекции и ведём записки… Всё это отнимает часа три, после чего мы собираемся вокруг костра и пьём чай. Солдаты сидят с нами, и разговор ведётся общий.

Часто рассказывают занимательные истории, вспоминаются прошлые путешествия и эпизоды… В.К. Арсеньев, много лет занимающийся изучением Уссурийского края, сообщает нам массу интересных сведений о туземцах и диких животных. Его богатая память не упускает ни одной мелочи, а рассказывает он так хорошо, что можно заслушаться.

Вот и сегодня. Мы слушали его рассказы и, лёжа на животах вокруг костра, пили чай…

– Ну-ка, Дерсу, теперь расскажи нам, как ты от медведя на дерево спасался, – сказал В.К., кончив описание одного ороченского праздника.

Дерсу, с сосредоточенным видом хлебавший чай, сделал суровое лицо и прищурил на огонь глаза.

– А, моя не умей рассказывать, – с неудовольствием ответил он.

– Умеешь! не стесняйся!

– Правда, Дерсу, как это случилось? – спросил я.

Старик, чувствовавший ко мне особую симпатию, пожевал губами и вдруг заколебался от беззвучного смеха. Его узкие глазки исчезли совершенно, а рот растянулся до ушей.

– Как случилось? – переспросил он, успокоившись. – А вот как. Моя пошёл тайга на охоту. Осень была, лист падал. Ходи один день – ничего нет, ходи второй день – ничего нету, ходи третий день – ничего нету. Ни оленя, ни кабана, ни козы – ничего нету, и кушай нету. Думай моя: худо. Сел на пенёк, кури трубку. А перед меня кедр стоит, толстый, толстый. Моя кури трубку и думай: как это ничего нету? Следы есть, зверя нету. Ай-ай-ай, худо есть. Только кури трубку и смотри: за кедром медведь стоит! Стоит на задний лапы за кедром и на меня смотрит… Сначала с одна сторона посмотрит, потом спрячется и с другая сторона посмотрит. Только-только нос покажет и назад! Моя думай себе: ага! это медведь, надо его стрелять. Взял винтовку и давай целиться. Только прицелюсь, а он спрячется, только прицелюсь, а он спрячется. Наконец, бац! и выстрелил. Попал медведю в плечо, только кожу поранил. Медведь зареви и прыгай на меня. Моя не успел патрон переменить. А надо мной дерево расти, ясень, что ли. Моя бросай винтовка на землю, схватывайся руками за ветка и подтягивайся. А медведь уже тут. Стал подо мной и тяжело дыши: ху, ху, ху! А моя над ним виси, ноги поджимай и думай: ой, худо! медведь увидит и стащит.

– Неужели он не видел тебя? – спросил кто-то из солдат.

– Нет. Медведь низко-низко голову опускай, не видал. Ну, ладно. Моя виси на руках, а медведь стоит и всё: ху, ху, ху! А мой шапка падать хочет, всё опускается на ухо. Моя её и так, и так – бух и упала. Прямо медведю на голову. Медведь зареви и прыгни на шапка. Потом тихонько уйди в чащу.

– А ты тогда слез?

– Зачем мне больше висеть? Моя слез и думай себе: хорошо, спасся. Вот как!

– Ну, Дерсу, молодчина ты, – сказал, смеясь, В.К. Арсеньев. – Но сознайся: испугался сильно?

– Конечно, испугался! Как же? У меня руки болят, я падать хочу, а медведь внизу. Как не испугаться?

Дерсу произнёс эти слова обиженным тоном и опять принялся пить чай.

Сегодня я пошёл с ним на охоту. Дерсу перевальцем шёл впереди, опираясь на свои сошки. Его коротенькие, кривые ноги твёрдо ступали по кочкам, не соскальзывая с них, словно его «улы» были снабжены шипами. Грязноватая, холщёвая куртка, перетянутая ремнём, была слишком широка для него и придавала ему вид обрубка. В зубах он держал свою неизменную трубку, из которой несло отвратительной гарью.

У реки Дерсу остановился и стал внимательно вглядываться в траву.

– Здесь коза лежала, – сказал он, наконец. – Большой коза, а с ней щенёнка (т. е. маленькая козочка).

Он стал ходить взад и вперёд, не спуская глаз с травы.

– А тут кабан прошёл и испугал козу. Она прыгай сюда, а потом сюда, а с ней прыгай щенёнка. Шибко испугалась, бедный. А кабан тоже пугайся, а потом смотри, что это коза, и пойди к реке.

– Почём ты это знаешь? – спросил я, тщетно стараясь увидеть в зелени следы кабана и испугавшейся козы.

– А вот, – и Дерсу указал сошками на чуть смятую траву. Он объяснил, откуда шёл кабан, и в каком месте его испугала внезапно вскочившая коза.

– Ну, ты колдун, Дерсу, – сказал я, пожимая плечами.

Старик сердито сдвинул брови.

– Не я колдун, а ваша колдун, – ответил он, – у вас лодка сама беги и стрелка сама время показывай. Моя понимай нету, – и, этим отомстив мне за слово «колдун», он вскинул на плечо сошки и пошёл вперёд.

.....

11-го июля.

Многие туземцы восточной Сибири до сих пор охотятся на медведей с копьями… Яркую картину такой охоты с копьём нарисовал мне наш проводник, Дерсу Узала.

Лет двадцать тому назад он отправился со своим племянником, молодым человеком, в тайгу, чтобы промыслить какого-нибудь зверя, а кстати проверить, хорошо ли стоят настороженные утром лучки. Была глубокая осень, и порошил мелкий снежок, закрывая даль непроницаемой завесой. Племянник шёл впереди, Дерсу за ним. Вдруг молодой человек остано-

вился и указал пальцем на темневшее под коряжиной небольшое отверстие.

– Пожалуй, берлога, – сказал он (конечно, по-гольдски).

Дерсу подошёл к тому месту и наклонился над ямой.

– Да, и в ней медведь. Отойди немножко и наставь копьё.

Юноша стал в боевую позицию, а Дерсу ткнул медведя сошками. Зверь рявкнул (вероятно, он только что лёг и ещё не спал) и завозился в берлоге. Через мгновение он раскидал лапами мох и выскочил наружу. Это был очень большой чернобурый медведь-самец, сильно отъевшийся за осень и ещё не успевший належать своей густой, лоснящейся шерсти. Теперь она стояла дыбом, а глаза сверкали, как угольки, словно он хотел испепелить ими противников. Со страшным рёвом он приподнялся на задние лапы и сделал несколько шагов к охотникам, но тотчас наткнулся на два копья. Медведь взвыл и ударил по копьям лапой. Но охотники крепко держали их, уперев концы в землю и следя за каждым движением взбешённого чудовища. В ослеплении яростью медведь лез на копья, хватал их лапами и тянул к себе, не соображая, что этим наносит себе смертельные раны.

– Ой, страшно было! – рассказывает Дерсу. – Копья трещи, гнись, вот-вот сломаются. Вдруг медведь ударь лапой по копью племянника и сломай его. Племянник испугался и убегай в лес. Известно, молодой парень, не привык ещё копьём охотничать. Моя останься один, крепко держи копьё, а медведь всё лапами маши, хочет меня достать. А из пасти пар клубись, словно дым. Страшно-страшно! Потом трах! – сломай моё копьё! Его (т. е. медведь) прыгай на меня и кидай на земля. Моя падай и думай: «Ну, кончай будет, худо есть!» Лежи на земля, а медведь навались на меня и тяжело-тяжело дыхай: ху, ху, ху! А кровь так и теки, горячая-горячая, как огонь. Сильно ранил его, однако издыхай нету.

– Что ж он укусил тебя? – спросил я.

– Нету, лежи на моя и всё: ху, ху, ху, и тихонько рычи. Потом слезай с меня и отходить в сторона. Моя лежи, не двигайся. Смотрю, его нет. Моя подними голову и посмотри кругом, а он лежи два шага сзади и на меня смотрит. Увидел, что моя пошевелился, прыгни на меня и укуси за плечо. Ой, больно было! Моя лежи, не двигайся. Нету и нету, моя опять кругом смотри, а он рядом на снегу! Снова прыгай на меня и когтями ребро вытаскивай. Ой, больно было! Моя больше не двигайся, лежи тихонько, как мышь. Потом думаю: «Давай посмотрю, где он?» Поверни голова, а медведя нет, ушёл в лес. Моя встал, а голова кружится-кружится, совсем падать хочу. Вижу, бежит племянник.

– Прости меня! Испугался и убежал!

– Ничего, милый, ничего, – говорю. – Худа нету, только бок царапай немножко.

Однако целая зима лежал больной, насилу поправься.

– А медведь издох?

– А как же? Отойди шагов тридцать и падай. Сильно ранил его.

Надо было слышать, с каким эпическим спокойствием рассказывал Дерсу эту кошмарную историю! И какой ласковой насмешкой звучали его слова, когда он говорил об испугавшемся и покинувшем его в критическую минуту племяннике! Он не только не осуждал, но вполне оправдывал его нетоварищеский поступок: «Известно, молодой парень, не привык ещё с копьём охотничать».

… В то время, как чернобурый медведь чрезвычайно любит рыбу, белогрудый ест её неохотно и лишь в самых крайних случаях. По своим вкусам этот типичный вегетарианец, и его страшные зубы созданы, главным образом, для защиты и для прогрызания дупел. Раздражённый, он нападает внезапно, бешено и никогда не становится при этом на задние лапы (как это иногда делает сибирский медведь). Благодаря своему злому характеру, он пользуется дурной славой среди охотников, как русских, так и инородцев.

– Он сердись, как чёрт, – говорит Дерсу. – Не смотри, что пять или десять человек, всё равно прыгай и кусай. От большой медведя на дерево можно спасайся, а от белогруда спасайся нету: как кошка лазяй и тащи за нога на земля. Ой, сердитый зверь!

……

13-го июля. Р. Синанца.

… Повсюду на долине краснеет сочная земляника, а у ручьёв и в тенистых местах почва поросла красной смородиной и малиной. Мы буквально объедаемся ими, и Дерсу часто жалуется на боли в животе, хотя уверяет, что терпеть не может ягод. Мы делаем вид, что верим ему, и даём ему капель д-ра Иноземцева, которые он закусывает ржаным сухарём…

… Ровно в час дня мы снимаемся и идём до пяти или до половины шестого вечера. Это – последний переход, после которого мы становимся настоящим табором. Ещё за час до остановки Дерсу начинает поглядывать на солнце и с равнодушным видом посматривать по сторонам.

– Устал, Дерсу? – спросишь его.

– Зачем устал? – обиженным тоном ответит он. – Моя уставай нету. А только дальше места худой будут, лучше стать здесь.

– Ну, ещё немного, – говорит В.К. Арсеньев, и Дерсу, ворча про себя, принимается опять ковылять своими коротенькими, кривыми ногами. Он нисколько не устал, так как он гораздо выносливее всех нас, но ему просто надоело идти без всякого дела. Время от времени он вытаскивает из-за пазухи пузырёк с опием и глотает крохотный кусочек. Эта дурная привычка укоренилась в нём, и отстать от неё он не может, несмотря на наши советы.

– После опия кушать будешь лучше, – оправдывается он.

.....

Осмотрев лудеву и собольи ловушки, мы пошли вглубь леса и заблудились. Тропа извивалась во все стороны, и мы никак не могли прийти к тому месту, откуда вышли. Даже Дерсу не мог ориентироваться и сердито плевал и бормотал какие-то ругательства.

– Мы идём в противоположную сторону, – решительно сказал, остановившись, В.К. Арсеньев. – Видите, из-за леса поднимаются горы? А наш табор вон где! – и он махнул рукой в обратном направлении.

– Однако, верно, – согласился Дерсу.

– Эх ты, старый таёжник! – шутливо сказал В.К.; – пятьдесят шесть лет бродишь в тайге, а дорогу к табору найти не можешь!

Дерсу обиделся и не ответил ни слова.

Убедившись, что дорога найдена, я быстро пошёл вперёд… Но не прошёл и версты, как услышал впереди себя чьи-то голоса. Я тотчас остановился и стал всматриваться в зелёную чащу.

«Китайцы», – подумал я и пожалел, что так далеко оставил позади себя товарищей. «Ещё пристрелят, пожалуй. Ведь их, по-видимому, целая толпа». Но на всякий случай я снял с плеча винтовку и посмотрел, вложен ли патрон.

Голоса приближались. Было слышно, как ступали ноги по тропинке и шумели раздвигаемые ветки. У меня, сознаюсь, сильно забилось сердце; я знал, что в тайге опаснее встретить человека, чем зверя…

«Ну, живым не сдамся», – подумал я и приготовился к отчаянной борьбе.

Затрещали ветки, заколыхались листья, и в саженях трёх от меня показались… Дерсу, а за ним В.К. Арсеньев!

От удивления я не мог произнести ни слова.

– Откуда вы?! – вырвалось у меня, наконец.

– Оттуда же, откуда и вы. Что вас удивляет?

– Да ведь я шёл от вас, а теперь мы встретились!

– Значит, вы обошли вокруг какого-нибудь пня и по рассеянности пошли обратно. Это бывало и со мной, – спокойно сказал В.К. Арсеньев.

Действительно, когда мы прошли немного, я увидел, что тропа круто обогнула упавшее дерево. Тут я, несомненно, сбился с дороги и повернул назад, воображая, что продолжаю идти к табору.

– Хорошо, что я был впереди, а не позади вас, – сказал я.

– Ничего. Через неделю пришёл бы к морю, – флегматично заметил Дерсу.

17-го июля.

В течение последних двух дней мы стоим табором на широкой песчаной косе, омываемой полумесяцем прозрачными волнами Синанцы… Солнце уже высоко поднялось и заливает нестерпимо ярким светом наши белые «комарники» и две большие брезентовые палатки, в которых мы прячемся от жары или отсиживаемся от дождя. Как всегда, дымится костёр, но мы уже позавтракали, и над огнём висят длинные ломти оленьего мяса, которое мы приготовляем впрок. Вокруг костра в ленивых позах лежат солдаты, а под тенистой ольхой зашивает разорванную рубашку Дерсу.

Сегодня ему повезло: в версте от табора он убил огромную олениху. Я видел, как после выстрела обезумевшее от ужаса животное помчалось по берегу реки, кинулось в воду и, словно споткнувшись, упало на песчаную отмель. Выпотрошив его, Дерсу потащил его по воде и таким образом доставил к табору. Это было весьма кстати, так как у нас уже не было свежего мяса и приходилось есть довольно-таки безвкусные консервы.

Идти дальше с мулами оказалось почти невозможным: леса настолько густы, и так много валялось в них бурелома, что мулы беспрестанно падали и сбивали себе колени… На общем совете было решено оставить мулов здесь и пойти к перевалу пешком. Четыре дня тому назад В.К. Арсеньев, Н.А. Десулави, я, Дерсу и двое солдат надели на спины туго набитые провиантом котомки и пошли гуськом вверх по реке, рассчитывая в полтора дня достигнуть западного склона совершенно ещё не исследованного хребта. Погода была хорошая, дул освежающий ветер, и мы бодро шли, несмотря на тяжесть котомок (каждый из нас нёс на плечах не менее двух с половиною пудов, считая ружья, сумки и проч.) и на множество препятствий, разбросанных на нашем пути…

На каменистом склоне горы мы спугнули кабаргу. Заметив нас, она протяжно свистнула и тотчас улетучилась, не дав нам времени хорошенько рассмотреть её.

– Не беги, всё равно не догонишь, – сказал Дерсу, когда я хотел обежать вокруг горы, чтобы пересечь ей дорогу…

– Я из-за неё чуть нога не сломай, – сказал Дерсу, рассказав мне об образе жизни кабарги. – Редко-редко можно её убивай: всё на скала сиди и смотри кругом себя, нет ли люди? Самый осторожный зверь!

.....

Пройдя вёрст пятнадцать, мы открыли в лесу вторую охотничью хижину… Судя по ряду признаков, мы заключили, что хозяева покинули хижину уже с месяц тому назад. В хижине мы нашли мешок с рисом, целую кучу картофеля и пуда два муки. На нарах был разложен листовой табак, при виде которого Дерсу с удовольствием чмокнул языком.

– Это хорошо, – сказал он, – надо немножко взять, а то весь табак кончай.

Он выбрал самую большую пачку, завернул её в платок и спрятал в котомку. После этого он вытащил из кармана какую-то грязную тряпку, развязал сделанный на ней узел и, порывшись в нём, достал семь копеек, которые положил на стол.

– Видно ты, Дерсу, богатый, – заметил один из солдат. – Хозяина нет, стало быть, можно и даром взять.

– Твоя понимай, что болтаешь? – весь побагровев, спросил Дерсу. – Твоя дурак! Как это можно, чтобы моя украл? А? Моя богатый нету, моя бедный, а платить всё равно надо. Он (Дерсу подразумевал хозяина) тащи табак с моря, клади на нары и думай: никто не украдёт! А я украду? Нельзя так. Если он в моя хижина приходи, он тоже украдёт? Нет, заплати деньги и возьмёт, вот как!

Я никогда не видел Дерсу таким взволнованным и рассерженным, как в этот раз. Он отчаянно жестикулировал и коверкал, больше, чем обыкновенно, русский язык.

– Успокойся, Дерсу, ты сделал очень хорошо, – сказал В.К. Арсеньев и, взяв на память шкурку белки, положил на стол сорок копеек. Увидев это, солдат перестал улыбаться и, видимо, был смущён.

Но Дерсу ещё не скоро успокоился. Когда мы пили под деревом чай, он вдруг ни с того ни с сего стал рассказывать гольдскую легенду, в которой прославлялась честность и осуждалось неуважительное отношение к чужой собственности.

В глубокой тайге была хижина, в которой жил охотник. Он часто уходил на промысел и не возвращался домой по нескольку дней, будучи уверен, что его имущество не будет разграблено.

Однажды проходил по тропинке другой охотник и зашёл в хижину. Найдя там муку, он отсыпал себе немного в котомку и подумал: «Хорошо, что никого нет: можно и не платить», и пошёл дальше.

Вслед за ним пришёл ещё один охотник, взял немного рису и ушёл, подумав то же, что и первый.

Наконец, явился третий прохожий и, взяв горсть соли, оставил за неё деньги.

Поохотившись, хозяин вернулся и вскоре заметил пропажу и деньги.

«Был здесь вор и честный человек», – подумал он и сел обедать.

В это время кто-то постучался в двери.

«Сейчас узнаю, честный ли это человек», – подумал хозяин и спрятался под нары.

Дверь отворилась, и вошёл какой-то охотник с ружьём за плечами. Видя, что никого нет, он подошёл к приготовленной пище и принялся есть. Затем он положил в свою котомку кусок лепёшки и стал рыться в кармане.

– Эх, денег нет, – сказал он и бросил на нары дорогую соболью шкуру.

Когда охотник вышел, хозяин вылез из своей засады и побежал догонять его. Но охотника и след простыл.

Подивившись его необычайной честности, хозяин пошёл на промысел и вскоре наткнулся на двух мёртвых людей; у одного из них была в котомке мука, а у другого – рис. Тогда хозяин понял, что последний из посетителей был бог охоты – Аями, который покарал воров и показал пример достойной расплаты за взятое без ведома имущество.

– Я раз так тоже делай, – сказал Дерсу. – Деньги нету, ничего нету, только панты есть. Я отруби рог и оставь хозяину.

– А если бы и пантов не было? – спросил я.

– Тогда виноват нету: можно бери и даром. Никто серчай не будет.

То, что сказал Дерсу, наверное, повторил бы каждый сибирский инородец. До появления в крае русских (главным образом, ссыльно-поселенцев) путешественник мог оставлять в лесах самые дорогие вещи, не рискуя лишиться их. Заповедь «не укради» строго соблюдается и поныне огромным большинством гольдов, орочей, тунгусов… и других представителей тунгусского племени, населяющих таёжные пространства Приамурья.

.....

– Какое есть самое большое растение? – спросил меня Дерсу.

– Из здешних – тополь, но самые высокие деревья – некоторые американские сосны.

– Нет. Самое большое растение – виноград, – и Дерсу указал на него сошками – он ползи на самый верхушка и потом спускайся опять вниз. Гораздо больше, чем тополь!

Не успел он договорить последних слов, как из-под его ноги с шипением выскочила довольно крупная змея, на которую он наступил. Она стрелой поползла к корням липы и влезла в норку.

– Тфу, проклятый! – проговорил Дерсу, сделав в воздухе далеко не грациозный пируэт.

К счастью, змея не укусила его, но старик ещё долго отплёвывался и сердился на этого «чёрта шипи-шипи»…

.....

19-го июля.

… Мне вспомнился один случай из его жизни. Проведя зиму в тайге и распродав в Хабаровске добытую пушнину, Дерсу зашёл в кабачок выпить пива. Там он познакомился с каким-то русским охотником и закутил с ним (т. е., другими словами, выпил два-три лишних стакана пива). Чувствуя, что начинает ослабевать, Дерсу отдал своему новому знакомому бывшие при нём деньги (что-то около 600 рублей), с просьбой хорошенько припрятать их: ведь он, пьяный, легко может потерять их, и тогда погибнут результаты его тяжёлых зимних охот. Русский взял деньги и обещал сохранить, но когда Дерсу проснулся, его и след простыл.

– Как это можно! – возмущался Дерсу. – Если бы он попроси меня сохрани деньги, разве моя украл бы? Моя думай, он хороший люди, а он хунхуза!

Его глубокая честность не могла примириться с таким наглым обманом, и с той поры он стал недоверчиво относиться к русским.

Дерсу очень религиозен. Он не пропускает ни одного идола без того, чтобы не помолиться ему и не привязать к его шее традиционного лоскутка материи. Для него всё равно, гольдский ли это божок, или ороченский, или китайский.

– Бога у всех один, – говорит он.

На горных перевалах он молится духу горы и просит его удержать обвалы и позволить пройти через опасные ущелья.

Религия его, как и всех гольдов, представляет крайне своеобразное сочетание чудесного с реальным. Главный бог Аями, великий охотник, живёт в Буни, т. е. в раю, изображаемом гольдами в виде дремучей тайги, где много ценного зверя, где реки кишат рыбами и где жизнь продолжается без конца. Но эта «потусторонняя» жизнь не есть отражение земной, бренной жизни, с её страданиями, неудовлетворённостью и прочими недостатками: в Буни никто не болеет, там нет отвратительного гнуса, и жизнь протекает счастливо и безбедно. Правда, чтобы добраться до этого обетованного места, душе необходимо преодолеть многочисленные препятствия, часто настолько сложные, что гольдская душа может погибнуть прежде, чем попадёт туда. Путь в Буни труден; он лежит через дикие леса, обширные болота и такие бурные реки, что в сравнении с ними земные кажутся ручейками. Не будь у души могущественного помощника, она ни за что не достигла бы Буни и в ужасных мучениях погибла бы в мутном водовороте священной реки Саян-Даура. Но Аями милосерден; он облёк великой властью некоторых из людей, дав им возможность спасать души и доставлять их невредимыми в Буни. Эти люди – шаманы.

– Он помогай и лечи живой люди, он ходи в Буни и тащи души. Однако, шаман хороший человек, его Аями люби, он умирай нету, всегда в Буни живи.

Это определение, данное Дерсу, весьма точно характеризует роль шаманов: их прямое дело – лечить живых и провожать мёртвых в Буни. От этих обязанностей шаманы не могут уклониться, так как нарушение воли Аями грозим им лютой смертью и недопущением их души в рай. Знаменитый шаман Оджал приобрёл своё почётное звание следующим образом. Однажды (когда он был ещё совсем молодым человеком и помогал отцу лучить рыбу) ему приснился Аями и бурхан (низший бог) Амбансо, которые приказали ему сделаться шаманом. Оджал долго отказывался, ссылаясь на свою молодость и на слабость здоровья, но боги пригрозили ему всевозможными несчастьями и проклятием его рода. Тогда Оджал, посоветовавшись с родителями, сделал себе костюм из шкур волка, рыси и чернобурой лисицы, надел на голову священную шапку и всенародно, в присутствии известного колдуна Лааба Якомзал, объявил себя избранником Аями. Присутствовавшие тщетно старались сорвать с головы юноши шапку, – она приросла к его коже и не поддавалась никаким усилиям*). С этого знаменательного дня Оджал был признан шаманом, и слава о нём, как

*) По убеждению гольдов, это есть лучшее доказательство боговдохновенности шамана. П.Б.

луч вечерней звезды, быстро распространилась по большим и по малым рекам.

Одеяние гольдского шамана чрезвычайно оригинально. Фантастическая куртка, сшитая из чередующихся полос различных шкур, с болтающимися концами, украшает верхнюю часть его туловища. На широком поясе висят десятка три металлических трубок «гонкокто», а на груди и на боках блестят многочисленные «толи» – отполированные диски, в которых, по верованиям гольдов, отражаются все добрые и дурные дела людей. На голове возвышается меховая шапка, с прикрепленными к ней железными рожками «тимо». Все эти аксессуары имеют символическое значение: «тимо» означают верхушки, «гонкокто» – цветы, а «толи» – листья легендарного дерева, связанного с происхождением шаманства.

Об этом дереве есть несколько сказаний. Одно из них гласит следующее:

На берегу Уссури жила некогда семья, состоявшая из отца, матери и женатого сына. Отец был стар и пользовался всеобщим уважением, так как во всём крае не было человека более благочестивого и отзывчивого, чем он. Он никогда не забывал приносить идолам благодарственные жертвы, когда его лучок убивал оленя, или когда ему удавалось налучить много рыбы. Проходящий путник мог в любое время дня и ночи найти приют в его хижине и пользоваться без конца его гостеприимством. Доонка (так звали старика) был богат и счастлив в семейной жизни: его сын считался лучшим охотником в округе и редко возвращался домой без добычи, которую он находил в непроходимых трущобах хребта Хехцыра и в лесистой Маньчжурии.

В один прекрасный день молодой человек пошёл на охоту и не вернулся. Обеспокоенный его долгим отсутствием, отец отправился на поиски и больше месяца бродил в лесу, расспрашивая о сыне встречных охотников и присматриваясь ко всевозможным следам. Но напрасно! И сын, и его верные собаки словно канули в воду.

«Верно, их разорвал тигр», – подумал старик и, глубоко опечаленный, пошёл домой.

С той поры протекло два года, но мысль о безвременно погибшем сыне лишала отца сна и состарила его на десяток лет. Он часто подходил к стоявшему под деревом идолу, садился возле него и землю и горько жаловался на свою судьбу и на несправедливость Аями.

«Пусть бы лучше погиб я, – говорил он, – мне ведь недолго осталось жить, и я уже никому не нужен. Разве я рассердил чем-нибудь Аями? или

мало приносил ему жертв? За что он так жестоко обрушился на мою старость?»

Однажды ночью Доонке приснился Аями, приказавший ему немедленно встать и пойти на вершину одной из отдалённых скал. Потрясённый реальностью видения, старик тотчас оделся, взял лучок и пошёл по указанному ему направлению. Когда он взобрался на скалу, он увидел перед собой высокое дерево, у которого были медные листья, железные цветы и железная же раздвоенная верхушка.

– Сорви двадцать листьев и двадцать цветов, – раздался из дерева звучный голос. – Потом влезь на дерево и сломай его верхушку.

Старик поспешно исполнил требование. Когда он спустился на землю, дерево исчезло.

Вернувшись домой, Доонке бережно спрятал чудесные вещи и в ту же ночь получил приказание застрелить чернобурую лисицу, волка и рысь, и сшить из их шкур костюм и шапку. Сделав все это, старик облачился и, прицепив к поясу цветы, к груди – листья и к шапке – верхушку дерева, вышел поздно вечером из хижины. Вдруг с ветки к нему спорхнула странного вида птица с вытянутой, как у журавля, шеей и с короткими крыльями; вслед за ней появился маленький божок Буччу с кривой ногой, которой он, на лету, быстро размахивал.

– Садись ко мне на спину, – сказала птица (это была посланница Аями, священная Коори).

Не успел старик усесться, как птица взвилась на воздух и полетела в туманную даль. От быстрого полёта у Доонка закружилась голова, и он должен был схватиться обеими руками за шею Коори, чтобы не упасть и не разбиться о камни.

В это самое время душа сына блуждала в лесу, тщетно стараясь найти дорогу в Буни. Она уже потеряла всякую надежду и готова была впасть в отчаянье, когда под облаками послышался страшный шум, словно от налетевшего ветра. Почти в то же мгновение на землю опустилась Коори со стариком и с сопровождавшим их Буччу.

Таким образом, душа сына была спасена. С помощью Коори и Буччу, старик проводил её в Буни, где она была принята и обласкана самим Аями.

– Отныне ты будешь проводником всех душ, – сказал Доонке великий бог. – Я даю тебе власть над невидимыми покровителями животных, которые станут помогать тебе при переправах через реки и во всём, в чём ты будешь нуждаться. Твоими ближайшими сподвижниками будут бурханы Теремн, Аджеха и Гирки-Аями, а также моя верная

Коори и смелый Буччу. Призывай их всегда, когда они понадобятся тебе, ударами палки в бубен.

Пробыв некоторое время в Буни, старик вернулся на землю и стал первым шаманом и самым знаменитым человеком в крае.

20-го июля.

... Вот, вкратце, та легенда, благодаря которой никуда не годный, даже не лекарственный корень женьшеня приобретал громкую славу...

Лет двести тому назад на поиски Панцуя отправились две партии. Первая состояла из братьев Ли-у, Ван-ган-го и Су-линя, а вторая – из престарелого отца и его молодого сына Тунь-яна. Братья разошлись в разные стороны, условившись встретиться на берегу Японского моря. Но всех трёх постигла неудача: Ли-у растерзал тигр, Су-линь погиб от голода, а Ван-ган-го наткнулся на Панцуя, но так испугался, что умер на месте. С той поры в тайге часто слышатся заунывные звуки: это перекликаются братья, горько жалуясь на свою судьбу и раскаиваясь в своём безумном предприятии.

Я слышал эти звуки. Помню, я сидел ночью у костра и о чём-то разговаривал с Дерсу. В тайге было тихо, и только слышалось журчание ручья, да временами в лесу раздавался треск сучьев под ногами пробегавшего оленя. Полная луна освещала горы и лужайку, на которой стояли наши палатки. Вдруг Дерсу прислушался и сделал мне знак молчать.

– Твоя слышай? – шёпотом спросил он.

Я напряг слух и услышал вдали странные крики; с одной горы доносилось:

– Ли-у! Ли-у! – а с другой:

– Ван-ган-го! Ван-ган-го!

– Братья кричи, – сказал Дерсу. – им худо есть. Зачем они ходи искай Панцуя? Не надо его ищи: он не любит, сейчас убивай будет. Страшный старик, ой-ой-ой какой страшный! Он то змея, то медведь, то тигра, близко подходи нельзя.

Это кричали какие-то ночные птицы, но их голоса удивительно напоминали имена погибших в тайге братьев.

22-го июля.

Погода испортилась до такой степени, что пришлось отказаться от мысли подняться на хребет Сихотэ-Алинь. Простояв на одном месте пять дней, мы решили спуститься по долине реки Синанцы и пройти через горы к реке Сан-хо-бэ, впадающей в залив Терней. Там, по словам Дерсу,

существует хорошая тропа, по которой не трудно перевалить через хребет даже в дождливый период года…

… Дерсу Узала, несмотря на приверженность к своей религии, убил семь или восемь тигров. Он не любит рассказывать об этом, считая, что поступал дурно и несогласно с требованием великого бога – Аями.

– Моя не люби тигра, – сказал как-то он, – он худой люди (это слово Дерсу часто употребляет по отношению к животным). Он труса, поганый зверь. Однако, медведь, кабан лучше. Моя не хочу убивать тигра, он сам хочу: зачем он прыгай на меня и рычи? Он может другой дорога ходи, а зачем он нападай на меня и хвостом верти? Тфу, проклятый зверь! – и Дерсу с отвращением сплюнул.

– Хитришь, Дерсу, – с улыбкой заметил В.К. Арсеньев, – не всегда тигр на тебя «прыгай и хвостом верти». Бывало, что и ты на него прыгал и вертел хвостом.

Дерсу залился беззвучным смехом.

– Бывало, как же! – проговорил он. – Ну, да это ничего, беды нету.

– А в Буни попадёшь?

– Почему не попаду? Аями тоже охотник, он, пожалуй, сердись нету, он добрый.

– Смотри, не пришлось бы тебе медведем ходить по лесу!

Дерсу нахмурился и ничего не ответил.

Когда он был ещё молодым человеком, он охотился раз с женой на реке Ваку. Перед вечером он лёг в шалаше, а жена, переговариваясь с ним, стала что-то варить над костром.

– Посмотри, – сказала она с испугом, – кажется, идёт тигр.

– Пустяки, это верно коза, – шутливо ответил Дерсу (ему лень было вылезать из шалаша).

– Да правда же тигр!

– Он сюда идёт?

– Нет, он переходит через ручей.

– Ну и пусть себе, – зевнув, сказал Дерсу и закрыл глаза.

– Ой, он повернул к нам! – вскрикнула жена и вбежала в шалаш.

Дерсу встал и, взглянув, увидел огромного тигра, тихой походкой проходившего по берегу ручья.

– Моя рассердись, – рассказывал Дерсу, – хватай лучок и стреляй. Тигр реви, скакай, а потом беги через ручей и падай. Моя подойди к нему и плюнь на голову. Пускай близко не ходи, не пугай жена!

– И шкуры не снял? – спросил я.

– Нет: рука пачкай не хочу. Пускай волки съешь.

Второе столкновение Дерсу с тигром произошло в очень оригинальной обстановке. Зимой во время метели он зашёл в заброшенную охотничью хижину, чтобы согреться и немножко «сыпи-сыпи», т. е. поспасть. Хижина была маленькая, полуразвалившаяся, с одним проделанным в стене оконцем и с перекошенной дверью. Дерсу затопил камин и улёгся на нары, положив под голову сумку. Заснул он, как убитый, но вскоре проснулся от холода и от падавшей на него снежной пыли. Приподнявшись на локте, он увидел, что ветер приоткрыл дверь и заносит в хижину снег. Дерсу с неудовольствием поднялся и взял палку, чтобы подпереть ею дверь, а кстати посмотреть, что делается на дворе. Когда он подошёл к выходу, он увидел лежавшего за порогом тигра; продрогший зверь спрятался от ветра между двумя выступами стены и лежал, свернувшись, у самого входа в хижину.

– Моя себе думай: что делай? – рассказывал Дерсу, – стреляй надо, а стреляй не хочу: он тоже мёрзни бедный и, как я, прятайся. Надо жалей его.

Дерсу осторожно подпёр палкой дверь и лёг на нары. Проспав несколько часов, он встал и посмотрел в щелку двери: тигр лежал, как и раньше, свернувшись по-кошачьи и закрыв глаза.

«Надо застрели», – решил Дерсу и хотел взять винтовку; но увы! её не оказалось: она осталась снаружи, так как Дерсу не захотел внести её с мороза в тепло.

«Ай-ай-ай!» – с тревогой подумал старик. – «Как теперь быть? Худо есть, выйти нельзя».

Действительно, он очутился в мышеловке и был всецело во власти тигра: стоило последнему нажать на дверь, и Дерсу пришлось бы весьма плохо, так как, кроме простого охотничьего ножа, у него не было никакого оружия. Но зверь, по-видимому, не догадывался о присутствии человека и крепко спал, согретый толстым слоем нанесённого на него снега. Винтовка стояла рядом с ним, но на таком расстоянии от двери, что достать её рукой не было возможности.

Поняв всю серьёзность положения, Дерсу мысленно плюнул и рассердился: «Моя дурак! зачем оставляй винтовка на улице? Тфу, глупый!»

В конце концов он решился на отчаянный шаг: ткнул тигра палкой в спину. Разумеется, тигр вскочил, как ужаленный, и спросонков отбежал немного в сторону. Воспользовавшись этим, Дерсу распахнул дверь и

схватил винтовку. Увидев перед собой злейшего врага, тигр пришёл в неистовую ярость и кинулся на Дерсу, но сражённый пулей упал и издох. Сделай старик промах, и он, вероятно, не рассказывал бы мне об этом приключении, почти неправдоподобном, если измерять его обыкновенным охотничьим масштабом.

24-го июля.

Сегодня днём, проходя невдалеке от Синанцы, мы увидели стаю ворон, кружившую над зарослями ивняка.

– Там что-то есть, – сказал Дерсу.

Действительно, среди кустов лежал свежеободранный труп гималайского медведя. Он был убит, вероятно, часа за два до нашего прихода, так как кровь едва успела сгуститься, и труп был ещё тепловатым. В голове зияло большое отверстие, пробитое или пулей берданки, или самодельной пулей большого калибра.

– У китайца ружьё нету, – сказал Дерсу, осмотрев со всех сторон рану, – стало быть, его убивай русский охотник либо таза*).

Вскоре мы открыли и самого охотника. Табор, к которому нас привёл лай собак, был расположен на каменистом берегу Синанцы, у самой воды, и состоял из старой брезентовой полупалатки и берестяного шалаша... Двое взрослых мужчин чинили выволоченную на песок лодку, а среди валунов резвились дети, мальчик и девочка... Эти люди были тазы...

.....

В последние дни в реке появилось огромное количество кеты...

– Боже мой, Боже мой, если б такое добро да водилось в «русских» реках, – вздохнув, произнёс солдатик Туртыгин, глядя на темнеющий под водой косяк рыбы. – Всякий был бы сыт, на всех бы хватило.

– В год бы выловили, – отозвался Захаров. – Разве мало народа в «России»?

– Надо умей лови, – сердито сказал слыхавший этот разговор Дерсу. – Надо столько лови, сколько надо, а остальное выпускай в река. А то сразу всё хватай, как волк; конечно, ничего оставайся нету.

.....

*) Гольдов и орочей нет в этой части побережья. П.Б.

… Местами, переходя через леса, нам приходится прорубать дорогу для наших мулов. Это очень скучное и утомительное занятие, но избежать его невозможно, так как обходные пути не всегда возможны и отняли бы слишком много времени. Чаще всего нужно вырубать углубления в поваленных ураганом стволах деревьев, чтобы дать возможность навьюченным животным переступить через них. При этом необходимо следить, чтобы не было торчащих сучков, могущих серьёзно поранить брюхо мулов. Дерсу всячески старается увильнуть от этого дела, но и ему приходится браться за топор, так как мы устаём и часто сменяем друг друга. Старик ворчит, но рубит с такой силой, словно ему тридцать лет.

… Напившись с нами чаю, искатели расспросили о дороге к золотоносной долине и вскоре исчезли в зелёных зарослях тальников; мы долго слышали удаляющийся звон колокольчиков и треск сучьев под ногами лошадей.

– Никогда не стал бы золото искай, – проговорил Дерсу, закуривая трубку, – поганый работа, охота лучше.

– Зато разбогатеть можно…

– Зачем богатей? – раскипятился Дерсу. – Сытый, одетый, чего ещё надо? много деньга худо есть, моя не хочу. Раньше как без деньга жили? Шкурка меняй, рыба меняй, получай одежа, порох… Однако, лучше было.

……

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньев В.В. Тропой, завещанной Дерсу. Владивосток, Дальневосточный арсеньевский благотворительный фонд, 2002.

Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический. Хабаровск, 2014.

Арсеньев В.К. Русско-орочский словарь. Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев. Санкт-Петербург, 2008.

Бельды Н.Н. Сокровища края сильной воды: нанайские мифы, легенды, стихи, орнаментально-декоративное творчество. Хабаровск, РИОТИП, 2009.

Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток, Дальнаука, 2003.

Гончарова С.В. Дерсу Узала: данные к биографии. Арсеньевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Владивосток, Издательство «Краски», 2007.

Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXVI, выпуск 1. Владивосток, 2002.

Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXVII, выпуск 1. Владивосток, 2004.

Киле Н.Б. Нанайские топонимы района озера Болонь. Филология народов Дальнего Востока (Ономастика), Владивосток, 1977.

Крившенко С.Ф. Дорогами землепроходцев. Героика освоения Дальнего Востока в очерково-мемуарной и исторической прозе. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1984.

Кузьмичёв И.С. Писатель Арсеньев. Личность и книги. «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1977.

Левкин Г.Г. Дом без крыши. Записки о таежных странствиях. Хабаровск, 488 Военно-картографическая фабрика, 2004.

Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: Опыт этнографического исследования. Записки ОИАК, т. XVII. Владивосток, 1922.

Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. Нанай-лоча хэнскуни. М., Издательство «Русский язык», 1980.

Пермяков Г.Г. Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В.К. Арсеньеве. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1965.

Плотникова Н.И. Трилогия В.К. Арсеньева об Уссурийском крае: жанровое своеобразие. Уссурийск, издательство УГПИ, 2006.

Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1983.

Скоринов С.Н. Миф и ритуал в традиционной культуре нанайцев России. История и культура Приамурья. № 1 (9). Хабаровск, 2011.

Сумашедов Б.В. Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника. М., Издательство «Известия», 2008.

Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток, Общество изучения Амурского края, 2012.

Шевченко В.М. По следам Владимира Клавдиевича Арсеньева и его спутника Дерсу Узала. Взгляд через сто лет. М., Издательство «Герои Отечества», 2006.

Шестакова Ю.А. Люди-звёзды. Очерки и рассказы. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1981.

Яроцкая Ю.А. Научно-художественное творчество В.К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы». Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 2013.

Яроцкая Ю.А. Творчество В.К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Владивосток, Дальневосточный государственный университет, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....3

Любовь ОДЗЯЛ
О НАНАЙЦАХ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ.....6

И ЭТО ВСЁ О НЁМ… 19
РЕАЛЬНЫЙ ДЕРСУ УЗАЛА: ВЕРСИИ, ФАКТЫ, СРАВНЕНИЯ.....21
ВОКРУГ ДЕРСУ. МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, ВЫДУМКИ И ПРОСТО ЛОЖЬ.....57
НЕМНОГО СТРАННОГО.....88

ПРИЛОЖЕНИЯ.....95
Сергей КУЧЕРЕНКО
ТАЙНА СМЕРТИ ДЕРСУ.....96
Григорий ЛЕВКИН
ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ О ДЕРСУ УЗАЛА.....114
Петр БОРДАКОВ
ДЕРСУ УЗАЛА. ТАЁЖНЫЙ РАССКАЗ.....128
Владимир АРСЕНЬЕВ-мл.
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕРСУ УЗАЛА.....149
Владимир АРСЕНЬЕВ-мл.
ДЕРСУ УЗАЛА ПОСЛЕ СМЕРТИ.....153
Петр БОРДАКОВ
НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЯПОНСКОГО МОРЯ.....158

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....177

80,00

Научно-популярное издание

ЕГОРЧЕВ Иван Николаевич

«ЗАГАДКИ» ДЕРСУ УЗАЛА

В авторской редакции
Дизайн и верстка *Е.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 24.11.2014
Формат 70x100 / 16. Усл. печ. л. 14,67 + 0,97. Уч.-изд. л. 11,63
Тираж 500 экз. Заказ № 91 от 28.01.2015г.

Дальневосточный федеральный университет
690095, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии «Рея»
690062 г. Владивосток, ул. Днепровская, 42б
тел. 2-302-306, 2-302-307
reya@reya.ru

ISBN 978-5-7444-3442-7

9 785744 434427